новая ПОЛЬША

РЫШАРД КАПУСТИНСКИЙ: КТО ТАКОЙ «ДРУГОЙ»?

Чеслав Милош об эрозии

Книга Александра Липатова о Польше

АДАМ МИХНИК О ПАВЛЕ ЯСЕНИЦЕ

Польские фирмы завоевывают мировые рынки

Поляки работают в России

Лауреатка «Нике» Дорота Масловская о своей книге

ВАРШАВА

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»: <u>www.novpol.ru</u>

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО» главный спонсор деятельности Национальной Библиотеки в 2006 году

№ 10(79) 2006 октябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Рышард Капустинский ДРУГОЙ: КТО ОН?	3
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	7
	Мартин Яцковский КШИЖОВА — МЕСТО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧ	13
	ВСТРЕЧИ ИЗГНАННЫХ	16
	Лешек Волосюк ПОЛЬША И РОССИЯ: КОНФРОНТАЦИЯ И ГРАВИТАЦИЯ	22
	Петр Мёнчинский, Лешек Костшевский ПОЛЬСКИЕ ФИРМЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ МИРОВЫЕ РЫНКИ	28
	Петр Стасяк НАПРАВЛЕНИЕ — МОСКВА	31
OK.	Войцех Дуда-Дудкевич ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА	35
	Кшиштоф Мрозевич ИЗ АДА ПРОКАЖЕННЫХ В НЕБЕСА БРАМИНОВ	40
	Адам Михник ПИСАТЕЛЬ В КЛЕЩАХ	43
	Эва Бейнар-Чечотт ТАКОЙ УЖ Я ЕСТЬ, И НА ЭТО НЕ СПОСОБЕН	48

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Т. Дзядко, Н. Кузнецов, М. Курганская, А. Ройтман, С. Тонконогова, Е. Шиманская Фото С: Agencja Gazeta (стр. 40, 80), Archiwum (стр. 27, 64), Biblioteka Domu Literatury (стр. 43), A. Jackowski (стр. 14, 15)

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия Элиза Вольская Наталья Горбаневская Никита Кузнецов Виктор Кулерский Янина Куманецкая Петр Мицнер (зам. гл. редактора) Кристина Пашек (секретариат) Гжегож Пшебинда Ежи Редлих (зам. гл. редактора, секретарь редакции)

Лешек Шаруга Дмитрий Шевионков-Кисмелов (главный художник)

Графика и макет Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция Паулина Зелёна

Адрес редакции Al.Niepodległości, 213 02-086 Warszawa Ал. Неподлеглости, 213 02-086 Варшава (0-22) 608 27 95; 608 25 65 (0-22) 608 25 05; 608 27 96 факс: nowpol@bn.org.pl e-mail: Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49 621-41-42 тел: e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Рышард Капустинский

Перевод Елены Шиманской

ДРУГОЙ: КТО ОН?

Когда я размышляю над своими, уже долгими путешествиями по миру, то иногда мне кажется, что самой тревожной проблемой были не столько границы и фронты, труды и опасности, сколько постоянно возникавшая неуверенность в том, как пройдет и какой окажется моя встреча с Другими — другими людьми, которых я встречу гдето в пути. Я знал, что от этого будет зависеть многое, иногда, возможно, всё. Каждая такая встреча была неизвестностью: как она пройдет? как развернется? чем закончится?

Такого рода вопросы сами по себе извечны. Встреча с другим человеком, с другими людьми всегда и везде была главным испытанием для нашего человеческого рода. Археологи говорят, что самыми первыми человеческими сообществами были небольшие семьи-племена, насчитывавшие три-пять десятков человек. Будь такое сообщество больше, ему трудно было бы быстро и успешно перемещаться. Будь оно меньше, ему трудно было бы успешно защищаться, бороться за выживание.

И вот наша небольшая семья-племя устремляется вперед в поисках пропитания и вдруг встречает другую семью-племя. Какой же это важный момент в истории мира, какое серьезное открытие! Открытие, что на свете существуют другие люди! Ибо до сих пор член упомянутой нами первоначальной группы мог пребывать в уверенности, что существуя среди трех-пяти десятков побратимов, он знает всех людей на свете. А тут оказалось, что это не так — что на свете живут еще и другие подобные ему существа, другие люди!

Как же вести себя перед лицом такого открытия? Как поступить? Какое принять решение?

Ринуться в ярости на этих встреченных? Равнодушно обойти их и двинуться дальше? Или же попытаться познакомиться и понять друг друга?

Тот самый выбор, перед лицом которого тысячи лет тому назад оказалась группа наших предков, стоит перед нами и сегодня, причем с той же неослабевающей насущностью; выбор столь же, как и тогда, принципиальный и категорический. Как отнестись к Другим? Какую занять позицию по отношению к ним?

Может случиться так, что произойдет поединок, конфликт, война. Все архивы хранят свидетельства подобных событий, об этом напоминают поля бесчисленных битв, остатки рассеянных по всему миру руин. Всё это свидетельства поражений человека — свидетельства того, что он не сумел или не захотел договориться с Другими. В литературах всех стран и всех эпох эта ситуация сделалась темой, неисчерпаемой по разнообразию и настроению.

Однако может случиться и так, что наблюдаемая нами семья-племя, вместо того чтобы нападать и сражаться, решит отгородиться от Других, отделиться, изолироваться. В результате такого выбора со временем начнут появляться схожие по замыслу объекты, такие, как Великая китайская стена, башни и врата Вавилона, римские limes (валы) или каменные стены инков.

К счастью, существуют доказательства и другого поведения, известного человеческому опыту. Это доказательства сотрудничества — остатки рынков, водных причалов, места, где были агоры и святилища, где все еще видны следы расположения старых университетов и академий или же сохранились следы торговых путей, таких как Шелковый путь, Янтарный путь или путь через Сахару. Всюду там люди встречались, обменивались мыслями, идеями и товарами, торговали, заключали сделки и союзы, находили общие цели и ценности. Иной, другой человек переставал быть синонимом чуждости и враждебности, опасности и смертельного зла. Каждый находил в себе самом хотя бы частицу этого Другого, верил в это, жил с этим убеждением.

Три вышеназванных возможности вставали перед человеком всегда, когда он встречался с Другим: он мог выбрать войну, мог отгородиться стеной и мог начать диалог.

На протяжении истории человек все время колеблется между этими возможностями и, в зависимости от обстоятельств и культуры, выбирает то одну, то другую; мы видим, что в этом выборе он переменчив, не всегда чувствует себя уверенно, не всегда ощущает твердую почву под ногами.

Войну трудно оправдать; думаю, что ее проигрывают все, ибо по сути это поражение человеческого существа, обнажающее его неспособность понять Другого, проникнуться его чувствами, проявить добро и разум. В таком случае встреча с Другим всегда кончается трагически, драмой кровопролития и смерти.

Идея, которая склонила человека к строительству великих стен и бездонных рвов, к огораживанию себя ими и отгораживанию себя от других, в наше время получила название доктрины апартеида. Это понятие несправедливо ограничивается лишь политикой ныне уже не существующего режима белых в Южной Африке. Ибо на самом деле практика апартеида известна с незапамятных времен. Если говорить упрощенно, сторонники таких взглядов утверждают, что каждый может жить, как он хочет, лишь бы подальше от меня, если он не принадлежит к моей расе, религии, культуре. Если бы речь шла только об этом! На самом деле перед нами доктрина о постоянстве структурного неравенства, разделяющего человеческий род.

В мифах многих племен и народов содержится убеждение, что люди — это только мы, члены нашего клана, нашего сообщества, а Другие, все Другие, — это недочеловеки или вообще не люди.

Насколько отличается образ того же Другого в эпоху антропоморфических верований, когда боги могли принимать человеческий облик и вести себя как люди. В те времена никогда не было известно, кто этот приближающийся странник, путешественник, пришелец — человек или бог в облике человека? Эта неуверенность, эта интригующая амбивалентность — один из источников культуры гостеприимства, предписывающей встречать прибывшего со всей доброжелательностью.

Об этом пишет Циприан Норвид, размышляя в своем вступлении к «Одиссее» о причинах гостеприимства, с которым Одиссей встретился на обратном пути на Итаку:

«Там в каждом нищем и скитальце подозревали сначала: не из богов ли он? (...) Нельзя было, прежде чем сажать пришельца за стол, спрашивать: кто ты, пришедший? Лишь после того, как было проявлено уважение к его божественности, можно было приступать к человеческим вопросам, и это называлось гостеприимством, потому-то и причисляли его к благочестивым действиям и добродетелям. У гомеровских греков не было никакого «последнего человека»! — он всегда был первым, то есть божественным».

В таком, предложенном Норвидом, греческом понимании культуры вещи приобретают свои новые, благоприятные для человека значения. Двери и ворота служат не только для того, чтобы закрывать их от Другого, — они могут и открываться перед ним, приглашать в гости. Дорога не обязательно служит вражеским армиям — она может быть и трактом, по которому к нам идет в одеждах пилигрима кто-то из богов. Благодаря таким истолкованиям значений мы оказываемся в мире, который становится для нас не только богаче и разнообразней, но и доброжелательней, в мире, в котором мы сами хотим встретиться с Другим.

Встречу с Другим Эмманюэль Левинас называет «событием», даже «фундаментальным событием»; это самый важный опыт, он относится к самому глубокому горизонту пережитого. Левинас, как мы знаем, принадлежит к группе философов диалога, таких как Мартин Бубер, Фердинанд Эбнер или Габриэль Марсель (позднее к этой группе присоединился и Юзеф Тишнер); они развили идею Другого — как единственного и неповторимого — в более или менее косвенной оппозиции к двум феноменам, проявившимся в XX веке, а именно к появлению массового общества, отменяющего отдельность личности, и к экспансии разрушительных тоталитарных идеологий. Философы этого направления стремились защитить важнейшую для них ценность — человеческую личность: меня, тебя, Другого, Других — от воздействия масс и тоталитаризма, нивелирующего любую самобытность человека (на этом основано понятие «Другого», которое они сделали всеобщим достоянием, дабы подчеркнуть разницу между одним человеком и другим, разницу черт постоянных, не подлежащих никакой замене).

Что касается отношения к Другому и Другим, то эти философы отрицали путь войны как ведущий к массовому уничтожению, критиковали позицию равнодушия и отгораживания стеной, а вместо этого провозглашали необходимость — более того, этическую обязанность — сближения, открытости и доброжелательности.

В кругу таких идей и убеждений, такого рода поисков и размышлений, таких позиций рождалось и развивалось великое научное творчество Бронислава Малиновского — выпускника, а затем доктора философии Ягеллонского университета, члена Польской академии знаний.

Малиновский поставил вопрос: как приблизиться к Другому, если это не исключительно абстрактное существо, а конкретный человек, принадлежащий к иной расе, исповедующий свои, отличные от наших, верования и ценности, носитель своей культуры и традиций?

Обратим внимание, что понятие «Другой» чаще всего толкуется с точки зрения белого, европейца. Однако сегодня, когда я иду по деревне в горах Эфиопии, за мной бежит ватага детей, показывающих на меня пальцами, веселящихся и кричащих: «Ferenczi!» А это как раз и означает — иностранец, чужой, другой. Потому что для них я — Другой.

В этом смысле все мы плывем в одной лодке. Все мы, жители нашей планеты, — Другие по отношению к Другим: я — к ним, они — ко мне.

В эпоху Малиновского и в предшествовавшие века белый человек, европеец, отправлялся за пределы своего континента почти исключительно с завоевательными целями — чтобы покорять новые земли, добывать рабов, торговать или обращать в свою веру. Зачастую это были невероятно кровавые экспедиции — покорение Америки людьми Колумба, а затем белыми колонистами, завоевание Африки, Азии, Австралии.

Малиновский отправился на острова Тихого океана с иной целью — он хотел познать Другого. Узнать его соседей, обычаи и язык, увидеть, как он живет. Он хотел увидеть и испытать это сам, лично, чтобы затем удостоверить.

Вполне очевидный проект Малиновского оказался, однако, революционным, подрывающим устои, ибо он обнажал проявляющуюся, хотя и в разной степени, слабость или же просто черту каждой культуры, заключающуюся в том, что та или иная культура сталкивается с трудностями в понимании другой и что эти трудности присущи людям, принадлежащим к разным культурам.

Автор «Коралловых садов», в частности, подчеркивал по прибытии на территорию своих исследований — острова Тробриан, — что живущие там годами белые не только ничего не знают о местном населении и его культуре, но и имеют об этом абсолютно ложное представление, продиктованное высокомерием и презрением.

Сам он, наперекор всем колониальным обычаям, разбил палатку посреди одной из местных деревень и стал жить вместе с местным населением. То, что ему пришлось пережить, не назовешь легким испытанием. В сохранившемся «Дневнике» он все время вспоминает о своих трудностях, плохом настроении, о своей подавленности, даже депрессии.

За отрыв от своей культуры приходится платить высокую цену. Поэтому так важно обладать ярко выраженной самобытностью, ощущением ее силы, ценности и зрелости. Только тогда человек может смело противопоставлять себя другой культуре. В противном случае он будет прятаться в собственной скорлупе, трусливо отгораживаясь от других. Тем более что Другой — это зеркало, в которое смотрюсь я сам или в котором видят меня, зеркало, которое меня разоблачает и обнажает, а этого нам было бы предпочтительнее избежать.

Интересно, что когда в родной для Малиновского Европе шла I Мировая война, этот молодой антрополог был занят исследованием культуры обмена, контактов и совместных обрядов жителей островов Тробриан. Этой проблеме он и посвятил замечательный труд «Аргонавты западной части Тихого океана», где сформулировал важный, но так редко соблюдаемый другими тезис: «Чтобы о чем-то судить, надо там побывать». И еще один тезис, чрезвычайно смелый для своего времени, провозгласил выпускник Ягеллонского университета, а именно: нет культур высших и низших — есть лишь разные культуры, различным образом удовлетворяющие потребности и ожидания людей. Для Малиновского другой человек, то есть представитель другой расы и культуры, — это прежде всего человек, поведению которого, как и поведению каждого из нас, присущи достоинство, уважение к признанным ценностям, почитание традиций и обычаев.

Если Малиновский приступал к своим исследованиям в момент зарождения массового общества, то мы сегодня живем в период перехода от этого массового общества к новому — планетарному. Этому во многом способствуют электронная революция, небывалое развитие всевозможных коммуникаций, огромные усовершенствования в сфере связи и передвижений, а также преобразования, происходящие как в сознании самых молодых поколений, так и в культуре, понимаемой в самом широком смысле.

Каким образом это изменит наше отношение к представителям другой культуры или других культур? Как это повлияет на соотношение «Я — Другой» в рамках моей культуры и вне ее? Очень трудно дать на это недвусмысленный и окончательный ответ, ибо речь идет о процессе, который продолжается и в котором мы сами участвуем — не имея возможности как-то от него отстраниться, чтобы все продумать.

Левинас рассматривал соотношение «Я — Другой» в рамках одной, исторически и расово единой цивилизации. Малиновский изучал меланезийские племена в те времена, когда они еще сохраняли первобытное состояние, не подвергшееся влиянию западной технологии, организации и рынка.

Однако сегодня это становится все менее возможным. Культура становится все более и более гибридной, гетерогенной. Недавно в Дубае я наблюдал поразительное явление. По берегу моря шла девушка, вне всякого сомнения мусульманка. Она была одета в обтягивающие джинсы, блузка на ней тоже была в обтяжку, и в то же время ее голову, но только голову, окутывала темная чадра, настолько пуритански плотно ее закрывавшая, что даже глаз девушки не было видно.

Сегодня в философии, антропологии и литературной критике существуют уже целые школы, которые главное внимание уделяют этому процессу, процессу гибридизации, объединения и культурного перевоплощения. Этот процесс происходит особенно в тех регионах, где границы государств были границами разных культур (например, граница между Америкой и Мексикой), а также в гигантских мегаполисах (как Сан-Паулу, Нью-Йорк или Сингапур), где идет смешение населения, представляющего самые разные культуры и расы. Впрочем, сегодня

мы говорим о том, что мир стал многоэтничным и многокультурным не потому, что этих обществ и культур стало больше, чем прежде, но потому, что они начали заявлять о себе гораздо громче, гораздо самостоятельнее и решительнее, требуя одобрения, признания и места за круглым столом народов.

Настоящий вызов нашего времени, встреча с новым Другим, Другим с расовой и культурной точек зрения, обусловлен также широким историческим контекстом. Вторая половина XX века — это годы, когда две трети населения земного шара освободились от колониальной зависимости и стали гражданами собственных, по крайней мере номинально независимых государств. Постепенно эти люди начинают восстанавливать свое собственное прошлое, мифы и корни, свою историю, у них появляется ощущение самобытности и вследствие этого, естественно, гордости. У них начинает возникать ощущение самих себя, ощущение хозяев, которые управляют собственной судьбой, и они с ненавистью смотрят на любые попытки относиться к ним исключительно как к предметам, статистам, фону, как к жертвам и пассивным объектам господства.

Сегодня наша планета, которая веками заселялась узким кругом свободных и широкими массами порабощенных людей, заполняется все большим количеством народов и обществ, в которых проявляется растущее ощущение собственного значения и своей отдельной ценности.

Этот процесс часто сопровождается серьезными трудностями, конфликтами и драмами.

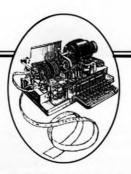
Возможно, мы движемся в сторону настолько нового и иного мира, что прежний исторический опыт может оказаться недостаточным, чтобы понять его и существовать в нем.

Во всяком случае мир, в который мы вступаем, — это Планета Великих Возможностей, но возможностей не безусловных, открытых только для тех, кто рассматривает свою задачу со всей серьезностью и таким образом подтверждает, что и к себе самому относится с той же серьезностью. Это мир, который потенциально дает много, но и многого требует от нас, мир, где попытка облегчить свой путь, выбирая кратчайший, часто ведет в никуда.

В этом мире мы будем постоянно встречаться с новым Другим, который постепенно начнет возникать из хаоса и неразберихи современности. Возможно, этот Другой появится в результате встречи двух противоположных течений, созидающих культуру современного мира: течения, направленного на глобализацию нашей действительности, и другого, сохраняющего наши различия, нашу непохожесть, нашу неповторимость. Он станет их порождением и их наследником. Поэтому нам следует вступать с ним в диалог и искать взаимопонимания. Многолетний опыт пребывания среди далеких Других учит меня, что только проявление доброжелательности к другому существу является той позицией, которая позволит и в нем зазвучать струне гуманизма.

Кем будет этот новый Другой? Какой окажется наша встреча? Что мы друг другу скажем? И на каком языке? Сумеем ли мы выслушать друг друга? Взаимно понять друг друга? Захотим ли вместе обратиться к тому, что, как говорит Конрад, «взывает к нашей способности испытывать восторг и восхищение, к ощущению тайны окружающей нас жизни, к нашему чувству милосердия, красоты и боли, к скрытой связи со всем миром — к пусть хрупкой, но все же непреодолимой вере в солидарность, которая объединяет в единое целое одиночество бесчисленного множества человеческих сердец, зовет к общности в мечтах, радостях, заботах, стремлениях, иллюзиях, надеждах и страхах, к той общности, которая связывает человека с человеком, которая объединяет все человечество — ушедших с живыми, а живых с еще не родившимися».

Из книги «Ten inny», Znak, Kraków 2006

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «14 августа 1980 г. на Гданьской судоверфи (в те времена носившей имя Ленина) вспыхнула забастовка, с которой и началась «Солидарность». Дату выбрал Богдан Борусевич (...) В свои планы он посвятил только трех молодых судостроителей: Богдана Фельского, Людвика Прондзынского и Ежи Боровчака. Сразу же после них должен был начать действовать один из лидеров забастовки 1970 г., тридцатисемилетний Лех Валенса. «Его знала вся верфь, — рассказывает Боровчак. — Мы с самого начала предполагали, что руководить забастовкой будет Лех. Он умеет говорить, входить в контакт с людьми. Когда он выступал в годовщину декабря [1970-го], то такую речь толкнул, что парни просто ревели (...) К августовской забастовке, которую начали пять человек, еще в тот же день присоединились 50 тыс. гданьских рабочих. Через две недели по всей стране бастовали уже несколько сот тысяч человек». («Жечпосполита», 14-15 авг.)
- Премьер-министр Ярослав Качинский в Брюсселе во время своего первого зарубежного визита: «Вступление Польши в Евросоюз это большой успех. Мое правительство считает своей главной задачей использовать тот шанс, который дали нам дотации и европейский рынок». («Дзенник», 31 авг.)
- «Вчера президент Лех Качинский и главный раввин Польши Михаэль Шудрих побывали у Стены плача. Кроме того, польский президент неожиданно встретился в Иерусалиме с британским премьером Тони Блэром». Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше, комментирует: «Лех Качинский — первый лидер крупного европейского государства, посетивший нашу страну после неоконченной трагической войны с «Хезболлой» (...) В частности, президент Качинский откроет у нас выставку, посвященную еврейским солдатам и офицерам в польской армии (...) Во время II Мировой войны в различных польских частях сражались почти 100 тыс. евреев. 40 тыс. из них погибли в польских мундирах. (...) Следует подчеркнуть, что у братьев Качинских всегда были очень хорошие отношения с евреями и Израилем». («Жечпосполита», 11 сент.) • «Это одно из самых важных для нашей цивилизации

 «Это одно из самых важных для нашей цивилизации мест. Я христианин, а не иудей, но я знаю, где корни моей веры», — сказал Лех Качинский у Стены плача.
 Оттуда президент начал свой четырехдневный визит в Израиль и Палестинскую автономию. Лех Качинский напомнил журналистам, что у Стены плача он уже второй раз. Впервые он побывал там в качестве президента [мэра] Варшавы». («Дзенник», 11 сент.)

- Президент Лех Качинский на пресс-конференции в Иерусалиме: «Если кто-нибудь скажет, что Польша это европейская страна, особенно дружественная Израилю, то он будет прав. Мы от этой правды не отказываемся». («Жечпосполита», 12 сент.) «Приветствуем друга нашего народа», сказал президент Палестинской автономии Махмуд Аббас, встречая президента Леха Качинского. «Тот факт, что Польша остается в прекрасных отношениях с обеими сторонами конфликта, может позволить ей сыграть значительную роль в этом регионе», сказал президент Аббас на прессконференции. («Жечпосполита», 14 сент.)
- «Польский контингент миротворческих сил ООН в Ливане увеличится с нынешних 214 до 500 человек», сообщила в Брюсселе министр иностранных дел Польши. («Дзенник», 27 авг.)
- «Число польских солдат за границей: Ирак около 870; Афганистан 105; миссия ЕУФОР в Боснии около 200; миссия КФОР в Косове почти 300; миссия ЮНДОФ в Сирии (Голанские высоты) около 350; миссия ЮНИФИЛ в Ливане 214; миссия в Демократической Республике Конго без малого 130». («Газета выборча», 24 авг.)
- «Два натовских летающих радара АВАКС приземлились вчера на аэродроме в Повидзе. До конца этого года Польша станет совладельцем 17 таких машин (...) Благодаря этому польские ВВС смогут списать устаревшую наземную радиолокационную технику. Таким образом, начиная с 2008 г. Польша будет ежегодно экономить 50-60 млн. злотых». («Газета выборча», 18 авг.)
- «В 1989 г. мы были на 14-м месте среди стран, начинавших преобразования. Сегодня мы вышли на 7-е. [Однако] в текущем десятилетии Польша утратила позицию страны с экономикой, развивающейся быстрее всего в регионе». (Рышард Рапацкий, «Жечпосполита», 6 сент.) «Во втором квартале экономический рост достиг 5,5% (...) Этим солидным ростом мы в огромной степени обязаны инвестициям. Никто не ожидал, что темп их роста увеличится в два раза. В первом квартале он был на 7,4% выше, чем в прошлом году, а во втором уже на 14,4%». («Газета выборча», 31 авг.)

- «Когда начиналась эпоха Третьей Речи Посполитой, в польских вузах учились 405 тыс. человек, а высшее образование имели лишь 7% взрослых поляков (...) По сравнению с 1989 г. число студентов увеличилось на 377%. В настоящий момент высшее образование получают 2 млн. человек». («Ньюсуик-Польша», 27 авг.)
- «Сейчас за границей учатся 30 тыс. поляков главным образом в вузах Германии и Великобритании, а также в лучших высших школах США» («Ньюсуик-Польша», 27 авг.)
- «Филип Вольский, окончивший в этом году III общеобразовательный лицей в Гдыне, стал победителем прошедшей в Мексике XVIII Международной олимпиады по информатике. «Это один из самых престижных в мире конкурсов по информатике и наверняка самый важный для информатиков возраста Филипа», — сказал профессор Варшавского университета Кшиштоф Дикс (...) Кроме Филипа, с наградами из Мексики вернулись Якуб Каллас из того же III лицея в Гдыне и Мартин Андрыхович из XIV общеобразовательного лицея в Варшаве». («Газета выборча», 22 авг.)
- «По данным Польского национального банка (ПНБ), в первом полугодии общая сумма вкладов в польских банках выросла на 8 млрд. злотых. Это самый быстрый рост депозитов за последние несколько лет. Достаточно сказать, что за весь прошлый год в банках прибавилось «только» 10 млрд. злотых. Сегодня мы храним в банках больше, чем когда бы то ни было, — почти 229 млрд. злотых (...) Аналитики утверждают, что денег в банках становится больше благодаря росту благосостояния поляков. Судя по данным Главного статистического управления (ГСУ), наши заработки растут, а часть прибавок, прежде чем мы их проедаем, переводится во вклад». («Газета выборча», 19-20 авг.)
- «Т.н. индекс потребительского оптимизма вырос в Польше до 107 пунктов — это на 14 пунктов выше среднего показателя по Европе! За последний год он вырос на 4 пункта. В рейтинге нас опережают только скандинавы, ирландцы, испанцы и бельгийцы (...) Поляки все лучше оценивают не только свои перспективы на рынке труда, но и состояние своих финансов: 64% опрошенных считают его хорошим или очень хорошим». («Дзенник», 8 сент.)
- «Когда одного моего знакомого поляка спросили, что его больше всего удивило в Швеции, он ответил: «Там от меня не убегают кошки и собаки»». (Томаш Валят, «Политика», 12 авг.)
- С тех пор как Польша вступила в Евросоюз, в другие страны ЕС уехали свыше 1,1 млн. поляков. В Германии польская диаспора насчитывает 535 тыс. человек, в Великобритании — 264 тыс., в Ирландии — 100 тыс., во Франции — 90 тыс., в Италии — 72 тыс., в Голландии

- 20 тыс., в Австрии 13 тыс., в Чехии 7 тысяч. («Жечпосполита», 6 сент.)
- «Уполномоченный по правам человека призывает открыть дипломатическое представительство или консульство в Исландии. В настоящее время на территории Исландии живут и работают около 8 тыс. поляков (по некоторым данным, их может быть даже 15 тысяч). Есть все основания полагать, что в связи с открытием исландского рынка труда для граждан новых государств-членов ЕС, число работающих в Исландии поляков будет постоянно расти. Местные предприниматели очень ценят польских работников». («Жечпосполита», 19-20 авг.)
- «По расчетам министерства финансов, обработавшего налоговые декларации на доходы физических лиц за 2005 год, в прошлом году номинальная зарплата каждого из нас составила в среднем 1425 злотых. Однако если вычесть из этого пенсии и пособия, выплаченные Управлением социального страхования, то оставшаяся сумма составляет только 1198 злотых. Расчеты министерства финансов значительно отличаются от данных ГСУ». («Жечпосполита», 19-20 авг.)
- «По данным ГСУ, представленным в отчете о масштабах бедности, в 2005 г. за чертой бедности жили 12% поляков. По расчетам Института труда и социальных вопросов, в прошлом году прожиточный минимум для одинокого человека составил 387 злотых в месяц, а для семьи из четырех человек (с двумя детьми) — 1045 злотых. Закон о социальной помощи определяет прожиточный минимум несколько по-другому: согласно ему, пособия выплачиваются лицам, чей доход не превышает 461 зл. или 1260 зл. на семью из четырех человек (...) Данные ГСУ не учитывают бездомных, а также семей, оказавшихся за чертой бедности вследствие тяжелой болезни или старости». («Газета выборча», 7 авг.) • «Владельцы многих пекарен стоят на грани банкрот-
- ства (...) В начале 90-х среднестатистический поляк съедал в год 90 кг хлебобулочных изделий, а сейчас довольствуется лишь 70 кг (...) Выпечка стала считаться нездоровой». («Дзенник», 31 авг.)
- «Несмотря на быстрый экономический рост, мы все глубже залезаем в долги. Первый звонок может прозвенеть уже в конце года, если к тому времени государственный долг превысит 50% ВВП (...) Жаль, что экономический рост на уровне 5% не вызывает у политиков желания экономить, а, наоборот, лишь ускоряет процесс раздачи государственных денег (...) Пока что министерство финансов спокойно, так как, по его прошлогодним расчетам, к концу года государственный долг не превысит 46,1% ВВП». («Жечпосполита», 17 авг.)

- «Агентство Фитча повысило рейтинг Польши с оценки А до А+. Это означает, что, по мнению иностранных экспертов, финансовые институты нашей страны пользуются все большим доверием на международных рынках». («Дзенник», 22 авг.)
- «Президент Лех Качинский подписал (...) закон о создании Комиссии финансового контроля (...) КФК будут переданы полномочия по контролю за биржевым и страховым рынком (...) Кроме того, ее председатель будет осуществлять банковский контроль вместо председателя ПНБ. Назначать председателя КФК будет премьер-министр». («Дзенник», 23 авг.)
- Из открытого письма, подписанного семью бывшими членами Совета монетарной политики: «С тревогой следим мы за попытками оспорить общественную позицию Польского национального банка и его председателя, продиктованными сиюминутными политическими интересами парламентского большинства». («Газета выборча», 7 сент.)
- Норико Хама, экономист, профессор Школы бизнеса при университете Досиса (Япония): «Бальцерович — очень решительный и бескомпромиссный шеф центробанка. Он необычайно привержен ценностям, которые должен символизировать центральный банк: стабильности цен и курсов, эффективным и здоровым финансовым рынкам. Кроме того, он ярый сторонник экономических реформ. Он был архитектором многих первоначальных реформ, которые вывели Польшу в мир рыночной экономики. Из-за всего этого часть политического класса в его собственной стране (особенно демагоги) считает Бальцеровича своим врагом. В настоящее время он явно стоит на пороге прямого конфликта с могущественными братьями Качинскими (...) Они хотят лишить его влияния на банковский контроль, а полномочия, связанные с финансовым контролем, сосредоточить в кабинете премьера. Европейский центробанк и Международный валютный фонд уже выразили свою обеспокоенность тем, что такой шаг приведет к росту политического давления на финансовые рынки, потому что именно так кончается введение подобного сверхконтроля. Ситуация, в которой оказался Бальцерович, — это грозное напоминание о том, какой хрупкой может быть независимость центрального банка, а также доказательство того, что эту независимость нужно охранять с величайшей заботой и честностью». («Газета выборча», 14-15 авг.)
- «В субботу председатель ПНБ созвал пресс-конференцию только для того, чтобы заявить, что не явится на заседание следственной комиссии Сейма (...) По словам Бальцеровича, создание следственной комиссии по делам банков вызвало сомнения у многих конституционалистов и было передано на рассмотрение в Конститу-

- ционный суд. «Я считаю, что Конституционный суд— это последняя инстанция, определяющая в правовом государстве соответствие правовых актов конституции», сказал Бальцерович, добавив, что в случае решения суда в пользу комиссии он явится по ее вызову (...) Премьер-министр [Ярослав Качинский] заявил вчера прямо: «В такой ситуации государство имеет право применить силу»». («Жечпосполита», 11 сент.)
- Из открытого письма в газету «Файненшл таймс» 20 профессоров университетов, высших экономических училищ и научно-исследовательских институтов США и Европы: «Нападки польского правительства и большинства парламентариев на независимость ПНБ вызывают глубокую обеспокоенность (...) В ЕС независимость центрального банка гарантирована Маастрихтским договором (...) Предположения, что председатель центробанка вступил в конфликт с законом, должны изучаться судом, а не звучать из уст министров и обсуждаться парламентской комиссией. Мы надеемся, что ЕС, Европейский парламент и Центральный банк обратят внимание польских властей на неуместность их действий и опасности, связанные с избранным ими путем. Надеемся также, что [польское] правительство подумает об изменении своей политики». («Газета выборча», 12 сент.)
- «Вчера могила Яцека Куроня на варшавском Повонзковском кладбище стала местом паломничества тысяч людей. Несмотря на дождь, они пришли, чтобы зажечь свечи и выразить свой протест против порочения его имени (...) Бывший президент Александр Квасневский благодарил судьбу за то, что на своем политическом пути он встретил Яцека Куроня и мог сотрудничать с ним за «круглым столом». «Я горжусь тем, что мог наградить его орденом Белого Орла», — сказал Квасневский (...) Несколько дней назад газета «Жиче Варшавы» опубликовала несколько составленных гэбэшниками протоколов допросов Яцека Куроня в 1985-89 гг. под заголовком «Куронь вел переговоры с госбезопасностью». Деятели «Лиги польских семей» (ЛПС) потребовали отобрать у Куроня орден Белого Орла, а лидер ЛПС вице-премьер Роман Гертых сравнил действия Куроня с предательством Тарговицкой конфедерации». («Газета выборча», 4 сент.)
- Проф. Ежи Едлицкий: «Главная задача интеллигенции как внепрофессиональной группы заключается в том, чтобы критически наблюдать за жизнью государства и общества и вмешиваться всякий раз, когда в этом возникает необходимость, в соответствии с правилами и критериями, принятыми в гражданском обществе (...) Подписывать письма протеста и выступать за что-то — вот форма существования интеллигенции, ибо эти письма составляет и подписывает в первую очередь она

сама, порой с положительным результатом (...) К сожалению, сегодня эта критическая функция выполняется довольно плохо. Крах «Унии свободы» стал для меня печальным фактом, ибо у этой партии был явно интеллигентский характер и превосходная элита (...) Бескорыстная критика, укорененная в прочной системе ценностей и уважающая деловые качества, — это необыкновенно важная общественная функция, а при демократии она стала еще важнее, чем прежде (...) Итак, у интеллигенции большое будущее. Если только она его захочет». («Политика», 9 сент.)

- «По мнению суда, нет доказательств того, что [бывший вице-премьер и министр финансов] Зита Гилёвская сознательно сотрудничала со госбезопасностью». («Жечпосполита», 7 сент.)
- Согласно опросу Института ГфК «Custom Research Worldwide», наибольшим доверием в Польше пользуются учителя (85%), военные (76%) и врачи (75%). Следующие места занимают: полицейские (63%), журналисты (61%), священники (58%), юристы (45%), менеджеры (23%) и политики (8%). («Жечпосполита», 8 авг.)
- Павел Спевак, социолог: «Процесс свертывания демократии состоит в том, что все меньше людей хотят участвовать в демократическом процессе, падает доверие к административной и политической элите, а граждане в целом не доверяют закону, судам и институтам собственного государства, ибо уверены, что политические решения принимаются вне сферы общественного контроля, а общество не имеет на них даже косвенного влияния. Граждане считают (об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы), что если консолидация капиталистической системы уже произошла, то в политической сфере мы недалеко ушли от методов времен реального социализма». («Дзенник», 2-3 сент.)
- «Союз демократических левых сил (СДЛС), «Польская социал-демократия», «Уния труда» и Демократическая партия demokraci.pl идут на выборы в органы местного самоуправления единым блоком как Соглашение левых и демократов «Общая Польша»». («Дзенник», 4 сент.)
- Согласно опросу института ГфК «Полония», если бы выборы прошли в середине сентября, «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 30% голосов (что дало бы ей 223 места в Сейме), «Право и справедливость» (ПиС) 23% (169 мест), «Самооборона» 9% (66 мест). В Сейм не вошли бы: «Общая Польша» (5%), ЛПС и аграрная партия ПСЛ (по 2%). («Жечпосполита», 13 сент.)
- «Премьер-министр Ярослав Качинский объявил, что выборы в органы местного самоуправления пройдут 12 ноября (...) Первый тур выборов, в ходе которого мы будем выбирать депутатов гминных,

поветовых и воеводских советов, а также войтов, бургомистров и президентов городов, состоится в воскресенье 12 ноября. Второй тур пройдет 26 ноября там, где войтов, бургомистров и президентов городов не удастся избрать в первом туре». («Жеч-посполита», 12 сент.)

- «[На Экономическом форуме в Кринице] премьер-министры Ярослав Качинский и Виктор Янукович поддержали проект продолжения трубопровода Одесса—Броды до Плоцка. Качинский сказал, что есть шанс получить на это дотацию Евросоюза в размере 400 млн. евро (...) Переломное значение имело и сообщение о том, что Польша и Литва объединят свои энергетические системы (...) На Экономическом форуме премьеры Польши и Украины говорили также о вступлении Украины в НА-ТО (...) Затронут был и вопрос о вступлении в Евросоюз. Украина хочет вступить в ЕС, а Польша хочет ей в этом помочь». («Жечпосполита», 7 сент.)
- Премьер-министр Украины Виктор Янукович: «Мы воспринимаем Польшу как нашего ближайшего и крупнейшего партнера на Западе. Это первое государство, которое начало лоббировать интересы Украины в Европе. Мы хотим развивать наше партнерство с Польшей. Нет у нас и путей отступления от плана Украина—ЕС, который должен завершиться вступлением Украины в Евросоюз». («Жечпосполита» и «Дзенник», 6 сент.)
- «В Польше работают легально почти три тысячи украинцев. По некоторым оценкам, нелегально их, возможно работает около ста тысяч». («Ньюсуик-Польша», 20 авг.)
- Президент Литвы Валдас Адамкус во время визита президента Леха Качинского в Вильнюс: «Нас объединяет неслыханное в масштабах ЕС сотрудничество. На протяжении более чем 600 лет Польша и Литва были образцом добрососедских отношений, и эти отношения останутся образцовыми и впредь». («Жечпосполита», 6 сент.)
- «Адам Михник стал почетным профессором Киево-Могилянской академии (...) Академия (...) возродилась в 1991 г. после обретения Украиной независимости». («Газета выборча», 2-3 сент.)
- «Директор начальной школы в окрестностях Гродно вынужден был уволиться, так как 1 сентября пригласил на церемонию присвоения школе имени Элизы Ожешко генерального консула Польши в Гродно Анджея Крентовского». («Жеч-посполита», 13 сент.)
- Сергей Приходько, помощник президента России: «Российско-польское сотрудничество не соответствует высоким стандартам взаимного доверия и уважения, которые у России сложились с подавляющим большинством государств не только Западной, но и Восточной Европы». В беседе с корреспондентом Польского агентства печати Приходько заявил, что улучшению отно-

шений мешают «ненужные отсылки к болезненным, но уже отошедшим на второй или на третий план историческим событиям». («Газета выборча», 13 сент.)

- «В Быковне под Киевом обнаружены захоронения поляков, расстрелянных НКВД в 1940 году (..) Найденные останки принадлежат полякам из группы 3435 офицеров, полицейских и чиновников, пребывавших в заключении в Киеве, Харькове и Херсоне. Весной 1940 г. были расстреляны 22 тысячи польских офицеров, а также гражданских лиц». («Жечпосполита», 9 авг.)
- Глеб Павловский: «Недавнее решение Варшавы участвовать в проекте американского противоракетного щита обострит польско-российские отношения. Позиция клиента США (...) не прибавляет Польше доверия и уважения. Именно поэтому в России к Польше порой относятся как к стране, имеющей даже меньшее значение, чем Венгрия или Чехия». («Дзенник», 18 авг.)
- «Официально войны нет. Есть лишь отдельные проблемы, требующие решения. У каждого невралгического пункта есть свое рациональное обоснование. Блокада порта в Эльблонге была введена после истечения срока соглашения о судоходстве [в Пилавском проливе]. Эмбарго на экспорт мяса и сельскохозяйственных продуктов было наложено в ноябре прошлого года после того, как оказалось, что некоторые польские экспортеры пользуются фальшивыми ветеринарными и фитосанитарными документами. Даже поляки этого не отрицали. Поставки нефти [на Мажейкский нефтеперерабатывающий завод] были прерваны из-за аварии северной нити трубопровода «Дружба». С газом никаких проблем нет — есть только вопрос цены, нормальный при рыночных отношениях. Итак, с формальной точки зрения ничего сверхъестественного в наших отношениях не происходит. Как говорят русские, все нормально (...) По мнению Зигмунта Бердыховского, директора Восточного института и организатора Экономического форума в Кринице, напряженность в польско-российских экономических отношениях — это очевидное следствие польской восточной политики, поддерживающей стремление украинцев, белорусов и грузин к независимости. России это не нравится». (Адам Гысешак, «Политика», 9 сент.)
- Ирина Кобринская: «Проблемы в польско-российских отношениях остались те же. Прошлое, и в первую очередь Катынь. Настоящее демократия, общие соседи, прежде всего Украина и Белоруссия, энергетика. В дополнение к ним общий контекст двусторонних связей, а именно с Евросоюзом и США». («Дзенник», 23 авг.)
- «Новые принципы пересечения польской границы гражданами России, Украины и Белоруссии вызвали замешательство (...) В соответствии с за-

конодательством ЕС, с 1 августа наши восточные соседи, проезжающие через Польшу, должны будут иметь транзитные визы. Однако «шенгенская виза» должна быть действительной как при въезде в Польшу, так и при выезде (...) Российское агентство ИТАР-ТАСС сообщило, что Польша в одностороннем порядке изменила правила транзита, а российская консульская служба не была об этом вовремя уведомлена». («Жечпосполита», 14-15 авг.)

- «Вчера Сейм изменил конституцию так, чтобы польские прокуроры могли и впредь пользоваться европейским ордером на арест. Быстрый, освобожденный от излишних формальностей, эффективный а значит, полезный европейский ордер на арест останется в польском законодательстве». («Жечпосполита», 9-10 сент.)
- «К двум годам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком и к штрафу в размере 4 тыс. злотых приговорил Варшавский окружной суд Кароля Г., обвинявшегося в нападении на главного раввина Польши Михаэля Шудриха. Такое наказание избрал для себя сам обвиняемый. Прокуратура согласилась». («Газета выборча», 26-27 авг.)
- «Мужчины в масках избили марокканца Абделя К., одного из участников фестиваля «Театральная деревенька», проходившего в Венгайтах в Варминско-Мазурском воеводстве (...) Они набросились на него с криками: «Это за то, что ты черный»». («Дзенник», 24 июля)
- «Мартин Корнак из Антифашистского общества, главный редактор ежеквартального журнала «Нигды венцей» («Никогда больше») подсчитал, что за последние годы неофашисты убили в Польше по меньшей мере 36 человек (...) Почетный председатель ВМ стал министром образования [ВМ — «Всепольская молодежь», довоенная антисемитская молодежная организация, возрожденная в 1989 г. Романом Гертыхом] (...) Кроме вождя в правительство вошли: член центральных властей ВМ Рафал Вехецкий — министр морского хозяйства; бывший председатель ВМ Радослав Парда — замминистра спорта (...) К ВМ принадлежат также замдиректора Польского телевидения, член Всепольского совета по телевидению и радиовещанию, три члена контрольных советов радио и телевидения, 11 депутатов, три европарламентария, 15 депутатов воеводских сеймиков, два вице-маршала воеводств и полтора десятка министерских чиновников». (Войцех Маркевич, «Политика», 12 авг.)
- «70% поляков, опрошенных ЦИМО, чувствуют себя в безопасности по месту жительства. Это лучший результат за всю историю Третьей Речи Посполитой (для сравнения, в 1994 г. 54% опрошенных чувствовали себя в опасности)». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)

- «Согласно опросу, проведенному по заказу «Жечпосполитой», за строительство в Польше атомной электростанции высказываются только 34% поляков. Против — 57%. Среди противников преобладают опасения, связанные с безопасностью, — на этот аргумент сослались 82% опрошенных». («Жечпосполита», 21 авг.)
- Маркус Сведберг, аналитик Стокгольмского института экономики переходного периода (SITE) на Экономическом форуме в Кринице (1880 участников из 58 стран): «С экономической точки зрения этот газопровод [по дну Балтийского моря] не проблема (...) Для Швеции важнее экологический аспект. Но моя страна не высказывается. В каком-то смысле я рад активности Польши». («Тыгодник повшехный», 12 сент.)
- ««Долина Роспуды это фрагмент сети «Природа-2000», т.е. место, охраняемое законодательством ЕС, где встречаются виды приоритетного значения (...)», — говорит Пшемыслав Хыларецкий, орнитолог и один из участников кампании за спасение Роспуды (...) Спор о кольцевой дороге вокруг Августова продолжается уже 14 лет. Все это время дорожники пытались протащить проект, грозящий долине Роспуды гибелью. Лишь под давлением экологов они согласились рассмотреть другие варианты, но сочли их неудовлетворительными. Экологи предлагают трассу длиной в 40,5 км, которая решила бы проблемы не только Августова, но и Сувалок. Вариант, проталкиваемый Генеральной дирекцией польских дорог и автострад, предполагает трассу длиной в 17,5 км. Планируемая дорожниками кольцевая дорога будет стоить около 300 млн. злотых (...) Вариант экологов дороже на 670 млн., но 75% этой суммы мы можем получить из фондов ЕС (...) Уже больше трех недель на страницах «Газеты выборчей» идет баталия за спасение Роспуды. Адам Вайрак (...) стал голосом всех защитников природы (...) Он выступает по телевидению, печатается в газете, (...) развернул интернет-акцию против строительства. Под его письмом протеста подписалось более 130 тыс. человек (...) Отрицательным героем борьбы за долину Роспуды стал министр охраны окружающей среды Ян Шишко, давший разрешение на прокладку через долину Августовской кольцевой дороги». (Юлиуш Цвелюх, «Пшекруй», 10 авг.)
- Проф. Збигнев Витковский, член Комитета охраны природы ПАН, бывший главный хранитель природы: «Говоря «охрана природы», мы даем понять, что мы, избранный вид, делаем для природы что-то хорошее. Между тем, охраняя другие виды, мы делаем это ради своего же будущего (...) Помимо экономической и социальной безопасности, охрана окружающей среды, в т.ч. и природы, важная составляющая безопасности вообще (...) Польское общество традиционно настроено против природы: 90% гмин не соглашаются включить часть своей территории в [сеть] «Природа-2000» (...) «Природа-2000» показала, что ценные участки занимают около 16-20% территории страны и обнаруживаются даже там, где мы ничего не замечали». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)
- «В Польше территории, охраняемые т.н. директивой о местах обитания, в которой перечислены виды растений и животных, а также экосистемы, занимают 4,2% площади страны, а территории, на которых охраняются птицы, 7,8%. Для сравнения: в Словении птицы охраняются на 23% территории, а другие виды животных и растений на 31%. В Испании эти цифры составляют соответственно 17 и 22%, в Словакии 25 и 11%». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)
- «По данным ЦИОМа, в 1993 г. о состоянии окружающей среды всерьез беспокоились более 75% поляков, в 2000 г. половина, а в настоящее время лишь 40% (...) О состоянии окружающей среды почти не беспокоятся крестьяне, жители деревень и малых городов, а также люди старше 65 лет и наименее образованные». («Политика», 9 сент.)
- «Хозяева четырехлетней кошки по кличке Норка не поверили своим глазам, когда под окнами квартиры в Торуни на ул. Рыбаки увидели свою любимицу (...) За две недели до этого они увезли Норку к родителям, живущим в маленьком городке Лесмеже близ Лодзи, отдаленном от Торуни на более чем 125 км (...) Кошка добралась до Торуни измученная и обезвоженная. Должно быть, она шла вдоль шоссе, преодолевая (...) перекрестки, мосты, железнодорожные переезды. Она прошла через многие населенные пункты — Ленчицу, Кросневице, Коваль, Влоцлавек, — перешла по мосту через Вислу (...) В день она проходила 5-7 км, скорее всего ночью, когда движение слабло, а большинство людей спало». (Славомир Цендровский, «Коте справы» («Кошачьи дела»), сентябрь)

Мартин Яцковский

КШИЖОВА — МЕСТО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧ

Кшижова (в переводе Крестовая), небольшая деревня в Нижней Силезии, на первый взгляд кажется весьма типичной. Старые, ветшающие дома, несколько магазинов, костел, автобусная остановка. Но есть нечто, что выделяет ее среди таких же деревень. Это дворцовый комплекс в стиле необарокко, окруженный парком, но в особенности та цель, которой он теперь служит. Хозяин этого места — фонд «Кшижова». Благодаря ему никому прежде не известная деревня превратилась в центр, где проводятся конференции и встречи молодежи, приезжающей сюда со всей Европы.

История дворца весьма любопытна: некогда он принадлежал роду фон Мольтке. Дворец был куплен Гельмутом фон Мольтке (благодаря которому создавалась военная мощь Пруссии, а затем и Германской империи) в самом конце его жизни. Однако после смерти владельца имение с экономической точки зрения пришло в упадок, оставаясь лишь символом немецкой мечты о могуществе и местом поклонения памяти фельдмаршала. Во время войны род фон Мольтке, несмотря на свое очевидное семейное прошлое, выступил с начинанием, которое для реалий III Рейха было абсолютным безумием. Используя свои многочисленные связи, они создали здесь в 1940 году организацию «Крест Крейсау» («Kreisauer Kreis»; Крейсау — немецкое название Кшижовой). Здесь, в Кшижовой, проводились встречи людей из всех немецких демократических и вообще антинацистских кругов. Главной их целью был вовсе не призыв своими действиями способствовать падению Гитлера, ибо, по их мнению, это было и так предрешено. Участники «Креста Крейсау» стремились — несмотря на мировоззренческие различия — с помощью компромисса наметить пути развития послевоенной Германии, чтобы сразу после падения гитлеровского режима Германия смогла создать сильное и стабильное демократическое правительство. Однако действовали они в одиночку, и их провал стал лишь вопросом времени. Это случилось после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., совершённого полковником Клаусом фон Штауфенбергом, который был связан с этой группой. Неудача покушения повлекла за собой целую серию арестов, которые привели к разгрому «Креста» и казни части его членов. В числе казненных был и главный инициатор создания «Креста», владелец замка Гельмут Джеймс фон Мольтке.

Как, собственно, родилась идея создания фонда «Кшижова»? Инициатором выступила группа людей, объединившихся вокруг вроцлавского Клуба католической интеллигенции. В эту группу наряду с поляками входили немцы, американцы и голландцы. Вдохновленные деятельностью «Креста Крейсау», они решили, руководствуясь его идеалами, открыть в деревне Кшижовой международный центр встреч. Первоначальные планы относятся к 80-м годам, когда еще не было реальных возможностей их осуществить. Это стало возможно лишь после падения коммунистической системы.

В 1990 г. был учрежден фонд «Кшижова — за европейское взаимопонимание». Место его размещения было неслучайным. Деревня расположена в Нижней Силезии, которая издавна считается спорной территорией, пограничьем. И все же главной причиной выбора места стала традиция «Креста Крейсау». Впрочем, окончательное решение о создании фонда было принято под влиянием события, которое произошло в 1989 году. Здесь, в Кшижовой, состоялась историческая встреча канцлера ФРГ Гельмута Коля с первым премьер-министром посткоммунистической Польши Тадеушем Мазовецким и была отслужена «месса примирения». Благодаря этому событию облегчалась задача сбора средств на восстановление разрушенного во времена ПНР дворца; работы по его восстановлению начались в 1990 г., а завершились в 1998-м. С тех пор фонд работает уже в полную силу.

Главная задача фонда — достичь польско-немецкого примирения в новую эпоху. Достичь взаимопонимания как между двумя демократическими странами, так и между гражданами этих стран. Кроме достижения польско-немецкого примирения, у фонда есть и другие, более универсальные цели. Одна из наиболее важных целей — «инициировать и поддерживать деятельность, направленную на упрочение мирного и отмеченного взаимной терпимостью сосуществования наций, социальных групп и отдельных граждан». Учредители стремились к тому, чтобы с помощью различного рода деятельности фонд способствовал взаимопониманию и миру в Европе.

Деятельность фонда подразделена на четыре направления: Международный дом встреч молодежи, Место памяти, Европейскую академию и Центр конференций.

Международный дом встреч молодежи — это важнейший из всех проектов фонда. С помощью проводимых здесь семинаров, тренингов, конференций или даже художественных акций на пленэре молодежь из разных стран знакомится друг с другом, познавая обычаи и языки других. Педагогические принципы МДВМ основываются на взаимоотношениях личности и сообщества, а также на обязанностях и привилегиях личности («ибо не за счет единообразия создается группа, но за

счет плодотворного напряжения, возникающего из неизменности позиций каждой личности, ее создающей»). В число этих принципов входят также самостоятельные действия молодежи, а не пассивная педагогическая деятельность, художественное творчество, экуменизм, экология и встречи разных поколений как средство получения более широких знаний о мире. Такой нешаблонный подход к образованию и воспитанию, в том числе и патриотическому, приводит к тому, что ежегодно здесь собирается несколько тысяч молодых людей, главным образом из Польши и Германии, но и из других европейских стран.

Следующий проект — Место памяти фонда «Кшижова». Главная его цель — сохранить память о движениях Сопротивления, направленных против тоталитарных режимов. Одним из таких движений был «Крест Крейсау», история которого служит отправной точкой для дальнейшей деятельности каждой из приезжающих сюда групп. Важным элементом этого проекта является также постоянная выставка «Отвергая ложь. Из истории сопротивления и оппозиции тоталитаризму в XX веке». На выставке представлена история борьбы за права человека — с нацистским или коммунистическим режимом, в том числе в таких менее известных аспектах, как, например, борьба литовцев за сохранение самобытности в СССР или деятельность русской демократической оппозиции.

Следование традиции «Креста Крейсау» наблюдается и в Европейской академии. Во главу угла здесь поставлены открытость и желание вести диалог с разными кругами и культурами, а также уверенность в том, что «условие построения демократической Европы — это взаимная открытость столь различных миров, как Восток и Запад». Академия поддерживает европейскую интеграцию — не только в рамках Евросоюза, но и в более широких масштабах, включая страны, не входящие в ЕС. Деятельность академии адресована главным образом взрослым и заключается в организации конференций, встреч, тренингов и практикумов.

Последнее направление деятельности фонда — это Центр конференций, который занимается коммерческой стороной организации конференций и семинаров для фирм.

Однако главная роль здесь принадлежит людям из фонда. Это те, кто его учреждал, затем волонтеры, как из Германии, так и из Польши, а также сами участники встреч. Им-то и обязана своей особой атмосферой сегодняшняя Кшижова.

В штате фонда работает около 35 человек. Во главе — правление из двух человек, которое занимается и программой, и финансами фонда. Правление подчиняется общественному наблюдательному совету фонда, который избирается на три года международным советом. Для поддержки отдельных проектов (Европейская академия, МДВМ и т.д.) создаются специальные комиссии, в работе которых участвуют как штатные сотрудники фонда, так и люди, работающие на общественных началах. Особые заслуги перед фондом отмечаются включением в почетный совет. В него входят и те, кто своей деятельностью способствовал созданию фонда, — в частности, Фрея фон Мольтке, вдова Гельмута Джеймса фон Мольтке, которая несмотря на свой немалый возраст весьма активно помогает «Кшижовой».

Однако для функционирования фонда не менее важны и молодые волонтеры, студенты из Польши и Германии. Они помогают проводить тренинги, водят экскурсии по центру, переводят. Несмотря на большую ротацию, возможность попасть хотя бы на полугодовую практику в фонд граничит с чудом и требует по-настоящему высокой квалификации.

Как это выглядит на практике? Предоставим слово участнику одного из тренингов, организованных при участии фонда.

— Проект, в котором я принимал участие, назвался «Как бы мы хотели жить вместе?» Он касался взаимопонимания— как польско-немецкого, так и между разными поколениями. Первая часть этого семинара проходила в Берлине, вторая— в Кшижовой. Организаторы старались так составить список участников,

чтобы половину составляли немцы, половину — поляки. Это была главным образом молодежь (моего возраста), но были и люди постарше. При выборе участников речь шла главным образом о том, чтобы у каждого было что-то общее с обеими странами. Среди нас были немцы, обучавшиеся в польских вузах или наоборот — поляки из немецких университетов либо изучавшие германистику. Многочисленным было представительство силезцев — людей пограничья двух культур. Были также немцы из числа «изгнанных» после II Мировой войны, несколько членов демократической оппозиции из Польши и бывшей ГДР (например, один из организаторов, Людвик Мельхорн) и эмигрантов времен военного положения. Такое разнообразие, как

потом оказалось, обеспечило весьма любопытные результаты. Проявилось это главным образом в дискуссиях, которые проводились в небольших группах по несколько человек на заранее подготовленные организаторами темы. Несмотря на имевшиеся поначалу трудности и скованность быстро оказалось, что исчезает даже языковой барьер. Спустя какое-то время даже те, кто не знал обоих «официальных» языков, принимали активное участие в дискуссиях, используя английский или оперируя тремя языками вперемешку и, что самое главное, пользуясь помощью организаторов, которые героически старались переводить все с немецкого на польский и обратно.

Каковы были темы бесед? Наши личные истории были первой, как бы разогревающей темой — таким образом мы знакомились друг с другом, а заодно и с механизмом будущих бесед. Группы каждый раз составлялись методом жеребьевки и в основном так, чтобы в группе было трое молодых людей и один или двое участников постарше. Состав групп менялся перед каждой очередной беседой. Таким образом можно было познакомиться с очень большим числом людей, с историей их жизни, взглядами, точками зрения.

Последнее, пожалуй, и было самым главным. При смене точки зрения легче понять другую сторону и ее требования. Следующими темами были трудности в отношениях между нашими народами, способы их улаживания, замыслы на будущее. Результаты коллективных размышлений представлялись затем на двух языках на пленуме «круга»: так, в кружок, рассаживались участники. Важную роль во всем процессе в целом играли и совместные прогулки или экскурсии по городу (Берлину) а затем по Кишжовой, а также совместные вечеринки, время для которых всегда старалась выкроить в процессе нашей работы другой организатор Агнешка Цвелёнг. Именно это придавало всей атмосфере дружескую открытость. По завершении первой части нашей работы мы переехали из Берлина в Кишжовую, где участники разделились на четыре группы. Каждая из них должна была подвести итоги и представить в свободной форме наши беседы и идеи.

История, сегодняшние трудности и ценности в польско-немецких отношениях — вот те, как оказалось, самые трудные вопросы, по которым надо было выработать общую позицию. Несмотря на то что нам был предоставлен на это почти целый день, даже во время ужина не прекращались горячие споры на эту тему. По достижении компромисса пришло время испытать наши творческие способности — нам надо было придумать, как интереснее всего представить свои выводы. Наша «историческая» группа выбрала пантомиму, другая группа дала спектакль, а еще был зачитан юмористический проект конституции, или взаимного соглашения между народами, в котором были показаны все пороки нашего мышления стереотипами. Им-то больше всего досталось по ходу осуществления этого проекта. Знакомясь с конкретными людьми, мы убеждались, что не существует такого понятия, как «типичный» немец или поляк. Попросту все попытки шаблонного подхода к той или иной личности заканчивались взрывами смеха и, как бы там ни было, весьма неприятным осознанием, что часто мы просто обобщаем и не стараемся действительно понять другого человека.

Проект «Кшижова» начал работать в полную силу в момент завершения работ по восстановлению разрушенного дворцового комплекса, то есть в 1998 году. С того времени здесь побывали десятки тысяч молодых и не слишком молодых людей. В масштабе страны может показаться, что этого мало, однако сделан первый, самый трудный шаг на пути к достижению взаимопонимания между народами Европы. Благодаря помощи правительств Германии и Польши, Евросоюза и неправительственных организаций в будущем, возможно, появится больше таких мест, как Кшижова. Быть может, такой путь был бы верен также для Польши и России или же вообще для взаимопонимания между Западом и Востоком.

ВСТРЕЧИ ИЗГНАННЫХ

Когда в 1998 году Ежи Гедройц писал на страницах «Культуры» о польско-немецких отношениях и выступил с призывом организовать беседы «изгнанных с изгнанными», он, наверное, не знал, что такие встречи уже несколько лет как проводятся в польских и немецких населенных пунктах, расположенных вблизи границы двух государств. Но мало кто слышал об этом начинании, осуществленном без шума, в масштабе малой родины.

Инициатор встреч, называемых застольными беседами, — социолог и публицист из Берлина Ваня В. Ронге. Ему помогают Мартина Питч, историк из Дрездена, и Эва Червяковская, публицистка из Берлина.

Мы тоже только недавно узнали об их деятельности. Авторов «бесед» мы встретили в Травемюнде, на конференции, посвященной изгнанию. Они привезли туда выставку (состоящую из 24 графическо-текстовых стендов — 4 из них мы представляем в миниатюре) и прочитали свой «тройной» дневник, отрывки из которого мы публикуем.

Ваня В. Ронге

Под новый, 1994 год

Я разработал общий план проекта на территории польско-немецкой приграничной зоны. Появилась возможность осуществить идею, которая пришла мне в голову во время учредительного собрания RAA (Региональные рабочие центры по делам иностранцев) в 1992 году. Там рассказывали о результатах опроса, проведенного в Бранденбурге, целью которого было выяснить, как школьники относятся к чужим культурам. Из опроса следовало, что они открыты, общительны, интересуются миром и всем, что в нем происходит. Но больше всего меня поразило то, что эти подростки, одержимые жаждой знаний, добрались бы даже до островов Фиджи, но ни в малейшей степени не интересовались соседней страной — Польшей. Это показалось мне тем более странным, что многие жители Бранденбурга, т.н. новые граждане, — родом с земель, лежащих по другую сторону Одера и Нейсе, которые сейчас входят в состав Польши. Неужели молодые люди не знали об этих исторических связях?

Во многих населенных пунктах на левом и правом берегах Одера живут старики, которых во время войны и в послевоенные годы изгнали из родных мест. В обеих коммунистических странах их судьбы заслонила политически ориентированная интерпретация истории. Официальная историография в ГДР и Польше на протяжении почти полувека частично замалчивала, а частично фальсифицировала или преуменьшала значение истории этих людей. Поэтому их лишили части биографии. Лишили ли их также памяти? И знают ли вообще жители польско-немецкой приграничной зоны о сходстве судеб соседей?

Я собираюсь организовать форум, где эти люди публично выступят. Здесь я могу обратиться к разработанному мною за много лет методу — в различных населенных пунктах по обе стороны границы организовать застольные беседы. Беседы — это интерактивный процесс обращения к памяти; его отправная точка — вопросы исторического характера, но люди здесь не объект исторических или социологических исследований — скорей они сами становятся исследователями и экспертами по вопросам лично пережитой истории. Их высказывания не используются для исторической реконструкции картины прошлого, зато вопросы об их биографиях позволяют им публично формулировать сегодняшнее представление об этом прошлом. Это начало разговора.

10 января 1994 г.

Однако я не хочу вести политические дискуссии и устраивать сентиментальные патриотические вечера. Основной принцип бесед выражает главное требование, касающееся каждого по отдельности: рассказывай только то, что пережил сам.

30 сентября 1994

Первая застольная беседа в Хойне. Как и во время других встреч, люди под бурным наплывом воспоминаний от волнения не могут говорить. Во время этой встречи я узнаю, что некоторые поляки из приграничных областей пережили такое, о чем на Западе мало кто знает.

19 октября 1994

Шестая встреча в Оберсдорфе. Как и везде, люди приходят на час раньше. Мы разговариваем об обиде изгнанных, о жажде мести. Они рассказывают многое о жестокостях, которые совершали русские, поляки, чехи. Забывают ли они при этом о немецких жестокостях? Нет, но не ставят их в тот же ряд. Не проводят сравнений, не кладут их на чаши весов. Я спрашиваю, знали ли они о немецких преступлениях. Знали. Впервые слышу такое дружное «да». И никто не колеблется.

Январь 1995

Беседы проводятся уже регулярно. В Польше обнаружили, насколько они интересны для СМИ и что их можно использовать как пример польско-немецкого сотрудничества. Когда немецкое телевидение узнало о хоенских беседах, на месте была инсценирована встреча молодых и старых жителей Польши и Германии. Я должен объяснить людям, что способ подачи этой темы в СМИ не отвечает принципам бесед. Погоня за сенсациями, вырванными из контекста, превращает индивидуальные переживания личности в театральное представление.

Мартина Пич

8 октября 1995

В каком-то журнале читаю о беседах, которые проводит Ваня Ронге. На меня производит большое впечатление то, как он пишет о людях и истории. Я нахожу здесь всю сложность проблемы, которую сама ощущала во время встреч с изгнанными и которая почти всегда заставляла умолкнуть мои аргументы. Язык исторических трудов и архивных документов не срабатывал, когда люди начинали рассказывать о своих незаживших ранах, когда в них с новой силой вспыхивала давняя злоба или когда они хотели в конце концов отодвинуть свое прошлое как пройденный этап, когда говорили о праве на родину — что в ГДР сразу же было бы расценено как проявление реваншизма, — но и тогда, когда я видела, как 80-летние реваншисты похлопывали по плечу 18-летних, погружая их в круг военных воспоминаний и послевоенной тоски. Какую роль я могла бы сыграть в таких столкновениях? Не хочу ничего смягчать, никого поучать. А убедить — не в состоянии, ибо как противостоять силе минувших событий?

20 февраля 1997

Ваня рассказывает по телефону о проекте выставки. Мне нравится замысел вытащить истории этих людей на дневной свет. Важно было бы показать судьбы немцев и поляков рядом друг с другом — то, что с обеих сторон возвращается голод, страх, аресты, изгнание, чувство утраты.

Ваня В. Ронге

18 марта 1997

Зеелов. Суматоха, все говорят одновременно. «Вам нужно говорить громко, чтобы на вас обратили внимание», — шепчет мне на ухо какая-то пожилая женщина. Но дело не в громкости, потому что, как кажется, «акустически» все меня отлично поняли, а все-таки сразу же чувствовалась неприязнь. «Но зачем снова этого касаться?!» — слышу с одной стороны. Кто-то рассуждает: «Не могу этого больше слышать! Изгнанные! Ничего не скажем — неизвестно, что вы с этим сделаете! Мы, немцы, должны быть довольны тем, что поляки нас только выгнали после всего того, что мы им сделали!». Какая-то женщина горячится: «Я себя совсем не чувствую изгнанной, четыре тысячи я взяла, но я не изгнанница!» Агрессия нарастает. У них заготовлены формулы. Твердо сидящие в головах, как после партийного обучения. Они используют их, даже не слушая, что есть сказать кому-нибудь другому.

Май 1997

Первая встреча в Лебусе. Мы собираемся повторять ее каждый месяц. Я узнаю, что учителя из Лебуса еще во времена ГДР сотрудничали с учителями из соседнего Слонска и что хоры из обоих поселков часто навещают друг друга. В хоре из Слонска много весьма пожилых людей родом с восточных «кресов» (довоенных окраин Польши). Я иду на одну из таких встреч, где меня сразу же тепло встречают как переводчика. Рассказываю дирижеру хора Войцеху Левицкому о беседах. Он тотчас воодушевляется и хочет организовать их и в Слонске. Мы договариваемся о сроках.

16 июня 1997

Мы встречаемся в Лечине, люди рассказывают свои истории. Под конец, однако, заявляют, что больше не придут. Какие-то старые обиды. Некоторые утверждают, что те, кто всегда пробивается вперед, те, кто во времена нацизма, а потом в ГДР занимал ответственные должности, сейчас снова собираются играть первую скрипку. С ними они не хотят иметь дела.

Ноябрь 1997

Во время первой встречи в Шторкове я спрашиваю людей, задумывались ли они, какие переломные события в их жизни связаны с тем прошлым, которые мы тут вспоминаем. Многие из них входили в нацистские организации, а потом вступили в социалистические. Сейчас, после 1989 г., им приходится найти себе место в новой системе.

Г-н Л. из Ганновера (до 1945 года жил в Хойне):

Здесь в Хойне, под этим деревом, я целовал мою девушку. И здесь моя родина.

Некоторые признают, что и сегодня неохотно рассказывают о своем участии в гитлеровских молодежных организациях, таких как «Гитлерюгенд» и «Бунд дойчер мэдель», потому что боятся, что их сочтут фашистами. А ведь они имеют в виду исключительно положительный опыт (чувство принадлежности к сообществу, развитие интересов, встречи с природой и т.п.). После войны им казалось, что они ясно осознали, как их обманули. Они начали жить в стране, где с транспарантов звучали лозунги: «Нет войне!», «Нет фашизму!», — в стране, которая должна была создать

справедливое общество, которая давала им, следовательно, возможность принять участие в чем-то хорошем и положительном. Поэтому многие из них вдобавок уверены, что служили справедливому делу и что нельзя их упрекать в нечестной жизни.

Эва Червяковская

Лето 1998

Однажды я встречаю Ваню. Он рассказывает мне о беседах и о выставке в пограничье. Я еще с прежних

Г-и М. из Хойны: Я тоже пеловался первый раз под этим деревом. Я здесь родился. У меня нет другой родины. времен знаю и ценю его методы работы, поэтому с удовольствием приму участие и в этом проекте. Наше сотрудничество началось, считай, лет десять тому назад, когда он только начал проводить в Польше свои беседы. Тогда речь шла о прочтении истории маленького польского городка по биографиям его жителей. Сейчас тема бесед намного сложней, но при этом и увлекательней.

Несколькими неделями позже

Десять толстых папок. В каждой довольно много разрозненных листов, исписанных от руки, напечатанных на машинке, на компьютере. Это стенограммы бесед по-немецки и по-польски.

Меня угнетают эти рассказы, поначалу я не могу найти в них четкую структуру. Каждая отдельная судьба — это крик, каждая полностью поглощает мое внимание. Невероятно тяжелые страдания, но и неимоверное желание выжить. Создается ощущение, словно эти истории вырываются струей из снова забившего источника, который казался высохшим, — как будто людям захотелось сразу, одним махом освободиться от всего своего прошлого. Только со временем до меня доходит, что это неисчислимые варианты одной и той же судьбы. И я медленно начинаю распознавать ее отчетливый образ.

Мартина Пич

Ноябрь 1998

Выставка должна состоять из рассказов людей, их воспоминаний, отчетливых и неясных, точных и запутанных. Заодно она должна показать, как во время войны и в послевоенные годы политики Германии, Советского Союза и западных союзников распоряжались судьбами людей. Люди были пешками в безжалостной борьбе за власть и влияние, в которой с человеком как личностью никто не считался. Для того чтобы проще было ориентироваться в потоке причин и следствий, можно обратиться к историческим трудам, в которых окажется огромное количество фактов — даты приказов, договоров, сражений, пересечений границ, число убитых, изнасилованных, изгнанных,

номера транспорта, лагерей и мест гибели. Надо ли нам их перечислять? Противопоставлять воспоминаниям людей?

Г-жа Ф. из Слонска (до 1945 жила на восточных «кресах»): Мой отен сразу после того, как мы приехали, сажал сливы и лесные орехи. Соседи говорили: «Он сошел с ума! Ведь скоро ты поедень домой! Для кого ты это сажаень?» А отен отвечал: «Либо для себя, либо для кого-нибудь. Но пусть растет».

Какое значение имеют война и изгнание для меня? Это основная цель моей как научной, так и выставочной работы. К тому же и моя семья впутана в эти события. Долгий вечер у моих родителей. Отец вытаскивает старые снимки и документы, между ними лежит дневник бабушки, который она писала во время бегства после первых бомбардировок Вроцлава и продолжала во время дальнейшего пути на запад. «Удостоверение личности беженца» моего дедушки, на котором в советской оккупационной зоне чьейто рукой зачеркнуто «беженца» и дописано «переселенца». Снимки уже постаревших бабушки и дедушки, крепко держащихся за руки, перед их домом в Штангенхагене. Портрет бабушки: взгляд, устремленный вперед, взгляд видавшего виды человека, открытый лоб, выдающиеся кости щек. Эти документы тоже должны стать материалом для выставки, вместе со старым чемоданом того времени.

Эва Червяковская

Январь 1999

Я изучила содержимое всех десяти папок, сделала много заметок. Теперь нужно выбрать цитаты, которые мы разместим на выставочных стендах. У меня все больше и больше сомнений. Одно очевидно: в центре должны быть рассказы людей. Материала более чем достаточно — иногда у меня даже возникает ощущение, что я в нем утопаю. Поэтому у меня возникает вопрос, как его лучше использовать. Это должна быть все-таки выставка, а не книга. Слово не должно преобладать, отдельные стенды надо сделать как картины, как визуальные объекты эмоционального воздействия. Как нам выйти из этого положения?

Сначала я готовлю очень скромную подборку цитат. Упорядочиваю их по нескольким основным темам рассказов: бегство, изгнание, депортация — в воспоминаниях поляков и немцев. Во время работы я замечаю, что между отдельными цитатами возникает напряженность, что польские и немецкие судьбы сталкиваются, что между ними идет какой-то разговор, что, несмотря на различия, их можно сопоставлять. Ясное дело, здесь появляются временные сдвиги: для немцев настоящие несчастья начинаются только в 1944 г., в то время как преследования поляков начались в 1939-м. Однако же поражают необычайные сходства в положении людей. Те же самые бессмысленные мучения, та же беспомощность и бессилие перед событиями, которые распоряжаются судьбой человека как стихия. Поляки убегают от неумолимо приближающейся германской войны. Немцы в панике бросаются в бегство перед надвигающимся советским фронтом. Несмотря на хронологию, и те и другие встречаются в Сибири, на севере и востоке России. И, наконец, окончательное изгнание. Это всегда один и тот же путь — в принудительном порядке, в неизвестном направлении, в неизвестность.

Ваня В. Ронге

Начало февраля 1999

С самого начала у меня были некоторые сомнения: снимки казались мне случайными, чуть ли не произвольными. Вагоны, переполненные людьми, пешие беглецы с ручными тележками, колонны... Польские лица, немецкие лица... Однако же теперь, после графической обработки, возникли изображения, которые воплощают метафору нашей чуть ли не археологической работы. Порванные и заново склеенные фотографии, обрывки снимков, дополненные рисунком, вырезки, разрезанные на куски крупные планы. Все это отражает наш метод: так мы обращались с отдельными судьбами, чтобы потом их сложить в мозаику.

Мартина Пич

Февраль 1999

Рассказы из польских и немецких бесед в некотором смысле похожи — когда в них говорится о бегстве, вывозе, изгнании. Но я не уверена, что бегство поляков от немецкого агрессора и чуть позднейшее бегство с территорий, аннексированных СССР в 1939 г., должны стоять рядом с рассказом о бегстве немцев от наступающей Красной Армии в 1944-1945 гг., а депортация поляков — рядом с депортацией немцев. Так возникают параллели, играющие важную роль в публичных дискуссиях, потому что взаимный ущерб заслуживает общественного внимания. Выставка должна служить этой цели, но в то же время не должна приводить к предъявлению счета обид, не должна заслонять причины и вину, но не должна и заниматься их выяснением. Предъявление счета обид означало бы конец дискуссии еще до ее начала.

Эва Червяковская

Февраль 1999

Мы обсуждаем структуру выставки. Моя идея представлять события синхронно уступает идее хронологии. Я соглашаюсь, что это наверняка минимум, облегчающий необходимость держаться хода истории. Однако элемент, повторяющийся в структуре рассказов, — это внутренняя динамика, беспрерывное движение в различных направлениях. И это должна передавать система организации выставки. Мы вместе с этими людьми в пути, во время бегства, продвигаемся с колонной беженцев, едем с ними в телячьих вагонах, на восток и на запад. И наконец, сопровождаем их в путешествии по просторам памяти. Мы соглашаемся с тем, что позорное, вытесненное или запрещенное понятие «изгнание» охватывает все перемещения населения — от вывоза на принудительные работы до принудительного выселения. Так будет звучать подзаголовок выставки: «Об изгнании поляков и немцев. 1939-1949». Другие проблемы возникают с основным названием. Его немецкий вариант «Und dann mussten wir raus» повторяется во многих рассказах немцев, как проклятие, тяготеющее над людьми. Но в переводе на польский это звучит неправдоподобно, искусственно. Мы проглядываем еще раз польские тексты. И, наконец, находим: «И тогда нас вывезли». Это польская версия того же проклятия.

Ваня рассказывает, что у него в голове целая схема изложения. Когда мы говорим на какую-нибудь конкретную тему, он тотчас отсылает меня к конкретной папке. «Поищи в Оберсдорфе. Была там такая госпожа X., и она как раз рассказывала об унижении, которое испытала, когда в сибирском лагере ее стригли. А госпожа С. из Лечина пережила что-то подобное».

Пасха 1999 года

Г-жа К. из

Эйзенхюттенитадта (жила до 1945 около Гомсува): 13 или 15 июня было уже окончательно известно, что мы должны в течение пяти минут убраться. И я помню, как пришли соседи-поляки и сказали, что мы можем остаться. Но моя мама сказала: «Нет!». Всю дорогу мы шли пешком. Мой пятилетний брат сидел на тележке, а я ее толкала. У меня было два разных ботинка. И я думала про себя: «Ура, война кончилась, а ты жива!» По дороге мы пережили много плохого: эти овины, крысы и повсюду трупы. И сегодня я узнала бы это трупное зловоние. Иногда тела были только присыпаны и из земли торчала какая-нибудь рука. И еще люди на дороге, которые волокли изнасилованных девушек, потому что те не могли идти сами. А потом, когда вся колонна растянулась по лесу, появились поляки и ограбили нас.

Некоторые рассказы мы собираем под условным названием «Праведники». В этих цитатах из бесед не говорится о вывозе, депортации, изгнании. Это свидетельства гуманности в эпоху презрения. Но люди, которые в них появляются, — не герои, хоть и заслуживают похвалы и благодарности. Я упорно настаиваю на том, чтобы именно эти рассказы попали на выставку и создали скромный — пусть хоть скромный — противовес всем другим ужасам. И внезапно понимаю, как важно, чтобы, говоря о страдании, обиде и равнодушии, задать вопрос, каким образом можно было в то время сохранить свои принципы и остаться верным своим ценностям. Иначе говоря, как так получается, что во время массового помешательства всегда появляются люди, так или иначе противящиеся ему? Думаю, что этот вопрос намного важней, чем размышления о причинах пассивности, при которой все позволено.

Каждый раз нужно найти какой-то особый способ экспонировать этих «праведников» в нашей «сценографии памяти», так чтобы они отличались от всех остальных, обращали на себя внимание. Наконец Мартине приходит в голову мысль обратиться к одному из рассказов и, так сказать, его инсценировать. И вот мы ставим столб из черного картона и прикрепляем к нему кнопками разрозненные машинописные листы. В этом рассказе участвовали Данка, полька, которая, желая отблагодарить одну немецкую семью, повесила на дереве перед домом записку, чтобы защитить этих людей от преследований со стороны русских и поляков.

Маритина Пич

16 апреля

Выставка открылась! Первый пункт ее путешествия — Хойна, которая в этот дождливый, холодный день в середине апреля оставляет у меня довольно мрачное впечатление. Облик этого городка, где преобладают чудовищные бетонные постройки 60-70-х годов с осыпающейся штукатуркой, наводит на размышления о том, что война, должно быть, так жестоко прокатилась через этот город, что польским поселенцам пришлось начинать новую жизнь на руинах и пепелище. Поражает и обращает на себя внимание только готический костел и монументальная ратуша, где сейчас располагается библиотека.

Радостно и тревожно, когда на выставку приходит все больше и больше празднично одетых людей. Открытие в 15.00. Эва и я узнаём

многие выразительные лица, знакомые нам по портретам; Ваня, с которым все здороваются как со старым знакомым, напоминает нам, что с кем из них случилось. А потом люди толпятся перед стендами, долго читают, смотрят снимки, показывая и объясняя что-то друг другу. У многих слезы на глазах. Они сидят вместе еще несколько часов.

Эва Червяковская

5 июля 1999

Вчера наша выставка открылась в четвертый раз. В Слонске, прежнем Зонненберге. Вроде бы пора уже подводить первые итоги.

Для людей, чьи судьбы показывает выставка, она стала, как кажется, чем-то вроде зеркала: они с некоторым облегчением узнают в этом зеркале, что их прошлое действительно существует. Похоже, что выставка доставила людям своего рода удовлетворение, потому что личный опыт приобрел ранг большой истории, потому что отдельную судьбу наконец заметили и лишили анонимности. Приобрела ли жизнь этих людей благодаря этому новую ценность? С периферии истории они попали на историческую сцену. И что еще важнее — они на ней не статисты, они играют главных героев. Одна женщина плачет при виде снимка своей матери на одном из стендов и рядом обнаруживает свою фотографию. И вот она уже не частное лицо, ничего не значащее, одна из многих — теперь она участвует в создании картины истории.

Я задаюсь вопросом, зависит ли разное восприятие выставки в Польше и Германии от различия исторического наследия. Ясное дело, у поляков можно заметить необычайно живое отношение к истории. Поэтому на протяжении веков размылась граница между индивидуальной и коллективной судьбой, а большая история стала историей семьи. И это сосуществование с историей до сих пор ощутимо, по крайней мере у людей старшего поколения.

Минувшие события постоянно появляются здесь и сейчас, их нужно заново лично переживать. Для многих поляков размышления об истории не вытекают из анализа политических механизмов, их больше формируют эмоции и особый тип фатализма.

Совсем иначе — посетители-немцы. Как правило, они отстраненно относятся к своему общему прошлому, словно уже давно с ним примирились, словно у них постоянно было наготове какое-нибудь оправдание — историческое, политическое или еще какое-нибудь. То, что осталось, — это чувство личной вины, личных страданий, о которых впервые можно было говорить.

Характерна и разница в местном оформлении выставки. На польской стороне просто обязательны национальные флаги, польский и немецкий, ленты, церемония перерезания ленточки. Для поляков история — просто что-то возвышенное.

На немецкой стороне — намного скромней. Интерес немцев выглядит тоже более трезвым, более связанным с проблемами настоящего, в то время как история — уже закрытая глава.

Нет необходимости, чтобы здесь возникло сообщество пострадавших, и, как говорит Ваня, поляки и немцы не обязаны по этому случаю полюбить друг друга, но так или иначе выставка вызывает взаимную заинтересованность. Может, потому что она не ставит вопрос вины, не предлагает подводить итоги, вытекающие из цепи причин и следствий, зато открывает новый простор для размышлений. В частности, и о том, что порожденный национализмом ущерб не заканчивается на государственных границах.

Ноябрь 1999

Очередной показ выставки, уже последний перед Берлином, приходится на Домброшин, деревеньку близ Витницы. В нашем распоряжении дворец, разумеется, оставшийся от немцев, и, разумеется, последние десятилетия принадлежащий местному госхозу, и, разумеется,

разоренный, хотя еще видны следы былого великолепия. Сейчас за ним присматривает госпожа Ютта, вдова прежнего владельца, которая, тем не менее, не выдвигает никаких претензий — она хочет только, чтобы во дворце жизнь била ключом и чтобы от него распространялась атмосфера культуры. Изумительно, но ей это удается.

На открытие выставки пришло много учащихся местной школы и витницкого лицея, были и местные, гожувские СМИ. Последним выступил молодой директор витницкого лицея:

— Когда я езжу по Польше, то часто слышу вопрос: «И что, вас еще не выкупили?» Но все же мы, живущие здесь, отлично знаем, что никто нас не хочет выкупать. Люди из Германии приезжают посмотреть свои родные края, свои корни, так же, как люди от нас ездят на восток. И мы это хорошо понимаем. Поэтому я думаю, что мы должны выполнить некую миссию — мы должны передавать дальше правдивую картину того, что здесь происходит, должны говорить о правдивой истории этих земель, на которых скрещиваются польские и немецкие судьбы».

Выставку подготовили: Ваня В. Ронге (социолог культуры), Эва Червяковская (публицистка, переводчик), Анна и Мацей Дзендзель (художники-графики), Мартина Пич (историк, специалист по выставкам), Анджей Эккерт (художник), Зигмунт Коперский (технический директор).

В Хойну я приехала 15 мая 1945 г. из Германии. Здесь были один развалины. Нельзя было ходить поодиночке, потому что русские затаскивали в эти развалины и насиловали. На улице стояли три танка, дети в них играли. Возле моста сидела старушка, одинокая и больная, в черном платке, — так она сидя и умерла. И долго еще там сидела, пока кто-то не сжалился и не похоронил ее под платаном.

Пани К. из Хойны (жила

до 1942 около Новогрудка):

Karta

Лешек Волосюк

ПОЛЬША И РОССИЯ: КОНФРОНТАЦИЯ И ГРАВИТАЦИЯ

1.

В исследовании Липатова говорится о культурно-исторических взаимоотношениях России и Польши на протяжении тысячелетия. Тема огромна, даже если состоит из т.н. избранных вопросов. Автор группирует сюжеты в шести частях, каждая из которых делится на несколько глав. Преобладает история литературы. Поэтому мы находим здесь «взаимное влияние латинского Запада и византийского Востока» у ее истоков. И роль «высокой культуры» (термин, часто встречающийся у этого автора), а также ее создателей в разные периоды. И «сладко-горькое противостояние» Пушкина и Мицкевича. И значение польского романа в русской культуре, в частности, популярность Крашевского, европеизм Реймонта как источник успеха в России. И сравнение с Толстым Марии Домбровской, автора эпического произведения «Ночи и дни». И образ войны и мира в сочинениях писателей ПНР и СССР. И, наконец, другие области — широко (универсально) или узко (национально) понимаемая культура, искусство, религия, этика интеллигенции. Ученый придает оценкам самых важных явлений форму научных определений, которые, хотя и звучат нейтрально, бывают определяющими.

Обращу внимание на термины Pax Orthodoxa и Pax Latina — у Липатова они обозначают два мира, которые находятся в непрерывном взаимопроникновении и взаимной борьбе с позиций своей особой этики — как исторической, культурной и политической, так и национальной, религиозной и ментальной. Эти два мира охватывают территорию, которая вместе с населяющими ее людьми и их историей находится под влиянием греко-византийской и латинско-римской культуры и религии и — несмотря на межконфессиональные и межгосударственные конфликты — их взаимопроникновения. Иногда они сужаются до Pax Slavia Orthodoxa и Pax Slavia Latina, то есть до мира восточных и западных славян, истории их государств и культур, проще говоря, до областей распространения кириллицы и латиницы.

Сейчас Россию от Польши отделяют Литва, Белоруссия и Украина, но в прошлом на этой территории, меняя названия и границы, соседствовали польско-литовское и московское государство. В результате там до сих пор проходит граница Востока и Запада Европы. «Мы принадлежим к той части Европы, которую объединяет то, что ее разделяет», — уточняет ученый. При так сформулированном парадоксе нелишним оказывается посвящение в начале книги: «Искренним Друзьям и честным Недругам». Когда я вникаю в парадоксы его наблюдений, в своеобразную диалектику культурно-исторических изысканий, менее дружеские чувства вызывает его язык, полный оговорок и отступлений, часто уводящих в сторону от обсуждаемой темы. Мне по-настоящему хочется взять бритву Оккама, чтобы вырезать эти художественные изыски, среди которых теряется смысл высказывания. Автор также часто отсылает к другим своим работам, а научных трудов у него в избытке.

Из вопросов, выделенных Липатовым, я выбрал некоторые, надеюсь, показательные: о различении «огосударствленного общества» и «гражданского общества» в России, о роли истории и историософии, о значении «соборного православия» и «секуляризованной Церкви», а также о дружбе и расставании Пушкина и Мицкевича.

2.

Если бы отношения между русскими и поляками зависели от славистов, а среди них от таких русских полонистов, как Липатов, и таких польских русистов, как покойный Анджей Дравич, русско-польская дружба цвела бы как сад. Но если она сейчас и представляет собой сад, то мистический, в котором на сияние истины падает тень памяти, а у цветов добрых намерений нередки тернистые стебли фактов. Мистика обогащает веру, но усложняет соседские взаимоотношения, а у некоторых вызывает лишь садомазохистские утехи, вырастающие из симпатий и антипатий.

Описание российско-польских отношений — в прошлом и настоящем, — а также взгляд на Польшу и поляков у Липатова лишены предубеждений. Он с доброжелательностью указывает на взаимное влияние, взаимное проникновение Pax Orthodoxa и Pax Latina, на то, что русская культура

от Средних веков до эпохи Просвещения заимствовала польский опыт. В XIX веке обе культуры стали друг друга дополнять. А XX столетие их разделило. Тогда на сцену выступил тоталитаризм, подавлявший всякое творчество, а ему противостояли демократические чаяния, проявлявшиеся в творчестве. Для большей ясности Липатов вводит собственные термины, резкие определения — «огосударствленное общество» и «гражданское общество». Первое, по его оценке, руководствуется главным образом национально-государственными интересами, которые наиболее полно выражает его власть, что более характерно для русского мышления, где «огосударствленное общество отягощено русским наследием византинизма». Другому он придает «наднационально-общечеловеческий» аспект, более присущий польскому мышлению как «результат традиционной связи с латинскими миром».

Тем самым Липатов-славист — не Липатов-славянофил, по крайней мере в понимании русского славянофильства XIX века, при упоминании которого у поляков до сих пор волосы встают дыбом. Уточню, что я имею в виду вульгарное славянофильство, которым оно становится, когда подчиняется российской власти, — тогда оно направлено против не-русских, а русским приносит отравленные плоды. Потому что тогда оно поддерживает не русский патриотизм, как того хотели зачинатели этого движения Алексей Хомяков и Иван Аксаков, а национализм. Призыв к «славянскому единству» разжигает национальный шовинизм, что увеличивает недоверие и даже враждебность соседей к России. Не общие племенные и языковые корни раздражают поляков, и не принадлежность к западной цивилизации и демократии отталкивает их от россиян, замечает Липатов, а опасение, что славянофильство служит «огосударствленному обществу» России. Сколько же раз нам пришлось восхищаться русскими и одновременно ненавидеть их государство!

Русский ученый знает, что миф о славянском единстве распался, не выдержав конфронтации с национальной историей славянских народов. Это происходит и до сих пор, можно вспомнить распад СССР, Чехословакии и Югославии. Общие языковые корни — это слишком мало для того, чтобы объединить Рах Slavia Orthodoxa и Рах Slavia Latina, а внутренняя гармония лучше подходит для вероисповеданий, утопий и идеологий. Раз зашла речь о религии, то христианство — один из трех краеугольных камней европейской тождественности, помимо философии Древней Греции и римского права — только в наше время стало делать важные, хотя и осторожные шаги к единению (история Брестской унии в 1596 г., переменчивая судьба греко-католиков — это отдельная тема, я писал об этом в статье о Шептицком — см. «Новая Польша», 2005, №7-8). Политическое воплощение благородных утопий XIX века в следующем столетии унесло жизни миллионов людей. Но веком идеологии можно назвать как раз XX век, а мы видели, что может натворить эта внебрачная дочь утопии и единокровная сестра веры, когда, используя религиозную ритуальность, вскармливает фашистские и пролетарские движения.

3.

«Отсутствие националистической ненависти, национальной мании величия и великодержавных претензий» Липатов усматривает в творчестве польских романтиков, добавляя, что в XIX веке это, «будучи феноменальным в сопоставлении с литературой и историографией не только соседней России, в то же время не являлось чем-то сугубо индивидуальным и уникальным в контексте самой польской современности». «В век сражений за национальную независимость и непрекращающегося духовного сопротивления чужим и чуждым порядкам после каждого военного разгрома, сопровождавшегося погромом национальной культуры, общественной жизни, образования, — констатирует он, программы буквально всех политических организаций, не говоря уже о философских учениях польских мыслителей, были лишены каких-либо акцентов злобы по отношению к народам государствпоработителей». И приписывает это многонациональной и многоконфессиональной Речи Посполитой, которая в течение четырех столетий шляхетской демократии сформировала такое гражданское общество. «Надэтническое (историко-политическое по своей сути) понимание нации и ее социологическая реинтерпретация были следствием историографического мышления, — замечает Липатов, — которое, в свою очередь, было производным всеохватывающего — в категориях всемирности историософского осознания локального (национального) как составной части универсального (общечеловеческого)». Проще говоря, когда история через разделы Польши, наполеоновские войны, восстания ворвалась в жизнь поляков, требуя к тому же коренных преобразований, и дело касалось

судьбы государственности, национальной самобытности, то история как наука начала приводить в порядок эту действительность, прошлую и будущую, объединяя ее в единое целое. Так мыслители, историки, художники создали историософию.

Русский ученый под историософским процессом подразумевает не столько интерпретацию исторических фактов, основанную на историографии, которая, в свою очередь, основана на источниках и сравнительных исследованиях, сколько, пожалуй, извлекаемые из нее выводы, так сказать, универсального или даже нравственного характера. Более того, он предпочитает историософию историографии, «историографическое мышление», по его мнению, — «производная историософского сознания». Историософия для него, таким образом, — отправная, а не конечная точка, потому что первоочередными он считает универсальные ценности, которые часто называет своим излюбленным термином «общечеловеческие». Это идея XIX века, разрабатываемая историками, а также мыслителями и художниками.

В России в этом особенно участвовала интеллигенция, составляя типично русскую подпочву мышления в универсальных категориях. Речь шла не о достижении идеала — с идеала начинали; то есть в идейных категориях — с того, чего Запад достигал, но в категориях веры — с веры в высший порядок вещей, в Бога. В «огосударствленном обществе» иного пути не было, и потому имперское государство не переносило этот слой общества и заботилось о том, чтобы он не влиял на народ. Основываясь на так понимаемой историософии, в тогдашней России стали мыслить в гражданских, свободолюбивых, демократических категориях — начиная с декабристов, включая спор славянофилов с западниками в середине XIX века и вплоть до демократов разных мастей, часть которых потом переходила в анархисты или даже террористы.

Эти круги сумели создать лишь зачатки идеи, далекие от того, что могло вынести русское самодержавие и «огосударствленное общество». И так —провозглашенным, но не исполненным обещанием — они остались в письменной истории страны. Если бы письменной! Хорошо, если спустя годы они вошли в энциклопедии, потому что государственные историки не вникали в интеллигентские нюансы, интересы власти представляли как интересы русских, либеральных мыслителей уничтожали, или еще хуже — замалчивали.

Русская историография от В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина служила самодержавию. Они писали историю страны для «огосударствленного общества» России. Ее картина в трудах русских историков соответствовала целям ее правителей, а цели возникали сначала из необходимости объединения Руси у Рюриковичей («собирание земель русских»), при Романовых же отчетливо принимали имперскую форму, переходившую в завоевания и захваты соседних государств.

При таком подходе не удивляет, что русская историография оставляла на заднем плане Великий Новгород, просуществовавшую восемь столетий купеческо-боярскую республику, которая от истоков Руси была альтернативой самодержавию.

Идейное обоснование «собирания земель», а затем дальнейшего расширения не было изысканным, оно выражалось в триаде: православие, самодержавие, народность. Названия этих трех составных частей предполагают коллективность, а не индивидуальность - может, кроме самодержавия, но и оно со времен поздних Рюриковичей (от Ивана III до Ивана Грозного) уже освящалось Церковью, а что думает народ — не спрашивали. В результате русское государство не обязано было руководствоваться благом своих граждан, чтобы они могли стать богатыми и свободными. Напротив, этому православному, самодержавному и народному сообществу было легко привить желание «сравняться» с самыми сильными государствами континента, а потом и мира. Это началось с Ивана IV Грозного, который в письмах бежавшему в Речь Посполитую князю Андрею Курбскму expressis verbis изложил свое «божественное обоснование» первого царя России. Петр I буквально и напрямую проводил уже эту политику «прыжков» — к цивилизации и технике, что усиливало мощь России, в основном военную, в меньшей степени промышленную. Остальное он покрыл европейским лаком из материальной культуры (строительство и архитектура Санкт-Петербурга), религии (ликвидация Патриархии и учреждение Святейшего Синода) и даже управления государством (создание сословия чиновников и распределение их по рангам). Попытки более глубоких заимствований из культуры, религии и особенно демократии Запада не были отмечены царской печатью. Их предпринимали единицы и распространяли не далее боярско-церковных кругов в правление первых Романовых, а с конца XVIII века — в пределах формирующегося слоя интеллигенции. Кроме обреченного на забвение Великого Новгорода, у России

не было «гражданского общества», эти интеллигентские зачатки не привились в общественном сознании. Внутренняя борьба за власть после смерти последнего из Рюриковичей привела к тому, что с тех пор малейшие попытки выбрать форму власти, отличную от самодержавия, и любое стремление допустить к ней граждан расценивались как попытка подвергнуть государство опасности смуты, то есть анархии. Так нынешняя Россия оценивает период перестройки и правление президента Ельцина. Липатов, и не он первый, называет это многовековым, очень русским «шараханьем» из одной крайности в другую. Периоды этого «шараханья» в сторону демократии тоже были непродолжительными, не знаю, составили ли они хотя бы десятую часть «исторического времени» России династии Романовых и СССР.

Со времен Петра I «государственная» Россия проводит политику «прыжков», что выражают все еще популярные лозунги, вроде: «Курица не птица, Польша не заграница», или «Какая Украина? Это просто Малороссия», или «Нет Литвы, Латвии и Эстонии — это наша Прибалтика». Если верить этим пренебрежительным поговоркам, русские «государственники» не собираются учиться у соседей. Они хотят завоевывать, как при Петре I, Екатерине II, Сталине, и только тогда, если понадобится, воспользоваться какими-нибудь новинками (речь идет о нашем континенте — покорение Азии завершилось уже при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче в XVII веке, Россия увеличилась примерно на восемь миллионов квадратных верст, территорию, равную Европе). За большинством из этих новинок — технических и потребительских — современные российские олигархи снова «прыгают» во Францию, Англию, а охотней всего — в США, а плывут за ними через Кипр, Каймановы острова, Швейцарию и т.п., где оставляют деньги от продажи российских полезных ископаемых. Пока современная Россия не обратится — основательно и повсеместно — к своим мыслителям XIX века и эмигрантам XX века, пока не допустит рядовых граждан к прибыли от своих безмерных богатств, ее «гражданское общество» останется суррогатом.

4.

Русский ученый не проходит мимо отношений Церкви и власти, как самодержавной, так и советской, а также нынешней. Он начинает свои рассуждения, обращаясь к русским мыслителям XIX века, к тем их исследованиям, которые касались начала христианства на Руси. «Единственный период русской истории, который читать не страшно и не скучно, — это Киевский период», — писал Герцен. «Отчего росток рационального и политического христианства, посаженный на русскую почву девятьсот лет тому назад, так скоро уступил злотворным влияниям? Какая сила или какой злой рок подменил в христианской Руси идеал Владимира Святого идеалом Навуходоносора?» — спрашивал Соловьев в напечатанной во Франции статье «Владимир Святой и христианское государство» (1888). «Христианское государство, только намеченное в Киеве, уступило место татарско-византийскому деспотизму Москвы и тевтонскому абсолютизму Санкт-Петербурга», — гласил ответ. «Наша церковь, со стороны своего управления, представляется теперь у нас какую-то колоссальную канцелярией, прилагающей — с неизбежную, увы, канцелярскою официальною ложью — порядки немецкого канцеляризма к спасению стада Христова», — писал о секуляризованной со времен Петра I Церкви Аксаков, славянофил. И спрашивал: «Но с организациею самого управления, т.е. с организациею пастырства душ, на начале государственного формализма, по образу и подобию государства, с привлечением служителей церкви к сонму слуг государственных, не превращается ли сама церковь в одно из отправлений государственной власти?» Вопрос не был риторическим, и этот славянофил первого призыва, которого западник Соловьев называл «пламенным патриотом и страстным проповедником православия», отвечал: «Подменен идеал, т.е. на месте идеала церкви очутился идеал государственный». А Соловьев по тому же вопросу высказывался так: «Это рабство Церкви несовместимо с ее духовным, с ее божественным происхождением, с ее вселенским призванием». М.П.Погодин, историк, драматург, издатель, заметил, как напоминает Липатов, что «в случае введения у нас свободы совести половина крестьян примкнет к старообрядцам, а половина образованных сфер — к католичеству».

Эти вопросы о значении и будущем Церкви и православия вызвали широкую дискуссию в тогдашнем мире. Обсуждения и споры на эту тему — столь существенную как для понимания России «извне», как и для русского самоосознания «изнутри» — продолжаются по сей день, ибо, замечает Липатов, и по сей день многовековое и очень русское «шараханье» из одной крайности в другую оборачивается трагедией и болью не только для народов России. Поляки, географически ближайшие соседи, испытали это во всей полноте, начиная со времен разделов Речи Посполитой и кончая временами «реального социализма».

Как мы видим, и западники, и славянофилы открыто выступали против секуляризованной Петром I Церкви. Петр лишил православие «соборности», то есть чувства общности в вере, и тем самым положил конец прежней «симфонии» Церкви и государства. Как «порядки немецкого канцеляризма» (по оценке славянофилов), так и «тевтонский абсолютизм Петербурга» (по оценке западников) указывают на то, что подчинение религии власти он перенял у Пруссии. И в этой области подтверждается тезис о «скачкообразном» перенесении тамошних взглядов на русскую почву. Однако если в Пруссии можно было говорить о союзе алтаря с престолом, то в России это не было даже союзом, потому что со времен Петра I Церковь была только одним из департаментов, занимающимся духовной жизнью подданных.

«Институциональное — государственно-церковное — ограничение русского и других народов Российской империи служило институциональному же самосохранению ценой национального саморазвития», — считает Липатов. И потому в эпоху испытаний оно быстро обернулось против Церкви: «И не отсюда ли варварские разрушения храмов, публичные сжигания икон и церковных книг, наконец, массовые убийства священнослужителей недавними православными, которые «как бы вдруг» уверовали в большевистскую демагогию и превратились в безбожников?»

Излагая мысли Липатова, в свою очередь приводящего суждения русских мыслителей XIX века о православии, я не могу отделаться от ощущения, что в России почти весь следующий век в этом отношении оказался потерянным и что православие становится там «черной дырой» XX века. Что потом получилось так, как и хотели виновники преступления: Церковь уничтожили, не о чем говорить — в лучшем случае можно начать ее воссоздавать. Но истина в другом, хотя она по-прежнему малоизвестна — в том числе, подозреваю, и русскому ученому. При всех приказах и запретах советской системы, при всех гонениях на священников и верующих, убийствах, ссылках и лагерях, при сносе или закрытии почти всех храмов, при хронической слежке за Московской Патриархией — вопреки всем этим ужасам сохранилось множество свидетельств веры в те печальные времена. И не только в России, а всюду на территории бывшего СССР. Например, у меня есть вышедшая по-украински книга Александра Климентия Соколовского «Церковь Христова. 1920-1940. Преследования христиан в СССР» (Киев, 1999), а в ней сотни биографий погибших за веру. Такие книги издают и в России, и почти повсюду на территории бывшего Советского Союза.

Человеческая память — особенно относительно веры — не всегда нуждается в документах. Липатов замечает снова возникающую — и в Московской Патриархии, и у властей Российской Федерации — тенденцию объединения Церкви с государством и заключения «оборонительного союза»: «Не являются ли изменения в законе о свободе совести в сегодняшней России, вводящем ограничения для «нетрадиционных конфессий», отражением того же страха, порождаемого теми же представлениями о роли государства в жизни Церкви и о роли Церкви в общественной жизни?» Этот вопрос звучит как предостережение.

5.

В конце я должен остановиться на известной, много раз обсуждавшейся и продолжающей возникать теме об отношениях двух гениальных поэтов — Пушкина и Мицкевича. Пожалуй, нет другого такого примера, чтобы «духовные вожди» своих народов так прекрасно подружились и так мучительно расстались. Да и русский ученый в своей книге посвятил им — самым лучшим, по мнению потомков, представителям «русской» и «польской души» — три главы.

«Первым из иностранцев, который проницательно понял неоднозначность чужой для него и враждебной для его родины страны, ее культуры и ее религии был Адам Мицкевич, — пишет Липатов о пребывании поэта в России в 1825-1829 годах. — Он страдал от России официальной и одновременно испытывал чувства сердечной дружбы и признания со стороны России гражданственной. Именно с этой последней великий поляк и его соотечественники связывали надежды на оздоровление и возрождение восточного соседа».

Надежды не сбылись. Наоборот. Когда вскоре (29 ноября 1830 года) поляки восстали против царской власти в Варшаве, Пушкин выступил за «государственную Россию» Николая І. «Русский гений вонзал свой политический кинжал в кровоточащую рану Польши, раздавленной доблестной ратью великой державы», — так Липатов оценивает его антипольские стихи. «Польский поэт увсковечил эту рану своей лирой, своими гражданскими деяниями, самой своей жизнью», — добавляет он.

Дороги великих личностей разошлись, но «Мицкевич ценил его поэтический талант, что нашло отражение в цикле лекций, прочитанных в Коллеж де Франс, а также в статье, посвященной памяти Пушкина, которая была опубликована во французском журнале «Le Globe» (1837 год)», отмечая, что если бы не было Байрона, то Пушкин был бы признан первым поэтом того времени. «Нигде и никогда польский поэт непосредственно не отозвался на антипольские стихи Пушкина», — констатирует Липатов. «Мицкевич-поэт прошел мимо Пушкина-политика. Не обратил на него внимания. Ибо видел и ценил только Пушкина-поэта. Поистине рыцарственный жест поляка, нареченного пророком в своей столь многострадальной и всегда непокорной родине», — замечает он.

Однако Россия для поляков — это прошлое, лежащее за границей Евросоюза. После распада Варшавского договора и СЭВа львиная часть экспорта и импорта польской экономики приходится на рынки стран-членов Европейского союза. Не только из-за того, что так хотели поляки, но в основном из-за того, что это богатый, предсказуемый, партнерский рынок, где в нас заинтересованы из экономических соображений. При всех ожидающих ЕС переменах, видоизменениях и колебаниях мы останемся в нем.

После распада советской системы экономика государства с 38-миллионным населением удивительно быстро и без больших убытков изменила направление экспорта и импорта с востока на запад. Не из-за того, что так хотели поляки. В основном из-за того, что постсоветский рынок был и остается ненадежным. И из-за того, что создающийся российский рынок не хочет нас там видеть из соображений, далеких от экономики, а все еще близких к политике. При стареющем термоядерном арсенале у «государственной России» остался только один источник давления — энергоресурсы, нефть и газ. И она старательно использует это оружие против всех своих соседей, особенно новых. В итоге все они ищут альтернативные источники.

Словно в России нет своих проблем, от которых не соскучишься. Внутренних и внешних.

В контексте требований, перед которыми стоит сегодняшняя Россия, непонятным — даже в самой России — выглядит непрерывное унижение стран и народов, ранее входивших в состав СССР или «социалистического лагеря». Это не улучшает отношение к российской власти и дипломатии, зато вызывает недоверие вблизи ее длинных границ. Сейчас уже не те времена, когда ради внутренней мобилизации указывали на внешнего врага. По-разному можно говорить о демократии, но уж точно не то, что решение жизненных проблем доверяется власти без раздумий и контроля, или что она не ставит трудных вопросов, а тем более что запрещает их задавать.

При внутренней и внешней обусловленности России, трубопроводы могли бы сойти с первого плана ее политики, хотя, разумеется, не на последний.

Тогда Александр Липатов не останется очередным предвестником прекрасных, но не исполнившихся надежд на трудном пути своей страны к демократии без прилагательных.

Александр Владимирович Липатов в 1962 г. окончил Варшавский университет, в 1990-м защитил диссертацию во Вроцлавском университете. Научный сотрудник Института славяноведения РАН, с 1990-х — профессор Российского государственного гуманитарного университета (где ввел специализацию по полонистике), автор более 500 научных работ и друг Польши и поляков. Он ценит в нас, вероятно, то, чего ему не хватает в России, а это встречается крайне редко. Его сборник статей об исторических, политических и культурных связях России и Польши — это, как пишет польский издатель о научном труде объемом свыше 400 страниц, «попытка взглянуть на историю российско-польского соседства через призму внутренне неоднородной европейской цивилизации».

Петр Мёнчинский Лешек Костшевский

ПОЛЬСКИЕ ФИРМЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ МИРОВЫЕ РЫНКИ

Наши польские фирмы известны в мире уже не только как производители водки или колбасы. Мы становимся мировыми гигантами, занимая свои экономические ниши — в производстве за-

винчивающихся крышек к водочным бутылкам, в производстве окон, горнодобывающих машин или медицинских игл.

Анджей Чернецкий вынимает из сумки пластиковый «патрон». Прикладывает его к пальцу, на котором появляется капелька крови. Вакуумный шприц, снабженный специальной тоненькой иглой, забирает кровь для анализа. Больным диабетом приходится делать это иногда по пять раз в день. Однако таким образом определяется не

только уровень сахара в крови, но и уровень холестерола, подобным образом берутся и аллергические пробы и определяется наличие вируса иммунодефицита человека (ВИЧ).

Во всем мире в течение года подобных вакуумных иглоукалывателей для взятия крови используется около 5 млрд. штук. Из этого количества фирма Чернецкого — «High Tech Lab Strefa» — производит свыше 700 миллионов. Это обеспечивает озорковской компании первое место в мире. И приносит 50 млн. злотых ежегодно.

Польша научилась занимать ниши

На протяжении многих лет экономисты и политики жалуются, что полякам не удалось создать ни одной марки, которая бы стала известна во всем мире, как этого добились финны с телефонами «Нокиа» или немцы с автомобилем «Мерседес».

— Польские фирмы могут покорить мир, утверждает Богуслав Грабовский, экономист, бывший член Совета монетарной политики. А некоторым это удается и сейчас.

Фирма «High Tech Lab Strefa» — номер один на мировом рынке производства вакуумных иглоукалывателей для анализов крови. Теперь фирма HTL хочет открыть фабрику в США. Причин тут две. Первая — отправить контейнер продукции за океан стоит от 4 до 5,5 тысяч долларов, и уходит на транспортировку около 6 недель. Вторая причина — значительная разница в часовых поясах.

— Клиента в США нужно обласкать. Что бы ни происходило, он тут же хватается за телефон. И когда есть ответ, тогда все о'кей, а иначе они просто сходят с ума, — рассказывает Анджей Чернецкий, владелец фирмы. Оборудование для фабрики в полном объеме будет стоить около 7 млн. долларов.

По мнению Грабовского, у нас сегодня два пути к успеху. Первым идут компании, берущие свое начало в ПНР — они работают в тех областях, которые некогда мощно поддерживало социалистическое государство. В период раннего польского капитализма они оказались на грани банкротства, но у них были связи.

— Достаточно было сделать в них дополнительные капиталовложения, перестроить их, структурировать,

повысить качество выпускаемой продукции, и они, расправив крылья, выпорхнули в мир, — объясняет Грабовский. В эту группу входит, например, катовицкая фирма «Фамур», крупнейший в стране и пятый в мире производитель машин и оборудования для горнодобывающей промышленности (как раз сейчас она выходит на биржу). Польская группа — главный поставщик оборудования для отечественных шахт, но она продает машины также в Иран, Чехию, Россию, Испанию и Румынию. Доход — свыше 700 миллионов в год.

Второй путь — это, по мнению Грабовского, ниши мировой экономики. Тут не нужны большие капиталы, но требуются удачные идеи.

Такой идеей располагала фирма HTL, которая включила в свое предложение так называемые безопасные иглоукалыватели. Конструкция этих приборов напоминает авторучку. При нажатии при-

бора снизу на долю секунды появляется игла, которая безболезненно прокалывает палец. Столь же быстро игла уходит обратно.

Когда в середине 90-х фирма HTL предложила свой продукт медицинскому гиганту «Рюш», американцы предполагали, что будут продавать их 30-40 млн. штук. Сегодня фирма продает в США 200 млн. приборов и обеспечивает половину американского рынка. Польской фирме помогли регламентирующие правила, по которым американским лабораториям запрещается использовать обычные иглы.

— Кто-то может пораниться и заразиться

СПИДом или гепатитом,говорит Чернецкий.

Товорит чернецкии.
 А один зараженный пациент или сотрудник
 это огромные деньги, идущие впоследствии на его лечение. Вдобавок американские больницы боятся исков и громадных компенсаций.

С удачной идеи началась и карьера Кшиштофа Гжонделя, президента фирмы DGS из Влоцлавека, которая занимает третье место в мире по производству завинчивающихся крышек к бутылкам. Его фирма про-

изводит их в год около 1,5 млрд. штук (доход свыше 200 млн. злотых). Идея «крышечного» бизнеса родилась в 1991 году во время именин Романа Гжонделя, младшего брата Кшиштофа.

— Открывая бутылку, именинник рассказал мне, что в лодзинской фирме «Польмос» большой дефицит этих крышек, — вспоминает председатель DGS. — Мы решили заполнить эту нишу. У фирмы DGS не было денег, но в Варшаве нашлась фирма, которая передавала в лизинг оборудование вновь создающимся фирмам.

Сегодня Гжондель поставляет завинчивающиеся крышки к бутьшкам для водки «Парламент» в Казахстане, «Штуимбрас» в Литве, польской водки «Собеский», джина, виски, ликера «Бейлис», водки «Смирнофф». В магазинах беспошлинных продуктов в аэропортах 30% алкогольной продукции имеют крышки фирмы DGS. Даже в Австралии у фирмы есть своя фабрика, выпускающая крышки для винных бутьлок.

Как покоряли дикий Запад

Крупные польские фирмы обычно начинали покорение мира с Восточной Европы.

— Запад капризен. Цепляется к каждой запятой, лишь бы снизить цену. У россиян разумные требования, они не так придираются, — считает Кшиштоф Гжондель.

Красноречивым примером того, насколько тяжело пробиться в старой Европе, может служить судьба фирмы «Факро» из Нового Сонча. Эта фирма была основана в начале 90-х. В настоящее время это второй в мире (после датской фирмы «Ве-

люкс») производитель мансардных окон. Фирма «Факро» контролирует 17% мирового рынка, доход фирмы составляет почти миллиард злотых ежегодно.

С завоеванием рынков Украины и России у фирмы проблем не было.

— Мансардные окна там только-только начинали входить в моду, так мы оказались на рынке, который еще не был освоен, — вспоминает председатель фирмы «Факро» Рышард Флорек.

Однако на Западе клиенты уже привыкли к окнам датского производства и покупать другие окна не желали. Чтобы пробиться и здесь, Флорек пошел на хитрость. Сначала он стал продавать стремянки.

— Когда люди убедились в их превосходном качестве, то уже не боялись заказывать и наши окна. Так мы покорили Ирландию, — говорит председатель «Факро».

Интересно, что польские промышленные тузы строят свой успех на производстве оборудования, требующего использования современной технологии.

— Когда, например, в Испании смотрят на наши машины, то никак не могут поверить, что это произведено в Польше, — говорит председатель фирмы «Фамур» Вальдемар Лаский. Один наш комбайн может стоить даже 1,5 млрд. долларов, он может добывать 8 тонн угля в сутки, а управление им осуществляется с помощью компьютера.

Фирма HTL имеет на свою продукцию 36 патентов в США, Японии и Европе. Конвейер производства игл установлен под партии по 120 штук с точностью 0,2 мм. Сложная машина выполняет эту операцию за три-четыре секунды, а затем опрыскивает иглы пластиком.

— Вручную за это же время подобную операцию не выполнят и десять человек, — говорит Чернецкий. — Наше производство почти полностью автоматизировано. И в этом есть еще один положительный аспект. Фирме можно не бояться конкуренции со стороны азиатских фирм с их низкой стоимостью труда.

Политики не помогают

— Прежде чем Польша вступила в ЕС, мы хотели продавать нашу продукцию на американских правительственных аукционах. И не смогли это-

го сделать, ибо польское правительство не позаботилось о том, чтобы мы получили соответствую-

щее разрешение от американских властей. Я помню, как сражался с политиками, чтобы сделать хоть что-нибудь в этом направлении. Естественно, ничего не вышло, никто в этом не был заинтересован, — вспоминает Чернецкий.

Фирма «Бохамет», расположенная под Быдгошем, производит окна для нужд судостроительной промышленности. В своей отрасли фирма имеет мировую известность. В 2003 г. она поставила окна для «Queen Mary II» — французского судна, рассчитанного на 2,6 тысяч пассажиров. Заказ ей достался весьма необычным образом.

— Получилось так, что изготовитель окон, с которым сотрудничала французская судоверфь, строившая судно, не смог справиться с этой задачей. Работы должны были закончиться через месяц, и никто в мире не соглашался принять вызов и взяться за дело. А мы согласились. За три недели мы изготовили 40 тони различных деталей, отправили во Францию 12 фургонов — «тиров», и вся продукция прибыла на место вовремя, — рассказывает владелец фирмы «Бохамет».

 Массового завоевания мировых рынков польскими фирмами мы не добьемся без отказа от чрезмерно регулируемой экономики, при которой требуются разрешения, позволения, лицензии, - комментирует Богуслав Грабовский. По его мнению, ярким примером того, как трудно вести бизнес в Польше, становится открытие хотя бы обычного овощного магазина. Если человек хочет торговать овощами в павильоне, то санэпиднадзор должен взять пробу воды из водопровода на анализ раз, затем другой. Пока закончатся исследования, пройдет свыше двух месяцев. Этот пери-

од, естественно, для работы будет вычеркнут, — говорит Грабовский.

Петр Стасяк

НАПРАВЛЕНИЕ — МОСКВА

Поляки теперь отправляются в поисках работы не только в Ирландию, Швецию и Германию — многие едут на восток, где открываются большие возможности и можно заработать действительно большие деньги. Но для этого надо иметь особые способности.

Широкий поток эмиграции устремлен на Запад. Эта эмиграция многочисленна, она громко заявляет о себе, благодаря СМИ за нее переживает вся Польша. На Запад едут люди молодые, имеющие высшее образование, но на родине не видящие для себя никаких перспектив. К ним присоединяются 30-40-летние, которых в Польше ожидает либо нищета, либо безработица. А там, на стройках, фермах, в барах Лондона, Дублина, Барселоны они надеются получить достойную оплату за нормальную работу. Эмиграция на Запад велика

свыше миллиона человек.

Меньший поток эмигрантов улетает из варшавского аэропорта Окентье рейсовыми самолетами. Туда, куда они направляются, дешевых полетов нет. Направление: Россия, Украина и так далее. Эмигранты второй группы себя не афишируют, а болеют за них только родственники и друзья. Это направление привлекает поколение 30-40-летних. У них есть образование, есть опыт, они повидали мир. Но чувствовать себя эмигрантами они не хотят. Предпочитают называться «экспатами» (сокращение от «экспатриированный» — живущий не у себя на родине). В Польше их ценили, они занимали высокие или средние должности. Многие фирмы пытались их завлечь. Поехать на восток их уговорили «охотники за головами», прочесывающие рынок труда в поисках лучших. Нанятые на работу по контракту в крупные концерны в Москве, Петербурге, Новосибирске, они воспринимают это как некий вызов, как шанс сделать карьеру и заработать большие деньги. По подсчетам, эта малая эмиграция составляет уже больше десяти тысяч человек. И этим дело не кончится.

Сколько там можно заработать

Примерные заработки наших соотечественников, работающих в России и на Украине:

- директор по маркетингу в крупном банке или в торговой сети по реализации товаров повседневного спроса до 300 тыс. долл. в год;
- директор сети продаж в банке или в телекоммуникационной компании— до 250 тыс. долл.;
  - коммерческий директор в крупном международном концерне — 250 тыс. долл.;
    - управляющий в крупной компании, производящей стройматериалы, — 200 тыс. долл.;
      - начальник производства на бумажной фабрике — 100 тыс. долл.;
      - инженер в нефтяной компании в Сибири — 100 тыс. долл.;
    - директор отдела реализации в компании средней величины, торгующей одеждой — 100 тыс. долл.;
  - советник в консалтинговой фирме 50-60 тыс. долл.;
- технический директор на мебельной фабрике 50-60 тыс. долл.;
- инженер в нефтяной компании в Казахстане 24 тыс. долл. в год.

К этой сумме следует прибавить ежегодную премию в размере 10% годового оклада. Персоналу высшего звена предоставляется также «социальный пакет»: квартира, машина, школа для детей, частное медицинское обслуживание для всей семьи, годовой пул авиабилетов, оплачиваемых фирмой.

Почти как в Лондоне

Когда мужу Беаты Бекер предложили работу в российском отделении фирмы ИКЕА, родственники и друзья не скрывали своих опасений. Это было начало 90-х. Шведская мебельная фирма открыла первый магазин в Польше и, воодушевленная успехом, начала агрессивно завоёвывать новые посткоммунистические рынки. На московских улицах было неспокойно. В магазинах пусто. Ежедневно возникали проблемы с покупкой молока и хлеба. Семья Бекер поселилась в так называемом доме для дипломатов, так как иностранцам тогда было запрещено снимать, а уж тем более покупать квартиры в столице развалившейся империи.

Москва, в которую 11 месяцев назад прямо из Великобритании прилетела Анна Лихота, — как поглядишь, совсем другой город. Жизнь в метропо-

лии, центре бизнеса, где пересекаются пути из Европы и Азии. бьет ключом.

Анна — типичная «одиночка». Выпускница Лондонской школы экономики, гражданка мира больших корпораций. Она уже работала в Румынии, Чехии, Голландии, Великобритании. В России она возглавляет отдел продаж в «Дельта-банке», в котором имеет долевое участие американская корпорация «Дженерал электрию». Москва, на ее взгляд, — город космополитический и богатый, притягивающий победителей. Архитектор с мировой славой Норман Фостер вскоре будет перестраивать гостиницу «Россия». А рядом с гостиницей появится самый высокий в Европе небоскреб.

— Здесь делается бизнес. Это еще не Нью-Йорк, но та же лига, что и Лондон, — говорит А.Лихота.

Польские «экспаты» утверждают, что Варшава отстает. Провинциальная, захолустная, культурная периферия мира. Когда Беата Бекер приземляется в аэропорту Окентье, она сразу ощущает покой, тишину, не видит вокруг толпы и суеты.

Жизнь в столице России может продолжаться сколько угодно. При желании — круглые сутки. В три часа ночи в самом центре города можно оказаться в автомобильной пробке. В самых модных клубах, таких как «Night Flight» или «Fabrika», звучит главным образом английский язык. Постоянные посетители таких мест носят новейшие модели рубашек от «Дольче и Габбаны», обувь фирмы «Прада», сумочки «Луи Вюиттон», часы «Картье». Коренных жителей легко отличить: они обожают роскошную одежду известных марок и дорогие украшения. Единственная форма «люстрации», принятая в московских салонах, — это внимательное изучение: что на ком надето и сколько это стоит.

Урезания расходов пока нет

У Гжегожа Разовского из Силезии свой взгляд на Россию. Поляки, выезжающие в Россию, попадают практически только в столицу или в несколько крупнейших городов. В Санкт-Петербург, на улицах которого ощущается европейская атмосфера, и даже коммунизму не удалось этого изменить. Во Владивосток, откуда ближе до Америки, чем до сердца империи. В промышленные центры — Самару и Новосибирск, на улицах которого чаще встретишь китайца, чем коренного русского.

На этом фоне случай Разовского — особый. На карте его географического маршрута самый главный пункт — Вологда, настоящая советская провинция. Здесь живется труднее. В том числе и ему. Немного похоже на Польшу 10-15-летней давности. Су-

пермаркетов тут уже настроили много, но дороги попрежнему с чудовищными рытвинами. «Видно, что страна развивается, но неравномерно», — говорит Разовский. Когда он впервые приехал на Монзенский деревообрабатывающий комбинат в Вологде, производящий древесностружечные плиты (сейчас он там возглавляет отдел продаж), рабочий зарабатывал 1500 рублей, то есть примерно 50 долларов (при обменном курсе 30:1). Сегодня тот же самый рабочий зарабатывает 15 тысяч — 550 долларов. А курс доллара понизился (27:1).

Томаш Мончинский, работающий в консалтинговой фирме по подбору руководителей высшего звена «Spengler Fox», специализируется в так называемом executive

search — подборе персонала исполнителей. Его работа заключается в том, чтобы находить сотрудников на высокие должности.

— Экономика России или Украины находятся сейчас в той фазе развития, которая сравнима с состоянием экономики в Польше первой половины 90-х годов, говорит он.

Бизнес работает самостоятельно. Богатеющее общество наверстывает упущенное за годы коммунистического прозябания и покупает по-крупному. Стиральные машины, телевизоры, кафель, кофе, бритвенные станки

фирмы «Жиллетт». Все столбцы графика продаж растут. Термины «излишек занятости», «производительность», «урезание расходов» здесь пока не в ходу. Польские менеджеры, уже однажды испытавшие на себе такое «чудо на Висле», знают, что у нас это больше не повторится. А в России они смогут пережить такое еще раз.

— На восток едут самые лучшие и самые смелые, которым стало скучно делать карьеру на предсказуемом и отрегулированном Западе. Они не страшатся принимать вызов. Они рассчитывают на крупный выигрыш. Даже на старте они зарабатывают больше, чем на родине. И больше, чем могли бы заработать в странах Евросоюза, — говорит Пшемыслав Гацек, президент портала www.pracuj.pl.

Подари норковую шубку

Каролина Рытель приехала в Россию с мужем и трехлетним сыном. Муж работает в международной аудиторско-консалтинговой фирме «Price Water House Coopers». А она — в консалтинговой фирме по подбору персонала «Brunel CR».

 Это просто невероятно — здесь безработицы, собственно, нет. А развивающиеся фирмы страдают от нехватки специалистов, — говорит Каролина.

Поэтому крупные международные корпорации ищут опытных специалистов для российского рынка в Польше. Менеджер из Великобритании, Германии или

США, как правило, тут не справляется. Сказывается разница в культуре: они работают «на других частотах». Российские специалисты не понимают его, а он не понимает их. Он не понимает, почему жесткие процедуры, которые уже внедрены в филиалах корпораций по всему миру, на сей раз не срабатывают. Поляк, уже получивший навыки капитализма, но еще помнящий закат ПНР, подходит тут гораздо лучше.

Западный менеджер не понимает, что бюрократия может съедать время, что чиновник существует вовсе не для того, чтобы облегчать людям жизнь, и что решения могут приниматься по непонятным правилам, на основании собственного мнения. А поляк это знает. У бизнеса в России свой собственный ритм. Здесь надо провести встречу раз, второй, третий. Обменяться подарками, поужинать, потратив

Ооменяться подарками, поужинать, потратив несколько сотен долларов. Прислать жене контрагента норковую шубку. Западный менеджер так не умеет. Поляк — умеет. Россияне — народ специфический.

По природе своей недоверчивый. Сначала их надо убедить довериться вам. Преодолеть пассивное сопротивление. «И только когда в тебе признали своего, барьеры рушатся», — объясняет Разовский, которому в провинции приходилось прокладывать такие тропки снова и снова. Но он умеет договориться. И, вопреки известным представлениям, дело оказывается не в том, чтобы вместе выпить море водки (капитализм отрезвляет — работающая Россия пьет всё меньше водки, а больше пива). «У нас славянская душа и опыт коммунизма, но при этом мы уже освоили современную корпоративную культуру», объясняет Мончинский. Поэтому значительная группа наших соотечественников, которые выехали на восток, создают и развивают здесь отделения известных мировых фирм.

Вторая группа, не менее многочисленная, — это те, кто раскручивает здесь польский бизнес. Своих сотрудников направляют, в частности, производители одежды «Reserved» и «Таtuum»— они завоевывают плацдармы на новом, обширном рынке. У гиганта в области строительной химии «Атлас» есть фабрика под Москвой. Свои сети продаж создают производители керамического кафеля, лекарств, а также продовольственная отрасль.

В Польшу на выходные

Среди выезжающих поляков очень мало тех, кто работает в чисто российских фирмах.

— Здесь по-прежнему действует система рекомендаций, личных контактов. Человек с улицы не пробъется, — объясняет Разовский.

— Но и это постепенно меняется. Всё чаще крупные российские фирмы переманивают из Европы способных менеджеров, — утверждает Томаш Мончинский.

Вот уже год как главой отдела маркетинга и членом правления МТС, крупнейшего на пространстве СНГ оператора сотовой связи, стал Гжегож Эш. В Польше он работал в сети «Эра». Благодаря его активной роли произошло знаменательное в истории польской сотовой связи событие. Он возглавлял коллектив из 12 человек (в отрасли их тогда прозвали «12 паршивцев»), которые изобрели новую услугу в системе «Эра-Хейя». Спустя несколько месяцев, когда с каждой рекламы приветственно махала «красная лапа», Эш расстался с фирмой. Когда он покидал фирму «Эра», у сети

было 6 млн. клиентов. У российской сети MTC их в десять раз больше. Однако на окончательный переезд Эш не решился. На выходные он летает в Польшу.

Коллега Эша по отделу маркетинга «Эры» Адам Вояцкий — сегодня президент крупнейшего на Украине оператора сотовой связи УМС.

Есть у нас свое представительство и в футболе. В российской лиге играют Мариуш Йоп и Дамиан Горавский (ФК «Москва»), на Украине — Северин Ганцарчик

(харьковский «Металлист») и Мариуш Левандовский (донецкий «Шахтер»).

Спортсменов пока немного. Поляков охотнее всего принимают в таких областях как телекоммуникации, финансы, банки, страхование, консалтинговые и юридические услуги, торговля и производство товаров повседневного спроса. Как правило, они выезжают, подписав контракт на несколько лет (предприниматель помогает с визой и необходимым разрешением на работу). Зарплата обсуждается в индивидуальном порядке. Заработок менеджера среднего класса достигает более 10 тыс. долл. в месяц плюс богатый «социальный пакет». О том, чтобы согласиться работать без предоставления пакета, не может быть и речи.

Эксклюзивные поселки

Жить там все-таки нелегко. Во-первых, погодные условия. В Москве климат — сухой, континентальный. Нет ни весны, ни осени. Лето, душное и жаркое, переносится тяжело. Везде пыль, которую гонит ветер. Под палящим солнцем город приобретает цвета сепии и пепла. Зимой — сибирские морозы. В течение нескольких недель тут держится температура минус 25 градусов. В других городах погода тоже не балует. В Новосибирске пронизывающий холод идет с гор. В Петербурге полгода темно.

Москва угнетает. Беспорядочной архитектурой: монументальные постройки времен коммунизма соседствуют с современными торговыми центрами, базары — с обшарпанными блочными жилыми кварталами. Толпы людей на улицах и в метро — в столице России живет 11 (а по некоторым источникам — 15) миллионов человек. И, наконец, расстояния.

— Москва производит впечатление города недоброжелательного, холодного. Выйти на прогулку по главной улице даже и не думай. Надо сначала доехать, но ехать отовсюду далеко, — говорит Мончинский.

В Москве три кольца. «Тот, кто не испытал на себе прелести здешнего уличного движения, тот не знает, что такое пробки», — говорит Анна Лихота. А она знает, что говорит, ведь она жила и в Лондоне. Здесь, чтобы добраться до работы в центре, бывает, надо потратить 2-3 часа. А без машины невозможно. Если только не живешь рядом с метро.

Изо дня в день наши «экспаты» прячутся в своих квартирах. Иногда фирма снимает 2-3-комнатную квартиру в одном из домов повышенной категории с апартаментами. Их масштаб поражает: начальная сумма квартплаты составляет 10 тыс. долл. в месяц. Каролина Рытель за квартиру 90 кв.м в центре, в доме еще советской постройки, платит две тысячи — и радуется, что дешево. Самые дорогие квартиры — в домах, расположенных вблизи Арбата, ГУМа (превратившегося в роскошный торговый центр) и Тверской. Снять квартиру в отреставрированном

старинном доме — тут цена может достигать и 30 тысяч долларов в месяц.

Семья Бекер живет в кондоминиуме — в одном из эксклюзивных поселков для самых богатых, построенных в 30-40 км от столицы. Поселок Ангелово расположен на берегу озера, на опушке леса. Летом это место напоминает солнечную Калифорнию. В по-

селке 400 домов — все как с открытки; есть собственный магазин, территория для отдыха, детские площадки, школа с английским языком. «У нас трое детей, и нам было очень важно поселиться за городом», — говорит Беата Бекер. Вместе с ними здесь живет еще восемь семей из Польши. Есть здесь и русские, и еще довольно космополитическое общество: немцы, шведы, англичане, финн с женой из Бразилии. Поселок огорожен и охраняется. Цена за дом в таких местах доходит до мил-

лиона долларов. Снять квартиру стоит 12-15 тыс. долл. в месяц.

Цены в Москве бьют все рекорды. Строящиеся в городе торговые центры, в соответствии с нынешним трендом, возводятся в монументальном стиле. Но наши соотечественники за покупками летают в Польшу или на Запад. «Цены здесь в среднем на 30% выше, чем в Европе. За стрижку моего трехлетнего сына парикмахер взял 50 долларов», — говорит Каролина Рытель. Обед на двоих в хорошем ресторане (но без излишней роскоши) стоит 50-100 долларов. Модные джинсы — 500. Таким образом часть астрономических с нашей точки зрения заработков съедается дорогой жизнью. Но ведь для нас это всего лишь на несколько лет.

восточные ворота

У жителей «восточной стены» появился шанс, какого раньше никогда не было: они получат 9 миллиардов евро на развитие региона. Многое указывает на то, что эти деньги не будут выброшены на ветер.

О таких деньгах они раньше могли только мечтать. Владислав Ортыль, заместитель министра регионального развития, родом из Прикарпатья, не сомневается, что деньги удастся правильно потратить и что благодаря им в восточной Польше наконец засияет солнце.

— Это район с гигантскими нуждами. Здесь каждое евро попадает в хорошие руки и на благодатную, подготовленную почву, — утверждает Ортыль, который через два года после вступления Польши в Евросоюз хочет говорить не о «восточной стене», с которой связаны дурные ассоциации, а о Восточной Польше как воротах в Европу и на восток.

Наверстывают упущенное

В трех воеводствах Восточной Польши: Подлесском, Люблинском и Подкарпатском экономика основывалась на традиционном сельхозяйстве. Bo СКОМ времена капиталовложения обходили их стороной, в частности, в отместку за неприязнь жителей к коммунистам. Лишь в 90-е годы экономика региона ожила. Согласно только опубликованному докладу Института изучения рыночной экономики, восточная часть Польши развивается гораздо быстрее, чем западная. По динамике развития Подкарпатье следует сразу же за самой богатой в стране Мазовией, Подлесье и Люблинское воеводство заняли в этом рейтинге соответственно 8-е и 11-е места.

В том, что бедность польской «восточной стены» — несправедливый стереотип, год назад убедились журналисты «Цайта». Редакция отправила их в Серокомлю под Люблином, чтобы они написали статью о самом бедном районе в Евросоюзе. Журналисты вернулись ни с чем. Людям здесь хватает денег, у них красивые дома и машины, констатировали немецкие журналисты.

Местные жители уже много лет ездят за границу и привозят деньги. Другие — как жители польско-

литовского приграничья, в частности Сейн, — богатели на контрабанде. Теперь — контрабанде топлива и сигарет, а некогда — водки и золота. Из Монек (Подлесское воеводство) ездят теперь на запад Европы. Мечислав Жуковский, владелец белостокского турагентства, как раз Моньках, где население составляет 11 тысяч, открыл филиал. И это окупается: он предлагает дешевые авиабилеты и дешевый ночлег. У него появились постоянные клиенты.

— Едут, возвращаются, а деньги вкладывают в хозяйства и небольшие семейные фирмы. То, что они богаче, видно невооруженным глазом, — говорит он.

В последнее время здесь появилось много мясных и птицеводческих предприятий.

— Они начинали как семейные фирмы, а сейчас предоставляют работу даже нескольким десяткам людей, — признает Збигнев Менчковский, бурмистр (мэр) Монек.

На востоке живется свободней и безопасней. Прочнее традиционные ценности. Белосток — это часть тихого Подлесья. Здесь наименьшее число преступлений среди всех городов с населением свыше ста тысяч: 2977 на 100 тыс. жителей, в то время как в Катовице — целых 7063.

Деньги рождают деньги

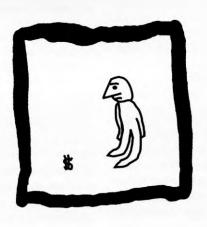
Эмиграция — тоже маховик развития населенного пункта. Когда-то выезды были п о т р е б и т е л ь с к и м капиталовложением — в обучение детей, в дом и машину.

— Сейчас их цель — создать фирму, наладить деловые контакты, экспорт. Число фирм на одного жителя в Семятычах выше среднего по стране, — говорит профессор Тадеуш Поплавский из Белостокского политехнического института.

В городе с 16-тысячным населением действует почти две тысячи зарегистрированных фирм и постоянно открываются новые. Это намного больше, чем, например, в городах такой же величины в Западном Поморье: на 300 больше, чем в приморском Дарлове, и на 900 — чем в Свидвине.

В Семятычах работа за границей вызвала цепную реакцию, в результате которой начался взрывной рост малого предпринимательства. На деньги, привезенные из Бельгии, дома вырастали с скоростью. огромной Поэтому Эугениуш Мудель открыл — ясное дело, на заработанные в Бельгии деньги — оптовый склад стройматериалов, а недавно построил гостиницу и ресторан. В окрестностях кишмя кишат семейные строительные и паркетные фирмы, работающие не только на

местном рынке. По мнению Матеуша Валеского из Центра социальноэкономического анализа. злесь образовался общественный капитал, то есть сеть взаимных обязательств между людьми, которые друг другу помогают, советуют, каким заняться бизнесом. Такой капитал легко превратить в экономический.

Строительный бум в Сокулке позволил расправить крылья компании «Сокулка — окна и двери», одной из самых крупных в Польше фирм, производящих окна. Около 200 человек работают в «Металь-Фахе», изводящем котлы центрального отопления и сельскохозяйственные машины, в молочной фирме «Сомлек».

 Мы уже много лет предоставляем льготы тем, кто хочет здесь вкладывать капиталы. Налоги, которые платят наши предприниматели, — одни из самых низких воеводстве, — хвалится мэр Станислав Козловский. Несмотря на это доходы от налогов растут. В течение двух последних лет работу нашли около 500 безработных.

Успехитаких населенных пунктов, как Семятычи и Сокулка, распространяются на окрестности, побуждают других к активности и инвестициям. Действует и правило снежного кома: как только куда-то решает

вложить деньги один инвестор, тут же появляется следующий.

В Люблинском воеводстве оазис богатства и инициативы — Билгорай.

 Предприимчивость здесь — традиция. Когда-то здесь все делали сита. Люди разъезжались по всему свету, чтобы продавать сита. Привозили деньги. Потом ездили работать в США и Германию. Вкладывали капитал, а деньги рождали деньги, - говорит мэр Януш Рослан. И деньги продолжают порождать деньги: в близлежащей Воле-Дужей находится «Амбра», один из самых крупных в Польше заводов по разливу вина — его основал в начале 90-х Януш Паликот, ныне один из самых богатых поляков и депутат Сейма от «Гражданской платформы». В Билгорае находится штаб-квартира известной в Европе мебельной фабрики «Black Red White». Тадеуш Хмель, основной акционер BRW, начинал в 80-х с небольшой мебельной мастерской. Фирма, основанная в 1991 г., достигла таких высот благодаря экспорту в Россию.

Эффект снежного кома, вероятно, стал причиной расширения принадлежащей компании «British American Tobacco» сигаретной фабрики в Аугустове, где работают уже более 600 человек. До конца года здесь получат работу еще несколько десятков людей. Запланировано перенести сюда производство с закрываемой фабрике в Саутгемптоне (Великобритания). В правлении компании объясняют это низкими производственными расходами, превосходными кадрами и возможностями расширения.

Приземление в Долине

Веслав Каменский, советник премьерминистра по делам Восточной Польши, восхищается изобретательностью и решительностью местных властей в Подлесском Замброве:

— Там была неблагоустроенная территория, оставшаяся от текстильных фабрик, разоренные цеха. Городские власти расчистили ее для про-изводства и нашли инвестора.

Сейчас в Замбровском промышленном парке работает несколько фирм, где трудятся 200 человек.

В масштабах Замброва такое число рабочих мест огромно.

Органы местного самоуправления не сегодня узнали, что такие парки, промышленные и технологические, — хороший способ привлечь инвесторов, с которыми здесь очень плохо. В Свиднике под Люблином из территории авиамоторного завода выделен участок в 45 гектаров, где теперь возникает промышленно-инвестиционный центр. Уже сейчас там действуют 30 фирм, взявших на работу больше тысячи человек. «Мы хотим создать целый промышленный городок, который будет привлекать инвесторов», — объясняет Артур Собонь из городского управления. Часть денег на строительство уже удалось получить от ЕС.

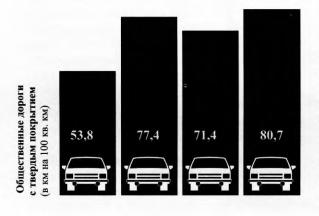
Когда несколько лет тому назад в Жешуве стали создавать «Авиационную долину», т.н. кластер, объединяющий фирмы и учреждения, связанные с традиционной в Подкарпатье авиапромышленностью, многие считали это безумием. Сейчас, как утверждает Даниэль Коздемба из Жешувского агентства развития предпринимательства, никто уже не удивляется. Сотрудничая, отраслевые предприятия продвигают друг друга, обмениваются информацией, помогают друг другу в поиске специалистов, совместно обращаются за субсидиями. Кроме производственной базы, основную часть которой составляет Жешувский авиамоторный завод, «Долина» обладает научным резервом в Жешувском политехническом институте. Возможности кластеров заметили и в Люблинском воеводстве. Здесь планируют создать «Экологическую долину», занимающуюся производством здоровой пищи.

Для создания «Авиационной долины» требовался общественный капитал. Но это уже местный конек. Отличный пример — феномен «Долины рубанка», микрорегиона, созданного несколькими гминами под Жешувом. Местные власти заметили, что в их гминах одни и те же трудности: плохая инфраструктура, нехватка инвестиций. Они создали промышленное товарищество, занялись телефонизацией, газификацией, а также борьбой с социальными бедствиями, в том числе с алкоголизмом.

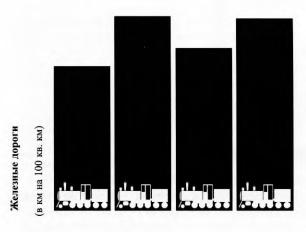
Чтобы сделать одно из первых капиталовложений, понадобился кредит. Когда

Пять воеводств: Подкарпатское, Подлесское, Люблинское, Свентокшиское и Варминско-Мазурское получат в 2007-2013 гг. около 9 млрд. евро! Из них 2,2 миллиарда — в рамках операционной программы «Развитие Восточной Польши», управляемой из Варшавы, остальное — региональных программ, за исполнение которых будут отвечать местные власти. Сколько именно достанется каждому воеводству, решит правительство.

банк потребовал гарантии, войты [старосты] не поколебались рискнуть и заложили свои личные хозяйства. Совместными усилиями они укрепили общественный капитал, который стал приносить проценты в виде новых начинаний. В конце концов они основали фирму, занимающуюся переработкой и оптовой продажей здорового продовольствия, а также эксплуатацией минеральных вод. В ней работают 200 человек.

воеволство

в среднем

Без Евросоюза ни шагу

Низкие требования в области зарплаты, неплохо обученные специалисты и дешевая земля вот основные козыри Восточной Польши. Другие преимущества, указанные в проекте правительственной программы «Развитие Восточной Польши», — это, в частности, хорошая демографическая структура и выгодное географическое положение. Слабых сторон больше, но их тоже неплохо используют. Четверть обещанной поддержки (вся сумма составляет девять миллиардов евро) Восточная Польша должна получить в рамках управляемой из Варшавы оперативной программы «Развитие Восточной Польши», остальное — в рамках региональных программ, преимущество которых в том, что за распределение средств отвечают местные органы самоуправления.

— Деньги будут направлены не непосредственно предпринимателям, а в бизнессообщество. Они должны улучшить инфраструктуру, облегчить экономическую деятельность и привлечь новых инвесторов, — говорит Веслав Каменский. На деньги ЕС будет финансироваться программа информатизации востока страны. В каждом повете должен быть широкополосный Интернет, а в каждой деревне

воеволство

воеволство

Інвестиции

— доступ в сеть. У маршалов [глав администрации] воеводств ящики ломятся от заявок на участие в региональных программах. Самые большие ожидания связаны со строительством дорог.

Одна из целей программы — укрепление главных городов. Поэтому на деньги ЕС в Белостоке собираются строить городскую железную дорогу, модернизировать линии вокруг города, закупить шинобусы (рельсовые автобусы). Велика вероятность того, что в Белостоке и Жешуве построят студенческие городки. Будут созданы или получат дополнительные средства промышленные и технологические парки по крайней мере в нескольких городах, в том числе в Ломже и Жешуве.

Томаш Сурыс, войт гмины Милеев под Люблином, не может нахвалиться помощью ЕС. На деньги Евросоюза в гмине построили новую дорогу, водопровод, дом культуры и провели уличное освещение. «Без ЕС мы были бы не в состоянии это сделать», — говорит Сурыс. Томаш Пилат из Люблина, владелец компьютерной фирмы, получил от ЕС больше 20 тыс. злотых и потратил их на повышение квалификации своих сотрудников и на новое программное обеспечение.

Вступление Польши в ЕС принесло ощутимую пользу и нескольким десяткам владельцев других мелких предприятий в Люблинском воеводстве. За два года они получили более 20 млн. злотых. К этому стоит прибавить средства от PHARE и структурных фондов. «Они использовали практически все деньги, какие только можно», —

утверждает Войцех Зволяк из Люблинского фонда развития.

Однако не всем нравится государственная программа развития восточной Польши.

- Этот регион нужно поддерживать, но не с помощью централизованной программы, считает депутат Сейма Томаш Щипинский, который занимается региональной политикой в теневом правительстве «Гражданской платформы». Лучше было бы дать больше денег местным органам, а не придумывать программу, которой руководят в Варшаве.
- В развитии регионов основную роль играет местное предпринимательство, собственный потенциал, своя хозяйственная «ткань», обращает внимание профессор Гжегош Гжеляк из Варшавского университета. Дополнительные деньги от ЕС не заменят самостоятельного развития. Они могут помочь местным начинаниям, но если призваны заменить их, то скорей всего окажутся выброшенными на ветер. Как у людей, чьи родители не работают, вырабатывается синдром зависимости от социальных пособий, так и в регионах, где нет предприимчивости, выработается зависимость от поддержки извне.

В этом случае, однако, нужно верить, что такого не будет. Потому что на «восточной стене» (извините, «восточных воротах») дух предприимчивости становится всё сильней.

Кшиштоф Мрозевич

ИЗ АДА ПРОКАЖЕННЫХ В НЕБЕСА БРАМИНОВ

В молодости отец Мариан столько раз встречался со смертью, что в конце жизни в будущее смотрел спокойно. «Опыт учит нас, что умирают другие, а мы продолжаем жить». Смерть пришла за ним в воскресенье, в час дня.

Она настигла отца Мариана, когда ему оставалось пройти сто метров до автомобиля, на котором он собирался вернуться из колонии для прокаженных в свой «ашрам». В тот день, прощаясь с подопечными, он не знал, что сегодня умрет. Они вместе пели духовные песни на языке хинди и ория*. «Кто красиво поет, тот дважды молится». Он приехал в лепрозорий на джипе, подаренном ему поляками, вел машину сам. За рулем ксендз часто пел песню, которая ему очень нравилась: «Мы смело покоряем горы...». Отец Мариан знал ее еще со времен харцерства, но здесь, у подножия Гималаев, на вершинах которых обитают многочисленные боги индуистского пантеона, она приобретала для него особый смысл.

Его восхищала литургия радости.

Он делил песнопения не на индуистские и католические, а на печальные и радостные. В час дня, когда жара доходит до сорока граду-

сов, он, отобедав на кухне, где готовили еду для прокаженных, решил отправиться в обратный путь — в свой «ашрам». Так отец Мариан называл свой домик у искусственного пруда, заросшего зеленью. Там была спальня, полки с книгами и компьютер, у которого он сидел часами, общаясь со всем миром. До дома он не добрался. Не дошел даже до джипа. Почувствовал раздирающую боль в груди и потерял сознание. Собратья-миссионеры (они же музыканты-барабанщики) отвезли его в ближайший госпиталь, где врачи сказали: «Father is no more», — всего через час после начала сердечного приступа.

На следующий день, 1 мая, в 7 часов утра отслужили панихиду в маленькой церкви, которую построил отец Мариан. Потом гроб перенесли в дом архиепископа, чтобы жители Пури имели возможность попрощаться с покойным. Похороны состоялись 2 мая в Джхарсугуде, тело поместили в гробницу рядом с домом, где живут индуистские монахи, — он называется Сханти Бхаван, что означает Дворец Мира.

Отец Мариан был подвижным человеком, застать его сидящим можно было лишь в двух случаях — когда он служил мессу или вел машину. Но ходить ему становилось все труднее из-за прогрессирующей болезни ног. О существующем зле он говорил с кроткой снисходительностью, часто употребляя уменьшительную форму слов. Что думал он о таком зле, как смерть? У нее нет уменьшительной формы. Она старуха с косой, которая отняла отца у прокаженных, но в Пури, где он был для больных всем: врачом и братом милосердия, покровителем и утешителем, — в Пури каждый относится к смерти с пониманием, хотя умирать, ясное дело, никому не хочется. Согласно верованиям пациентов, отец Мариан как душа добрая сменил только внешнюю оболочку, вселившись в другое тело, наверняка лучше прежнего. Прежнее в последние годы уже не давало святому отцу работать так, как бы ему хотелось.

И как хотелось бы им. Но они понимали и принимали эту ситуацию. Отношение первосвященника храма Джаганнатха (или Вишну-Кришну) к отцу Мариану лишний раз убеждало их в том, какой это хороший человек. Священники встретились друг с другом в невидимом храме Божием и подружились, создав ячейку христианско-брахманского экуменизма, не имеющую прецедента нигде в мире.

Смерть, отняв у прокаженных отца Мариана, отняла у них надежду. Они тоже умрут, то есть сменят свои «квартиры» или «оболочки», возможно, даже на более здоровые. Но пока они еще живы — кто будет их кормить? Кто будет чинить им протекающие крыши? Кто даст лекарства? Кто найдет деньги на приданое девушкам, чьи родители больны проказой: их не берут замуж, несмотря на то что они здоровы. Кто будет дальше вести дела

^{*} Хинди — государственный язык Индии; один из основных литературных языков. Ория (одри, уткали) — один из основных языков Индии, распространен в штате Орисса (Восточная Индия).

школы, одной из лучших в штате Орисса, где потерявшие пальцы юноши обучаются самой высокооплачиваемой и модной в Индии профессии программиста? А самое главное: кто будет собирать по всему миру пожертвования на колонию для прокаженных, то есть на питание и лекарства для ее обитателей?

У отца Мариана были любимые пациенты. Одинокая старушка, которую он называл «girl-friend», и доморощенный философ на инвалидной коляске, у которого проказа сожрала ноги до колен. Старушке он всегда давал несколько рупий, а от философа выслушивал советы и изречения. На вопрос, что он сегодня ел, философ отвечал: «Считается то, что можно посчитать, — и добавлял: — Когда вам, святой отец, снится, что вы ели рис, значит ли это, что вы ели рис?»

Были здесь у отца Мариана любимые кошки и рогатый бык-лилипут, размером с крупную собаку, который свободно разгуливал по улицам поселка. Бык обожал цветочки и дрожал от страха, когда кто-то пытался его погладить.

Обитатели лепрозория иногда ходили просить милостыню к храму Джаганнатха, чего отец Мариан им не запрещал, поскольку относился к такому занятию как к своего рода работе. В Ориссе многие побираются, не только прокаженные. Те вообще могли бы не выходить из лепрозория. Отец Мариан все равно продолжал бы их кормить. Но он считал — больные, пока хотят и могут, должны что-то делать. Если они возвращались с подаянием, то получали лекарства за деньги — плата была грошовой, символической, но отец Мариан Желязек был уверен, что каждый, кто имеет возможность, должен поддерживать свою колонию.

Он принимал всех, кто нуждался в помощи. В основном это были обездоленные люди, от которых отказались их близкие. Ибо прокаженный сразу делается изгоем, вызывая отвращение, страх и ненависть. В средневековой Европе было то же самое. Сейчас пациенты лепрозория в Пури знают, что проказа лечится, на начальной стадии болезнь можно преодолеть. Но беднота из глухих деревень Ориссы обращается за помощью поздно, когда уже появляются язвы. Прокаженных изгоняют из семьи, они становятся бездомными. С этого момента их жизнь превращается в ад, потому что, ко всему прочему, Орисса — самый бедный штат Индии, где чаще всего происходят стихийные бедствия. А власти вспоминают о нищих только накануне большого праздника или важного визита. Тогда полиция собирает прокаженных с улиц и вывозит куда-нибудь подальше, чтобы никто не узнал об их существовании и о том, как они бедствуют.

Отец Мариан Желязек был первым «учреждением» в Индии, не гнавшим несчастных прочь, — наоборот, он привечал их и кормил. Лечил и учил. Что с ними теперь будет?

Альберт Швейцер, такой же, как отец Мариан, самаритянин и покровитель прокаженных в Западной Африке, был за свой труд награжден Нобелевской премией мира, что дало ему возможность финансировать свою миссионерскую деятельность. К тому же Швейцер написал несколько монографий о музыке Баха, его книги выходили в престижных издательствах. А отец Мариан Желязек занимался только прокаженными, отдавая им все силы. Он впервые побывал в Дели, Агре и Джайпуре после 50 лет работы в штате Орисса, в самом его захолустье, где по сей день нападают на миссионеров, пасторов и монахов. В конце 90-х тогдашний глава Ассоциации католических епископов Индии архиепископ Делийский Алан де Ластик составил целый список трагических случаев, которые произошли в результате антихристианских погромов, устроенных индуистскими экстремистами и религиозными фанатиками, борющимися с «врагами веры». Когда де Ластик погиб в Польше в автомобильной катастрофе, боевики РСС** даже пытались не допустить гроб с его телом в Индию. «Пусть останется там, где его боги», — заявили они.

А отца Желязека никто не обижал. Ему удалось стать своим среди людей, проклятых богами, но при этом к нему не относились, как к тем несчастным, которые в кастовом обществе продолжают быть изгоями даже после смерти. Постепенно, поняв, что католический священник хочет делать добро, его приняли не только простые жители Пури, но и брамины, которые признали отца Мариана мудрецом и служителем Божьим. Его искусство лозоходца вызывало всеобщее восхищение. Такие таланты всегда ценятся, особенно на Востоке, где вода нужна не просто для поддержания жизни — это важнейший элемент религиозных обрядов. Без воды невозможно ни родиться, ни родить, ни очиститься от грехов, ни покинуть этот мир. Желающие выкопать колодец приезжали к Желязеку из самых отдаленных уголков, и он отправлялся с ними. Там брал подходящую рогульку и шел, держа ее развилиной вверх — веточка совершала свои движения, пока ксендз не останавливался в нужном месте, произнося сакраментальное: «Наветив аquam» («Есть вода»). Он мог указать, где проходят водоносные пласты и родниковые жилы на протяжении нескольких километров; располагая лишь планом квартиры, мог посоветовать, как передвинуть кровати, — «лоза» крутилась в его руках, как сумасшедшая.

^{**} Раштрия Сваджамсевак Сангх, Национальный союз самопомощи, правоэкстремистская военизированная организация, чья идеология — индуистский фундаментализм.

В одном из своих последних писем друзьям от Мариан писал: «Хочу провести вас по строящемуся тут Духовному центру и рассказать о нем поподробнее. (...) С террасы открывается прекрасный вид: с одной стороны — купол огромного храма Джаганнатха, с другой — Бенгальский залив. К храму и к морю движутся толпы религиозных паломников-индусов, в надежде обрести там спасение и очищение от грехов. Они верят, что омовение в морской воде в районе Пури снимает с человека вину за все его проступки. Спустившись по ступеням террасы, мы попадаем внутрь строящегося Духовного центра. Комнаты, рассчитанные на двух человек, должны создать условия для более близкого общения с Богом и лучшего понимания Евангелия — как христианами, так и не христианами. Для последних двери центра тоже будут всегда открыты, их здесь ждут. А может, и ты, дорогой друг, читая мое письмо, почувствуешь усталость от «Запада» и захочешь вдохнуть восточной духовности или даже найти для себя островок покоя в далекой мистической Индии. Вот настоящая мечта «молодого» миссионера. Пусть этот, может быть, последний сон воплотится в жизнь при твоей помощи».

Теперь мы знаем, что сон стал явью: Духовный центр принимает гостей.

Защита экуменизма в крайне неблагоприятных условиях, можно сказать, почти в обстановке военных действий, и вместе с тем чрезвычайная скромность и кротость, стремление избегать всяческой шумихи, которая могла бы, наверное, помочь его колонии выжить, успехи в реабилитации больных проказой, возвращение их к полноценной жизни среди здоровых — все это привело к тому, что люди доброй воли в Польше и Индии, узнав о достижениях польского миссионера, в 2002 г. выступили с инициативой присуждения ему Нобелевской премии мира. Обращение подписали Вислава Шимборская и Чеслав Милош. А Лех Валенса воздержался, поскольку считал, что если уж присуждать Нобелевскую премию польскому священнику, то только Каролю Войтыле. Разногласия среди поляков сыграли на руку не слишком расположенному к католикам лютеранскому епископу, имевшему влияние в Осло, и в результате Нобелевскую премию мира, неизвестно за что, присудили бывшему президенту США Джеймсу Картеру, проповеднику протестантства. Отец Мариан Желязек потратил бы ее на своих подопечных.

Архиепископ Рафаэль Чинатх из епархии Каттак-Бхубанешвар, ученик отца Желязека, сказал во время траурной проповеди, что Пури, столица Джаганнатха — одно из пяти священных для индусов мест — наверное, обрела еще большую святость благодаря тому, что здесь жил и работал такой самаритянин, покровитель прокаженных и защитник всего беднейшего населения окрестных рыбацких поселков, как отец Мариан.

Несколько лет назад архиепископ вместе с первосвященником храма Джаганнатха принимал участие в церемонии награждения отца Мариана Желязека кавалерским крестом ордена Возрождения Польши. (После присутствующие были приглашены на ужин в пятизвездочный отель на берегу Бискайского залива в Пури, и отец Мариан, глядя на огромную порцию рыбы на своей тарелке, признался, что первый раз в жизни ему случается попробовать такое блюдо в таком месте. Наверное, он чувствовал угрызения совести, думая о том, что сейчас едят его подопечные).

В траурной проповеди архиепископ подчеркнул: отец Мариан делал для своих пациентов все, что мог, не считаясь с усилиями, какие для этого требовались.

От него исходили доброта и душевное спокойствие, которые передавались окружающим. Благодаря силе характера отцу Мариану удалось сохранить эти качества и выжить даже в концлагере Дахау, где погибли все его соседи по бараку, которых уже в наши дни Иоанн Павел II причислил к лику святых. Компенсацию за концлагерь отец Мариан Желязек передал на нужды больных проказой. Они называли его Баку (отец), а дети — Ангелом-хранителем.

После 56 лет миссионерства в Индии (и 31 года работы в Пури) 88-летний священник оставил после себя колонию для прокаженных на тысячу мест, школу для детей, благотворительную столовую, больницу, небольшую гостиницу, птичник, огороды, различные мастерские, где обучали ткать бинты, шить одежду, обжигать кирпич. Он также построил небольшую церковь и многоконфессиональный Духовный центр. Как-то отец Мариан признался архиепископу, что хотел бы умереть за работой и молит об этом Бога. Его молитва была услышана.

Такая же, как отец Мариан, иностранка, которую когда-то вышвырнули из трамвая в Калькутте, — мать Тереза — училась у него помогать прокаженным и их семьями. Во всем мире она была признана святой при жизни. Его при жизни благословляли беднейшие из бедных.

Наверное, на надгробии отца Мариана напишут слова, которые он часто повторял:

«Добрым быть не трудно, достаточно только захотеть!».

А может, уместнее будет вспомнить другие слова, которыми он руководствовался, живя в центре ортодоксального индуизма:

«Ради мира можно и уступить».

А от себя мы бы добавили: «Здесь лежит тот, кто из ада отправился прямо на небо».

POLITYKA

Адам Михник

ПИСАТЕЛЬ В КЛЕЩАХ

«Я не властен над ящиком моего собственного письменного стола. Мой дом — совсем не моя крепость», — написал в январе 1970 г. Павел Ясеница. Этими словами он открывал свой «Дневник», последнюю, уже не оконченную книгу. Он умер в августе 1970-го.

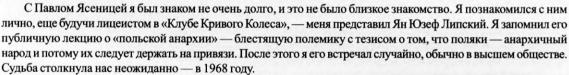
Это были драматические похороны. Среди многих похорон той эпохи, у которых был аспект политической и моральной демонстрации, эти были, пожалуй, самыми пронзительными.

I

Я запомнил этот день хорошо. Было очень тепло. Я работал тогда в две смены, поэтому ушел с работы, чтобы успеть на Повонзки. У меня перед глазами стоит большая толпа выходящих из костела — бледное лицо Антония Слонимского рядом со Стефаном Киселевским; Ян Юзеф Липский и Владислав Бартошевский, несущие венок; Богдан Цивинский, читающий письмо Антония Голубева.

Я вижу выступающего Станислава Стомму, друга по Виленскому университету... Наконец, Ежи Анджеевского, который дрожащим, хотя и

стальным голосом произносит большую речь в защиту опороченного писателя и в осуждение его притеснителей. Этих слов Анджеевского я никогда не забуду — это был голос растоптанной, униженной, но все же гордой и свободной Польши.

19 марта 1968 года первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка произнес речь, в которой по-своему оценил т.н. мартовские события. Тогда же он обстоятельно занялся и Павлом Ясеницей, в частности, сообщив: «У Ясеницы большой опыт конспиративной деятельности, он знает, как организовать битву с противником (...) Он хорошо знает, что такое патриотический энтузиазм и вместе с тем доверчивость студенческой молодежи. Он завязал знакомство с некоторыми студентами, в частности, с Михником».

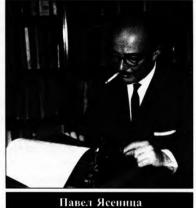
Так нас объединил Гомулка в своей разгромной речи. И это была не самая вопиющая ложь, которую он произнес. Все было иначе: двое студентов, Ирена Грудзинская и автор этих строк, попросили Ясеницу о встрече. Мы сообщили писателю о развитии событий в Варшавском университете и вручили ему распространявшиеся антисемитские листовки.

Во время своего процесса в начале 1969 г., не желая впутывать писателя в очередные проблемы, я заявил, что не знаю Ясеницу лично; однако, чтобы это не выглядело так, словно я отмежевываюсь от оплеванного человека, выразил сожаление, что не познакомился с этим незаурядным писателем.

II.

Это действительно был очень незаурядный писатель. В своих книгах — от «Польши Пястов» до «Речи Посполитой Обоих Народов» — этот конспиратор и солдат Армии Крайовой, известный публицист и репортер, по-новому рассказывал историю Польши и поляков. Рассказывал красочно, вдохновенно, заставляя задуматься. Он приобрел необычайную популярность — его книги расходились несколькими изданиями в сотнях тысяч экземпляров.

В этих книгах, страстных, часто критичных, он стремился представить польскую историю как пространство решений людей, которые заблуждались и находили, бывали зоркими и поверхностными, мудрыми и неразумными, смелыми и трусливыми. Для каждого читателя было очевидно, что на историю можно влиять, что ее можно творить по-разному.

В своих диагнозах он был проницателен вплоть до жестокости — когда писал о крахе правительства магнатов и распаде шляхетской демокрагии, когда указывал на мрачные аспекты идеологии Контрреформации. В своих анализах и прогнозах он оказывался пророком: его размышления о польско-украинских отношениях до сих пор, сорок лет спустя, поражают меткостью и мудростью, а главное — объективностью. Ясеница сумел взглянуть на конфликт с украинской стороны, освободиться от точки зрения и риторики польской мании величия, показать полякам все ошибки в политике в отношении Украины. А ведь он писал это уже после кровавой волынской трагедии... Только два знакомых мне человека обладали такой зоркостью и широтой взгляда — Ежи Гедройц и Яцек Куронь.

Ясеница писал, что «достигла предела практика произвола в отношении Украины, отношения к этой стране как к полю для роста состояний». Он писал также: «Просто формирующаяся, но уже физически крепкая украинская нация не нашла для себя удобного места в государстве двух народов. Она могла сохранить верность королю, но только при условии получения равноправного третьего места в Речи Посполитой». Польша этого не поняла и поэтому отвергла Украину — с известным результатом. Но в то же время Ясеница не скрывал, к каким роковым последствиям привел Украину выбор пути с Россией.

III.

О творчестве Ясеницы писали уже многие и наверняка еще напишут. Для меня очевидно, что эти книги нужно попрежнему читать, если хочешь понять, откуда мы пришли и где кроются корни сегодняшних болезней польской политики и духовности.

Ясеница писал: «Безнаказанность в верхах представляла собой явление нравственно возмутительное, но вполне логичное и разумное. Осуждение любого магната создало бы роковой прецедент для всех. Круг раз и навсегда привилегированных защищался от расплаты. Открещивался от призрака ответственности. Старательно отпускал грехи своим».

Совершенно ясно, что Ясеница имел в виду не только Любомирских или Радзивиллов... На ПНР он смотрел трезво и без иллюзий. Не верил в мировую войну, которая освободит Польшу от советского господства, не верил и в успешное антироссийское восстание. Он верил в подход сторонников «малых дел». Верил, что капля камень точит, — а значит, в смысл позиции сопротивления, несогласия, давления на власть. Он был свободным гражданином в порабощенном государстве, смелым человеком, руководствовавшимся рассудительностью. Таков был смысл его послевоенной публицистики в «Тыгоднике повшехном», таков был смысл его «оттепельных» статей 1955-1957 гг., таков был смысл его деятельного участия в «Клубе Кривого Колеса», этом последнем бастионе «польского октября», а также оппозиционная деятельность в литературных кругах. Ее увенчало известное «письмо 34-х» о цензуре, которое взбесило Гомулку, а общественности ясно дало понять, что в Польше существуют люди, которые критикуют власть не только у шурина на именинах.

Наконец, после запрета «Дзядов» Мицкевича в Театре Народовом (январь 68-го), Ясеница оказался в числе тех писателей, которые открыто произнесли резкие слова протеста. Слова, сказанные Ясеницей, относились к самым резким.

IV.

Открыто критикуя решение снять «Дзяды» со сцены, Ясеница говорил, что с «Дзядами» — как с Вавилонской башней: «...каждый лично может считать ее архитектурным китчем, но никто не властен сдвинуть ни одного камня». «Памятник Мицкевичу на Краковском Предместье стоит, но тогда, когда его устанавливали, нельзя было произносить никакой публичной речи», — напоминал Ясеница, обращаясь к эпохе российского владычества.

Запрет «Дзядов» — это «логичный результат правления не только бесконтрольного и безответственного, но и нисколько не считающегося с общественным мнением. (...) Общественное мнение должна выражать пресса. (...) К сожалению, наша пресса пишет исключительно то, что нравится правящим кругам».

О протестующей студенческой молодежи: «Эта молодежь, которая протестовала против запрета "Дзядов», — хорошая молодежь. Она доказывает, что ее волнует что-то большее, чем собственная карьера». И, наконец, цитируя антисемитскую листовку, распространявшуюся в университете и направленную против студенческой оппозиции, Ясеница сказал: «Дело о запрете "Дзядов» вытащило на поверхность антисемитизм», — поэтому, предупреждал он, «сегодня высказать любую антисемитскую мысль — все равно что повесить себе на шею мельничный жернов», ибо «идет большой процесс снятия вины за преступления с гитлеровской Германии и навешивания ее на нас».

Ясеница напомнил затем письма Вольтера времен правления Станислава Августа. Вольтер вытаскивал на белый свет детали, свидетельствующие о недостатке терпимости у поляков. «Надо отдать себе отчет в том, — говорил писатель, — что о нас есть такое мнение, и делать все возможное, чтобы такое мнение не возникало».

Эти слова были как взрывчатка. Почти никто не отваживался так говорить — без недомолвок, ясно и метко. Ясеница должен был понимать, что навлекает на себя громы и молнии. Зачем же он так поступил?

«Утро 29 февраля 1968 года, дня, который вошел в историю как дата протеста варшавских писателей, — писал Ясеница в «Дневнике», — это утро я провел на Повонзковском кладбище, в одиночестве. Это было самое подходящее место, чтобы подумать о том, что нам предстоит вечером. Я ни минуты не питал иллюзий, не верил в скорый успешный результат протеста. Но все это вместе взятое вовсе не освобождало от мучительного ощущения долга. По своей инициативе, не советуясь ни с кем, я решил, прежде чем выступить, внести предложение о тайном голосовании, а в выступлении поднять, в частности, вопрос об антисемитизме. Ничему это не поможет, ничего не предотвратит, но это будет соответствовать той самой простой и самой правильной жизненной философии, которая велит соблюдать порядочность».

Читаю сейчас, через 35 лет, эти слова, и горло мне перехватывает. Какую страшную цену пришлось заплатить Павлу Ясенице за порядочность!

V

Уже через несколько дней он прочитал о себе, что «служит чужим интересам». Ясеница стал объектом мерзкой, тщательно организованной травли, в процессе которой против него использовались материалы из гэбэшных дел. Ему припомнили причастность к вооруженному антикоммунистическому подполью в 1944-1945 годах. И как припомнили!

Один из столпов погромной публицистики писал в «Польском курьере» о Ясенице как о «яром враге Народной Польши». А еще он писал: «Август 1944 года. Лех Бейнар (Павел Ясеница) дезертирует из польской армии и вступает в разбойничающую на Белосточчине вооруженную банду под командованием Зигмунта Шендзеляжа по прозвищу Лупашко. Через несколько месяцев становится его заместителем. Подстрекает бандитов Лупашко к убийствам белостокских крестьян, поджогам деревень и грабежам. Не брезгует и "мокрой работой»». В статье обильно цитируются показания из гэбэшного следственного дела, данные на Павла Ясеницу, арестованного в 1948 году. Автор напоминает, что на процессе Лупашко «выносятся суровые приговоры» и инсинуирует: «Однако Лех Бейнар выходит на свободу... начинает карьеру писателя».

Сюжет, запущенный погромным публицистом, подхватил Гомулка в печально знаменитом выступлении в Зале конгрессов. Перечислив вооруженные операции, в которых якобы принимал участие Ясеница, первый секретарь ЦК ПОРП констатировал: «На следствии Ясеница признался, что состоял в банде Лупашко и совершил преступления, в которых его обвиняли. З мая 1949 г. дело Ясеницы было закрыто по известным ему причинам. Его выпустили из тюрьмы».

Гомулка повторил низкую клевету из гэбэшного досье — совершил подлость, удивительную даже в те мерзкие времена. Естественным последствием травли писателя было распоряжение Главного управления контроля печати, публикаций и зрелищ [цензурного ведомства ПНР] «не публиковать и не распространять» произведения Ясеницы. Оказавшись под полным цензурным запретом, писатель выгужден был замолчать. К счастью, в Польше писатель чиновничьим приказам не подчиняется: Ясеница умолк, но писать не перестал.

VI.

Сначала он составил короткий документ под названием «Фрагмент биографии», описав в нем все обстоятельства своего ареста, лживо пересказанные Гомулкой. В особенности напомнил, что оказался в тюрьме позже, чем Лупашко и другие, поэтому его арест никак не мог повлиять на судьбу его товарищей по партизанскому отряду. Выходя из тюрьмы, «я не подписывал никаких обязательств». Этот документ он разослал кругу дружественных писателей — Ежи Анджеевский опубликовал его в «Мезге».

Затем Ясеница написал «Размышления о гражданской войне» — превосходный, мудрый и блестящий очерк о контрреволюции в Вандее. Там он описал доктринерское правление якобинцев и жестокость их террора, которые привели к началу крестьянской партизанской войны. Это было, несомненно, веское слово в споре о ходе и смысле французской революции. Выводы Ясеницы были близки позднейшему анализу Франсуа Фуре, видного французского исследователя той эпохи.

Однако размышления Ясеницы — это и нечто большее: ответ на грубую, лживую и доносительскую кампанию в прессе на тему польской гражданской войны. Во «Фрагменте биографии» он написал коротко: «Всякая гражданская война отличается тем, что со временем становится все более жестокой. История не знает исключения из этого правила». «Размышления о гражданской войне» — это своеобразное завещание Ясеницы, обширное и эрудированное обоснование этого тезиса.

По мнению Ясеницы, народная контрреволюция была продуктом революции особого типа: вандейские крестьяне почувствовали себя хозяевами на своей земле и не хотели слушать наместников, присланных из Парижа, которые устанавливали якобинские порядки с помощью террора. В Вандее «воевали не из корыстолюбия, а из-за раненого чувства, от отчаяния».

Якобинцы, писал Ясеница, отличались такой же яростью, которая характеризовала большевиков. В эпоху крестовых походов против альбигойцев в XIII веке, вспоминал он, уничтожение людей, подозреваемых в неблагонадежности, становилось правилом. Тогда считалось, что Всевышний без труда узнает невинных на Страшном Суде. Пример же XX века, эту мысль Ясеница повторял неоднократно, должен учить, насколько опасны люди, которые «слишком много знают наверняка».

«Уверенность в том, что они обладают абсолютной истиной, соблазн отрегулировать раз и навсегда разладившийся механизм истории — все это неизбежно склоняет к использованию крайне радикальных средств». Абсолютная власть становится условием достижения цели. Нужно отодвинуть все и обезвредить всех, мешающих единственно правильной идеологии. Особые меры должны применяться только при чрезвычайном положении, но это положение сразу же становится нормой. Для того чтобы изменить это положение вещей, «всегда была необходима помощь людей, думающих иначе, в той или иной степени еретиков».

Ясеница, критик контрреформации и революции, не боялся еретиков. Боялся он только революционеров, которые переходят границу, отделяющую необходимые реформы от «доктринерства, обвенчанного с жаждой полной власти». А еще он боялся неудачников, которые относятся к революции как к шансу отыграться за жизненные неудачи, — третьеразрядных адвокатов и писателей. Он повторял: «Попробуем забыть на минуту о программах, останемся с тем, что делает человека достойным».

Он не переносил Робеспьера — Неподкупного, идеолога террора и вождя якобинцев, потому что больше идеологии его интересовало «умственное равновесие правящих». «Жажда ничем не ограниченной власти, — писал он, — бешеная борьба за сохранение полученной власти способны сильно нарушить это равновесие, парализуя нравственное чувство».

Проявлением этого паралича были бессмысленные и жестокие репрессии против католической Церкви. «Минуло много непростых столетий истории, — писал Ясеница — прежде чем в некоторых — немногих! — странах мира пришло понимание, что можно с пользой реформировать политику, экономику, общество, заниматься даже наукой, совсем не высказываясь на тему существования Бога, Его природы и атрибутов. В других странах, однако, до наших дней сохранился тезис, согласно которому недостаточно просто верить или не верить, а нужно еще поступать по установленным правилам».

Правилами якобинцев были конфискация имущества, изгнание и аресты католических священников, разрушение церквей, осквернение алтарей, попрание человеческих чувств. В неоконченном «Дневнике» писатель добавляет к этому размышления об антирелигиозном терроре большевиков.

Ясеница не осуждает французскую революцию целиком — признает, что ее результаты были «плодотворными, способными к эволюции, усваиваемыми во всех разновидностях». Жалко только, что их фундамент «понапрасну так сильно пропитан кровью». По мнению писателя, историческая правота — на стороне тех вождей революции, которые хотели в 1791 г. задержать ее динамику, в конституционной монархии стабилизировать то, что было в ней важнее всего, «как достижения, наиболее приспособленные к дальнейшей эволюции».

Бесспорно, писатель был сторонником «незавершенных революций» — ничто не указывает на то, что он был энтузиастом реванша революционеров, новых доносов, люстрации и гильотины. Напротив, описывая ежегодные чествования в Вандее, он с одобрением приводил мнение тамошних мэров: «Это хорошее дело. Мы не хотим осуждать — мы желаем признать заслуженный героизм обоих лагерей».

Это мнение, достойное быть высеченным золотыми буквами, высказал на склоне лет писатель — оплеванный, лишенный права голоса, затравленный гнусной пропагандой и гэбэшными досье. И мнение этого писателя заслуживает особого внимания.

VII.

Павел Ясеница был защитником здравого рассудка, рационального мышления, понимания относительности вещей, терпимости, свободы, традиций и компромисса.

Он был наследником традиции Великого Княжества Литовского, родины многих народов, вер и культур, где католики гармонично сосуществовали с протестантами в эпоху горящих храмов в Западной Европе. Как личность он формировался в Вильне, городе многих народов и языков, где «никому еще в голову не приходило сталкивать евреев на отдельные лавки в аудиториях на семинарах нашего факультета. Литовцы вели ожесточенные, но свободные споры с поляками. Еще сохранялись остатки стиля XIX века, слово "либерал» еще не считалось оскорбительным». Он горько переживал поражение этой традиции, победу духа национализма у всех народов Великого Княжества.

Ясеница вспоминает литовский национализм, «еще более агрессивный и прилипчивый, чем польский, но при этом какой-то детский, который среди взрослых невозможен». Однако в то же время он подчеркивает: «У меня есть неоспоримое право перечислять грехи прежде всего польского национализма, потому, собственно, что поля-

ки были в той части континента наследниками самой древней культуры, пионерами Европы. Если другие национальности поддались помешательству, то Польша совершила измену, отреклась от собственного наследия».

И еще Ясеница приводил принцип Мариана Здеховского, согласно которому «националистические притязания тем больше, чем меньше заслуги перед культурой». Этот принцип, добавлял он, нужно не только провозглашать, но и поворачивать наоборот. Поэтому Ясеница был химически очищен от национализма и понимал ужас его «панконтинентальной инфекции».

Поэтому он формулировал свою мысль ясно: «Любые попытки отобрать у литовцев Вильнюс, а у украинцев Львов стали бы, по-моему, польским национальным самоубийством». Трудно придумать более четкий завет.

Осажденный когортами журналистских головорезов, которые по свистку, получив материалы из гэбэшных архивов, возводили клевету на писателя, практикуя какой-то своеобразный национализм советских лакеев, Ясеница замечал: «Бравые, послушные каждому кивку журналисты особым образом служат истории собственной страны. Но не поможет морда, испускающая патриотические восклицания! Наоборот — еще как повредит».

VIII

В начале 30-х годов театр на виленской Погулянке поставил пьесу Фердинанда Брюкнера «Преступники», критиковавшую и высмеивавшую правосудие. Разразился скандал — воевода запретил представление. В виленском «Слове» появился тогда протест против запрета, который подписали вместе с Ясеницей, в частности, Теодор Буйницкий, Чеслав Милош и Стефан Едрыховский. «Моя публичная деятельность, — писал Ясеница, — началась с протеста против административного снятия со сцены "Преступников» Брюкнера. Будет оригинально, если финалом окажется выраженный два года назад протест против такой же судьбы "Дзядов» Мицкевича».

Вскоре после того, как он написал эти слова, писатель умер от рака. Анджей Киёвский написал о нем: «Трудно сказать: убитый. Надо, пожалуй, сказать: замученный».

IX

Я принадлежу к поколению 1968 года, у которого перед Павлом Ясеницей особый долг — он, собственно говоря, заплатил своей жизнью за то, что заступился за нас, молодежь «критичную, разгульную, самовольную». Поэтому я испытываю какое-то чувство непрерывности и связи. Я бы хотел, чтобы когда-нибудь кто-нибудь смог написать, что были в моем поколении люди, которые сохранили верность заветам Ясеницы, которые в трудные минуты сумели выбрать порядочность, а не карьеризм, которые не участвовали в гонениях на противников и не искали правды в гэбэшных досье. И которые никогда не забыли о красивой жизни Павла Ясеницы, о его мудрых и смелых книгах, о перенесенных им страшных притеснениях.

Мне не хватает смелости написать о самом страшном из этих притеснений — о подлой, хитрой и низкой слежке за писателем в его собственном доме. Право писать об этом, думаю, есть только у самых близких и тех, кто уполномочен самыми близкими. «Остальное пусть останется молчанием», — сказал над гробом Павла Ясеницы Ежи Анджеевский.

X.

Я знал автора «Польши Пястов» довольно плохо, но запомнил его добрую улыбку, безмятежность, иронические шутки. Поэтому закончим в его духе — шуткой.

«Заведение тети Рузи в Райском переулке было в городе широко, хотя и не скандально известно, — писал Ясеница в своем «Дневнике». — Оказавшись на скамье подсудимых и услышав обвинение в том, что она извлекала корысть из разврата, владелица пансионата — назовем его так — якобы попыталась прервать прокурора словами: «Господин судья! Какой разврат? Что за разврат? А господин воевода — это власть или разврат? А господин староста — это власть или разврат?» Клиентами Тети Рузи бывали и защищенные высокими постами стражи добродетели. Газетой, которой они доверяли, был эндецкий [национал-демократический] «Дзенник виленский», размещавшийся во флигеле в стиле рококо на Мостовой улице. В другом флигеле, тоже принадлежавшем редактору, была квартира конкурентки тети Рузи. Говорят, случалось, что клиенты по ошибке стучали в дверь редакции.

- Слава Отцу и Сыну... Здесь публичный дом?
- Во веки... Нет, напротив.
- Ну, с Богом оставайтесь.
- Идите с Богом».
- С Богом, дорогой пан Павел...

gazeta

Эва Бейнар-Чечотт

ТАКОЙ УЖ Я ЕСТЬ, И НА ЭТО НЕ СПОСОБЕН

19 марта 1968 года в варшавском Зале конгрессов Владислав Гомулка, используя материалы госбезопасности, рассказал о преступной деятельности Леона Леха Бейнара — Павла Ясеницы — в аковском отряде «Лупашки». «Он оказался на свободе по известным ему причинам», — сообщил товарищ Веслав. Спустя 34 года дочь писателя Эва Бейнар-Чечотт прочитала документы о своем отце, собранные органами госбезопасности ПНР.

Митинг молодежи Варшавского университета в марте 1968 года был созван после чрезвычайного собрания варшавского отделения Союза польских писателей 29 февраля 1968 года. Писатели приняли предложенную Анджеем Киёвским резолюцию с осуждением запрета «Дзядов» Мицкевича, снятых со сцены из-за «антисоветских демонстраций» во время спектакля. Предложение принимать резолюцию тайным голосованием, за которое последовал выговор, внес мой отец Павел Ясеница. Он неоднократно обращал внимание на то, что введение запрета, провоцирующего мировой резонанс, — большее зло, чем случайные демонстрации во время спектакля: «Как могло дойти до такого рода решения? Это логичный результат правления не только бесконтрольного, безответственного, но и нисколько не считающегося с общественным мнением». Отец выступил против репрессий в отношении митинговавших студентов Варшавского университета. Он сказал, что думает о нарастающем антисемитизме: «Сегодня высказать любую антисемитскую мысль (...) либо мысль, в которой можно заподозрить антисемитизм, — все равно что повесить себе на шею мельничный жернов. Ибо достаточно оглядеться вокруг, чтобы понять, что идет большой процесс снятия вины за преступления с гитлеровской Германии и навешивания ее на нас. Об этом пишет мировая пресса, которая до нас не доходит. Все происходящее сейчас этому процессу только помогает, добавляет аргументов».

Мне не нужно копаться в библиотеках и архивах, чтобы освежить у себя в памяти «голоса возмущенного народа» и декларации, написанные жаждущими наград перьями. Благодаря Институту национальной памяти у меня перед глазами избранные жемчужины журналистской лояльности, а также стенограммы собрания СПП. Тогда писали о многочисленных протестах трудящихся города и деревни, а также прогрессивной молодежи. Осуждали сионистов, добивались исключения из СПП подстрекателей. Раскрывали «правду» в выборочно представленных оперативных материалах ГБ.

Мы ожидали ареста, процесса... Ничего такого не последовало. Безымянные собеседники в не слишком изысканных выражениях давали о себе знать по телефону, друзья старались всячески поддержать. Было много проявлений настоящей дружбы и конкретных предложений помочь. Не было только одной возможности — ответить на обвинения и представить факты. Отец разослал разным редакциям и значительным, по его мнению, людям заявление, которое получила также я и мой муж.

«Я не подписывал никакого обязательства»

Эве, моей дочери, и ее мужу

Варшава, 20 III 1968

С целью ознакомить близких мне людей сообщаю нижеследующее и готов подтвердить под присягой правдивость изложенных фактов:

- 1. Зигмунт Шендзеляж «Лупашко», командир V Вильнюсской бригады АК, бывший кадровый офицер 4-го полка улан, у которого я служил до августа 1945 г., был арестован ГБ в конце июня 1948 года. Это случилось гдето в предгорьях Татр (около Обидовой?). Сотрудники УБ на эту операцию шли «наверняка», знали, где живет Лупашко, поскольку произошел полный провал виленской подпольной организации, к которой я не имел никакого отношения. У меня не было ничего общего с деятельностью Лупашки, которую он возобновил в 1946 году.
- 2. 30 июня или, может быть, 1 июля 1948 г. в Кракове был арестован починенный Лупашки Люциан Минкевич, «Виктор». Его удалось выследить уже во Вроцлаве, где он жил вместе с женой и ребенком. Он сумел бежать в Краков, и тут его задержали в квартире сестры, человека, далекого от всякого подполья.
- 3. 2 июля 1948 г., около 21.00, я пошел в квартиру вышеупомянутой сестры Минкевича (моей сокурсницы по университету) и попал в засаду, устроенную ГБ. Свидстелями в некоторой степени могут быть: депутат Станислав Стомма и профессор Люблинского католического университета Чеслав Згожельский, с которыми я в тот вечер был в «Михаликовой яме» [краковское кабаре] и попрощался, ничего не подозревая. Мы расстались около 20.00.

- 4. Из самой хронологии событий явно вытекает, что мой арест не имел и не мог иметь никакого влияния на арест Лупашки и Виктора. Меня, ни о чем не подозревавшего, задержали позже, после их ареста. Не пошел бы я в квартиру сестры Виктора, если бы знал, что там случилось за день или два до этого.
- 5. 27 августа 1948 года в первой половине дня меня освободил директор политического департамента министерства общественной безопасности. Я этого совсем не ожидал. Мне сказали: «Выйдете на свободу посмотрим, пойдет ли это на пользу родине». Я не подписал вообще никакого обязательства. Не подписал даже обязательства молчать. Мне сказали: «Вы умный человек и сами понимаете, что нельзя выдавать тайны следствия».
- 6. Моего освобождения изо всех сил добивался Болеслав Пясецкий*, который поручился перед властями, что я не принадлежу ни к какой подпольной организации. Я об этом узнал тотчас после освобождения от моей покойной жены, с которой Пясецкий раньше разговаривал и в общих чертах сообщил, что предпринимает попытки. Об этом я немедленно сообщил кардиналам Хлёнду и Сапеге, причем последний сказал: «Очень приятно слышать».
- 7. Таким образом, с 1948 года власти знали мое прошлое вдоль и поперек. Я не отрицал факта службы у Лупашки. Я твердо настаивал на святой истине, а именно: что эта деятельность не имела ничего общего с моей работой в «Тыгоднике повшехном», начавшейся в 1946 году.
- 8. Обо всем этом знали как гражданские, так и военные власти. В декабре 1949 г. я был вызван на комиссию по аттестации офицеров и открыто подтвердил все мое прошлое. Мое офицерское звание не было признано, что я считаю вполне понятным.
- 9. 22 июля 1956 г. я был награжден кавалерским крестом ордена Возрождения Польши (...). Министерство национальной обороны безо всяких усилий с моей стороны утвердило мой крест Доблестных, которым меня наградил Виленский округ Армии Крайовой в 1944 году (...).
- 10. Литературный псевдоним я был вынужден взять, потому что в 1946 г., начиная заниматься публицистикой, знал, что моя жена остается в Вильнюсе, зарегистрированная как вдова. Мои близкие и знакомые в Вильнюсе были уверены, что меня нет в живых, что я погиб там же, где полковник Котвич (погиб в схватке с красноармейцами 19 августа 1944 г. в Гродненско-Берштанской пуще. Ред.). Я боялся, что в результате моего внезапного «воскресения» в Польше жена может отправиться из Вильнюса по следам моих родителей и сестры, вывезенных в начале 1940 г. в Казахстан. Потому в польской литературе появился «Павел Ясеница». Лех Бейнар фигурирует во всех моих личных документах, в обеих польских послевоенных энциклопедиях, в «Словаре польских писателей», ну и во всех списках Союза писателей и ПЕН-клуба.

ЛЕХ БЕЙНАР (ПАВЕЛ ЯСЕНИЦА)

Никто этого не опубликовал. Цензурному запрету подверглось само имя Ясеницы, и запрет действовал еще долго. «Нет связей фигуранта с бандой»

Ходатайство об ознакомлении с досье на отца я подала, как только это стало возможным. Первые материалы, полученные больше года назад, содержали подробности ареста и следствия.

«Прокурор Военной окружной прокуратуры в Кракове, 8 VII 1948 года:

Принимая во внимание, что вышеназванный после освобождения восточных территорий был членом нелегальной организации НВС [«Национальные вооруженные силы»], действовавшей в ущерб возрожденному польскому государству, что принимал активное участие, с оружием в руках нападая на посты министерства обороны и части польской армии, что после разоружения АК на территории Виленщины был направлен в формировавшуюся польскую армию, откуда вскоре дезертировал и пошел в диверсионный отряд НАС под командованием Лупашки, где выполнял функции адьютанта Лупашки до августа 1945 г. и не явился с повинной во время амнистии. Что вышеназванный с 1946 г. до самого ареста, т. е. 3 VII с.г., контактировал с членом НВС по кличке Виктор и был в марте с.г. у Лупашки.

Следовательно, в деянии, инкриминируемом подозреваемому, носящем признаки преступления по ст.86 ВУК (Военный уголовный кодекс. — Ped.) п.2, и что возникает опасность, что подозреваемый будет скрываться либо склонять свидетелей к даче ложных показаний

— постановил применить меру пресечения в виде ареста до 8 VIII 1948, если не будет продлено содержание под стражей (...)». [В переводе сохранены неувязки синтаксиса в польском оригинале.]

План слежки за Лехом Бейнаром от 23 мая 1959 года содержит, в частности, информацию о том, что в мае 1949 г. следствие было прекращено, так как не было обнаружено организационных связей после выхода «фигуранта» из банды (хотя он и не явился с повинной). А вот протокол, составленный в офицерском отделе Краковской городской призывной комиссии 1 декабря 1949 г.: «Леон Лех Бейнар сам явился на регистрацию, так как наступил

^{*} Болеслав Пясецкий — до войны глава полуфашистской «Фаланги», во время войны командовал «Национальными вооруженными силами» (НВС), в конце войны арестован и освобожден после беседы с наркомом госбезопасности Серовым. Возглавил прорежимное объединение мирян-католиков «Пакс». — Ред.

срок, опубликованный на уличных афишах 1 декабря. Он докладывает о ходе своей военной службы и показывает: "7 июля 1948 г. я был задержан органами госбезопасности и сознался во всех своих поступках. 27 августа 1948 года был освобожден из [тюрьмы] министерства госбезопасности в Варшаве. Что касается регистрации в армии, то мне сказали ждать повестки призывной комиссии и во время регистрации сказать, что я был раскрыт министерством госбезопасности. Повестки я не получил»».

В досье содержались также протоколы допросов: неоднократно написанная автобиография, ответы на вопросы о подпольной деятельности и вооружении, доносы сокамерников, доносы «с мест» (тут я, между прочим, узнала что с июня 1946 года отец был совладельцем «Тыгодника повшехного»!). Сохранилось письмо министру госбезопасности с просьбой вмешаться и освободить Ясеницу, подписанное Ежи Туровичем, Зофьей Старовейской-Морстин, Антонием Голубевым и Станиславом Стоммой. Авторы описывают его как человека, выступающего против всякой подпольной деятельности после окончания войны, в публицистических выступлениях исповедующего принцип «твердо стоять на основах реально существующей действительности, несмотря на то, нравится это той или иной части общества или нет».

26 августа 1948 г. в мокотовской тюрьме отец написал 25-страничное заявление. В нем он представил побуждения, которыми руководствовался, приступая к подпольной деятельности, взгляды «лесного человека» на политическое положение, попытку оценить политику «верхушки АК», принципы, которыми руководствовался Лупашко, а также описал встречи с ним после войны, особо отмечая, что не сообщил о них властям, ибо «такой уж я есть, и на это не способен». Он написал о нецелесообразности подпольной деятельности, подчеркивая, что говорил об этом в ранее опубликованных статьях: «Я пришел к выводу, что обязанность каждого истинного патриота (...) противопоставить себя этому мистицизму подполья и мытарств, культу "мученичества», который в Польше, безусловно, существует и который используют разнообразные агентуры». Написал он и о возможности найти modus vivendi между тогдашним строем и католичеством: это «допустимо при условии свободы веры, культа и проповеди католической идеологии, свободы объединений, а также взаимного разграничения полномочий». В его заявлении говорится и о «праве на автономию по отношению к политике Ватикана». Принимая во внимание смену границ, он вскользь коснулся также вопроса сосуществования с Советским Союзом, одновременно подчеркивая необходимость сотрудничества с Чехословакией, которая может функционировать в славянском блоке как альтернатива «прицепа к Германии».

«Контакты носили дружеский характер»

Постановление о прекращении следствия

Варшава, 3 мая 1949 года.

XXX** старший офицер следствия МГБ, рассмотрев материалы следствия по делу БЕЙНЕРА [так!] Леха Леона (...) установил, что: 2 июля 1948 г. в Кракове был задержан органами госбезопасности БЕЙНЕР Леон Лех, подозреваемый в антигосударственной деятельности.

В ходе следствия установлено, что БЕЙНЕР Леон Лех в период с первой половины 1940 г. до августа 1945 г. на территории Вильнюсской области входил в организацию АК (...) в которой исполнял обязанности редактора журнала этой организации «Побудка», а затем офицера-просветителя в отделе информации и пропаганды вышеназванной организации. После роспуска виляновской [так!] организации АК в конце августа 1944 г. БЕЙНЕР в Рудницкой пуще вступил в отряд инспектора Ошмянской группы войск под командованием XXX, с которым вместе пытался пробраться в Варшаву. Во время этого марша БЕЙНЕР был задержан в окрестностях Гродно советскими органами и отправлен в формирующиеся подразделения польской армии в Дойлидах под Белостоком. Через несколько дней БЕЙНЕР дезертировал из польской армии и в населенном пункте Крынки близ Белостоком. Через несколько дней БЕЙНЕР дезертировал из польской армии и в населенном пункте Крынки близ Белостока присоединился к отряду Вильнюсской бригады под командованием XXX по прозвищу XXX, в котором оставался до августа 1945 г. адъютантом. В первой половине августа 1945 г. БЕЙНЕР покинул вышеназванный отряд и в июне 1946 г. стал членом редакции «Тыгодника повшехного», где работал до момента задержания, т.е. до 2.VII.1948 года, поддерживая при этом связь с XXX по прозвищу XXX. Поскольку возникало подозрение, что контакты БЕЙНЕРА Леона Леха с командиром банды XXX имеют организационный характер, против него было возбуждено следствие, в ходе которого было установлено на основании показаний XXX по прозвищу XXX, как и самого БЕЙНЕРА Леона Леха, что эти контакты носили дружеский характер. Принимая во внимание вышесказанное, МГБ постановил:

- 1. Следствие в отношении БЕЙНЕРА Леона Леха закрыть.
- 2. Данное постановление вместе с актами следствия передать в Верховную прокуратуру Войска Польского на утверждение.

«СОГЛАСЕН» ХХХ

ст. офицер следствия МГБ

XXX

^{**} XXX — так обозначаются закрашенные фамилии, которые по существующим правилам ИНП не может раскрывать. — Ped.

В 1961 году была составлена от руки записка об обстоятельствах освобождения моего отца:

«После ареста вышеназванным заинтересовался Болеслав Пясецкий, который, используя свои связи с МГБ, после предварительных бесед с П.Ясеницей в тюрьме добился его освобождения и закрытия дела. В результате Ясеница был освобожден 16 мая 1949 г. и с этого момента вплоть до 1956 года сотрудничал с "Паксом» как публицист, работая в "Тыгоднике повшехном», которому в то время "Пакс» покровительствовал***. Надо отметить, что Пясецкий, оценивая тогда позицию Ясеницы в католическом сообществе, а также его связи с иерархией, считал, что "Паксу» удастся привлечь вышеназванного к постоянному сотрудничеству. Однако Ясеница, как и ХХХ и некоторые другие редакторы "ТП», кроме неорганизованного сотрудничества в публицистической деятельности и единичных контактов с руководящими деятелями "Пакса», не выразил согласия официально вступить в "Пакс». В 1956 г., еще до октября, Ясеница прекратил публицистическое сотрудничество и контакты с "Паксом». Ясеница был идеологическим противником "Пакса», а к своему тогдашнему сотрудничеству относился как к неизбежному злу. После октября он не поддерживал организованной связи ни с одной из действовавших католических групп, хотя всегда испытывал симпатию к кругам "ТП». Об этом свидетельствуют нынешние встречи и беседы со Стоммой и Туровичем, лекции, читаемые в Клубах католической интеллигенции в Варшаве и Кракове и т.п.».

Записка была перепроверена через три года:

«Вышеуказанные данные были взяты (без всяких документов) из устных воспоминаний некоторых старых сотрудников [ГБ]. Тов. ХХХ указал, что в дело освобождения Ясеницы была вовлечена [Юлия] Брыстигер [о ней см. дальше]. Вопросы освобождения некоторых людей Пясецкий лично согласовывал с Брыстигер, а та принимала устные решения. Поэтому отсутствует информация, содержащаяся в каких-либо документах. Тов. ХХХ заверил меня в том, что информация о Ясенице подлинная».

У меня нет точных данных, что вызывало интерес к Ясенице в 1964 году. Но причины возникновения нижеследующего документа очевидны. Тов. Веслав хотел знать все:

«ЗАПИСКА, касающаяся ПАВЛА ЯСЕНИЦЫ — писателя (зачеркнуто, дописано: касающаяся бандитской деятельности Леха Леона Бейнара). Из документов не следует, что после того, как он подал свое заявление от 26 VII 1948 г., его допрашивали. Из пометок на протоколах МГБ следует, что его представили РОМКОВСКО-МУ, РОЖАНСКОМУ и V департаменту МГБ, которым руководила в то время БРЫСТИГЕР. Анализ содержания показаний ЯСЕНИЦЫ и других членов банды Лупашки о деятельности ЯСЕНИЦЫ показывает, что в ходе следствия не стремились использовать доказательства для уточнения участия ЯСЕНИЦЫ в отдельных операциях банды ЛУПАШКИ. Из контрольных документов (...) следует, что по делу ЯСЕНИЦЫ принимала решение Ю.БРЫСТИГЕР. Упомянутые материалы, касающиеся ЯСЕНИЦЫ, она представила 10 IX 1948 г.БЕРМАНУ (тогдашнему министру госбезопасности. — Ред.). (...) 3 V 1949 следственное дело в отношении ЯСЕНИЦЫ было закрыто. Это решение одобрил тогдашний директор следственного департамента МГБ РОЖАНСКИЙ, а утверждал военный прокурор Зенон Рыхлик, ныне прокурор Генеральной прокуратуры (...)».

Мне понадобилось дело отца, чтобы я могла опровергнуть инсинуации, выдвигавшиеся Гомулкой. Меня поразил масштаб доносительства. С каждого заседания, публичной лекции, встречи в кафе — по крайней мере два агентурных донесения, составленных сексотами и заканчивающихся задачами, которые ставил получатель информации, или сведениями, присланными сверху. Они знали о каждом намерении поездки под Варшаву или за границу, «запечатывали» сведения, вербовали случайных «доброжелателей». Многие доносы писались так, чтобы ничего не сказать, но оформить это многословно, однако встречаются и люди, проявляющие чрезмерное усердие, которые говорят то, о чем их и не спрашивают, — все, что они знают и о чем догадываются.

Самые последние документы относятся к1972 году. Следовательно, доносили на отца — собственно, рецензируемого автора — еще спустя два года после его смерти.

^{***} Мягко сказано: в 1953 г. «Тыгодник повшехный» был отобран у его редакции и передан «Паксу». Возвращен только в 1956 году. — *Ped*.

Лех Леон Бейнар, род. в 1909 г. в Симбирске, сын Николая и Елены Малишевских, поляков, поселившихся в Российской империи; семья вернулась в Польшу только в 1920 году. Лех Бейнар сдал экзамен на аттестат зрелости в Гродно, потом окончил исторический факультет Университета им. Стефана Батория в Вильне. Работал учителем в Гродно, позднее диктором на виленской радиостанции. Женился на Владиславе Адамович.

Во время войны состоял в Союзе вооруженной борьбы (организации — предшественнице Армии Крайовой), потом в АК, в 1944 г. редактировал подпольный журнал «Побудка». Избежал вместе с женой и дочерью вывоза на восток, что не миновало его родителей и сестру. В июле 1944 г. участвовал в боях за Вильнюс; должен был стать офицером-связистом при штабе Красной Армии. Когда НКВД арестовал командование Виленского округа АК и начал разоружать ее отряды, Бейнар бежал в лес, а после начала Варшавского восстания сумел добраться в Варшаву. Задержанный под Гродно, был направлен в часть польской армии в Дойлидах, откуда бежал, пока ему не выдали оружия. В Беловежской пуще присоединился к остаткам V Виленской бригады АК, которыми командовал майор Зигмунт Шендзеляж («Лупашко», или, по другим источникам, «Лупашка»). Его служба у Лупашки закончилась летом 1945 г., когда его ранили. Отряд был расформирован в августе-сентябре, а Бейнар под псевдонимом «Павел Ясеница» (по названию населенного пункта, в котором он лечил раны) пробрался в Краков. В 1946 г. стал членом редакции «Тыгодника повшехного» и быстро получил известность как публицист и очеркист. Арестован через два года, вышел на свободу после вмешательства Болеслава Пясецкого, переехал в Варшаву и там продолжал писательскую деятельность, особенно сосредоточившись на исторических очерках; его самой известной работой стал популярный синтез истории Польши («Польша Пястов», 1960; «Польша Ягеллонов», 1963; «Речь Посполитая Обоих народов», ч.1-3, 1967-1972). После октября 1956 г. работал в органах Союза польских писателей, участвовал в «Клубе Кривого Колеса», в 1964 г. подписал «письмо 34-х» о защите свободы культуры. В 1968 г. после выступления на собрании Варшавского отделения СПП стал объектом пропагандистской травли; на него лично нападал первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка, ему было запрещено публиковаться. Умер в 1970 г. в Варшаве; посмертно изданы, в частности, «Размышления о гражданской войне» и «Дневник». После рассекречивания документов ГБ выяснилось, что вторая жена писателя была сексотом и систематически составляла донесения о его деятельности.

gazeta

Чеслав Милош

Перевод Анатолия Ройтмана

ОБ ЭРОЗИИ

Нижеследующий текст был опубликован несколько лет тому назад в Америке. Он касается он вопросов принципиального значения, особенно сегодня, после папской энциклики «Fides et ratio» («Верой и разумом» — Ped.), поэтому я печатаю его в моем переводе на польский.

Большую часть жизни главным моим занятием было ставить значки на бумаге — значит, я участвовал в той сфере человеческой деятельности, которая носит название литературы и искусства. Тем самым, наблюдая XX век, я был склонен уделять особое внимание тому, что находило свое выражение в поэзии, музыке, театре и живописи разных стран. Это означало, что моя точка зрения была иной, нежели у богослова, философа или ученого, и что на мои мнения влияли постоянные перемены как в материале произведений искусства, так и в их форме.

Я спрашиваю себя, как определить мое столетие, что я считаю самой характерной его чертой. Войны ли это, массовые убийства, фантастический технический прогресс или невероятный прирост населения? Все эти факты знаменуют для меня что-то, происходящее на более глубоком уровне, то есть в человеческих умах. В конце концов так называемые великие исторические события начинаются у людей в голове, то же самое относится и ко всё новым переворотам в технологии. Я бы сказал, что важнее всего образ человека, создаваемый им самим в данный период, ибо этот образ побуждает его к некоторым действиям и удерживает от других. Пытаясь ответить на вопрос, как этот образ меняется, мы неизбежно обращаемся к плодам человеческого воображения, то есть к литературе и искусству.

Выбирая в путеводители литературу и искусство, я назвал бы XX век веком эрозии христианства. Учитывая, что так называемая западная цивилизация возникла в лоне христианства и почти отождествилась с ним, — это факт огромного значения, который должен волновать не только людей, называющих себя христианами, но и их противников, готовых легкомысленно прозевать различные его последствия. Явления такого рода, как религия, не могут измеряться десятками лет. Их приливы и отливы подчиняются намного более длительным циклам. Независимо от того, считаем мы это плохим или хорошим, отсутствие своего рода религиозного воображения приводит к тому, что и духовенство, и верующие сталкиваются с трудностями в сохранении своей веры. Происходит это потому, что каждый принимает участие в переменах планетарного масштаба. Содержимое воображения изменяется вопреки нашей воле.

Человеческое воображение пространственно, и потому образ человека, появляющийся в человеческом уме, зависит от места, какое человек сам себе предназначил. До Коперника Земля была центром вселенной, а человек занимал центральное место на Земле. Научное мировоззрение, формировавшееся в течение нескольких последних столетий, умаляло человека и уравнивало с другими живыми организмами. Сама жизнь превращалась в род плесени, ничего не значащей в непостижимом множестве галактик. Это мировоззрение достигло зрелости в XIX веке, и можно спросить, почему так поздно; лишь в нашем столетии нас затронул кризис, суть которого в том, что нам трудно согласовать религиозные представления с понятиями науки. Ответом может быть прочность традиционных верований там, где они находят опору в социальных структурах, и потому в прошлом [XIX-м] столетии лишь немногие сознавали этот надлом. Произведения Достоевского и Фридриха Ницше оказались пророческими, и нашему веку выпало подтвердить их диагноз. Малларме в поэзии указал направление развития самодостаточного искусства, искусства без трансцендентности. В XIX веке литература и искусство отделились от христианства, хотя это размежевание довольно редко бывало откровенным.

Полагаю, что человеческая природа существует, даже если на это понятие сегодня косятся. Человеческая природа означает, что существует комплекс нужд и чаяний, присущих человеку. Место, предназначенное человеку в Библии, как будто отвечало его основным нуждам. Созданный по образу и подобию Бога, человек, бесспорно, был избран среди живых существ и наделен властью над ними.

Однако полностью быть собой он мог только в союзе и гармонии с Богом. С того момента, как вследствие своего греха он отделился от Бога и был изгнан из рая, человек стал существом, постоянно страдающим от неполноты бытия. Христос исполнил антропоцентрический библейский образ, умирая на кресте как человек и обещая возврат к истинной человечности до падения.

Литература и искусство XX века противоречат самим основам христианства. Их содержание — постоянная жалоба на бытие, которое все есть боль и неполнота, но, вместо того чтобы предназначить человеку исключительное, центральное место, они включают его в цепь эволюции, видят в нем движение атомных частиц и химических процессов, подчиняют его детерминизму генов, так что исключительность его среди существ полностью исчезает.

Неожиданный результат этого уравнивания человека с прочей тварью — чувствительность людей к страданиям животных, которых Декарт считал живыми машинами, в то время как лишь человек в его время считался одаренным бессмертной душой. В новом образе мира нет первородного греха, повинного в порче как всей природы, так и человека. Нет также Обетования. Само понятие греха исчезает вместе с понятием посмертного наказания или награды. Судя по тому, что говорит нам современная литература и искусство, это научное мировоззрение вступает в конфликт с нуждами человеческой природы — или же, по определению биофизика Жака Моно, со склонностью людей мыслить в категориях ценности, склонностью, по его мнению, закодированной в генах нашего вида.

Пессимистический взгляд на состояние человека присущ XX веку. Всякое бытие лишено смысла и подчинено разрушительной власти времени, несущего его к небытию. Сознание личности не способно подняться над этим фактическим положением. Однако в то же время сознание становится единственным богатством человека, и как поэзия, так и живопись перемещают центр внимания с внешнего мира на то, как воспринимает его сознание. Искусство перестает быть тем, чем было в течение веков, то есть мимезисом, ибо, чтобы подражать, мы должны хотя бы верить, что видимая действительность обладает объективным и реальным бытием независимо от нашего восприятия. Ничто, однако, не свидетельствует о таком объективном бытии вещей, если мы отвергаем метафизику, основанную на Боге. Искусство перестает быть умелым подражательством и становится, как сказал Уоллес Стивенс, «актом разума». Воздушный шар наших субъективных представлений о действительности отпущен на волю, ибо перерезана веревка, соединяющая его с действительностью. Это явление повторяется в разные периоды и всякий раз обнаруживает схожие черты, даже подчиняясь особой динамике данного исторического момента. По крайней мере одним из последствий невозможности обратиться к иерархически упорядоченной истине о действительности становится беззащитность человека перед привидениями, рожденными его умом.

История рода человеческого — это непрерывная цепь жестокостей и преступлений, но, пожалуй, никогда раньше не знала она таких жестокостей, как в ХХ веке, — и по количеству, и по качеству. Этому предшествовала долгая, назовем это так, подготовка в странах, где геноцид применялся в массовых масштабах, — в России и Германии. Новые идеологические лозунги, находившие поначалу не так уж много сторонников, в XX веке явно обратились против христианства. Литературным произведением огромного значения остаются «Бесы» Достоевского, настоящий ключ к событиям нашего века, так как в этом романе анализируется состояние умов антихристиан той эпохи. Главная идея атеистов: «Если Бога нет, все позволено». Идея, надо признать, вполне логичная. Их энергия, совершенно освобожденная от уз этики, была направлена на прометейскую цель — счастье человечества, которому предстояло наступить путем революции, оправдывающей применение любых средств. Группа революционеров, описанная Достоевским, — превосходный портрет партии, захватившей власть в России в 1917 году. Мы не должны отказывать в надлежащем уважении тем зачастую простым, необразованным, но традиционно настроенным людям, которые в русской революции видели дело рук Антихриста, ибо атеизм лежал в самой сердцевине революционной идеологии, а убийство и ложь были признаны дозволенными средствами, в результате чего были лишены жизни неисчислимые миллионы людей. Что касается Германии, то, не отводя Ницше роли идеолога, мы, тем не менее, не можем игнорировать его антихристианские сочинения, ибо в них обнаруживаются некоторые черты, позже названные тоталитарными.

Некоторые общие черты присущи русской революции и революции национал-социализма. Они состоят в отказе от иудео-христианского Бога этики и сострадания. В обоих случаях целью было совершенное государство, установление которого оправдывало любые преступления. Концлагерь был изо-

бретением, позаимствованным нацистами у русских. Общим было и убеждение, что враг, заслуживающий лишь уничтожения, включает целые категории населения, определяемые по классовым или расовым признакам. Разумеется, можно сказать, что появление государств-чудовищ имело причины, отличные от коррозии христианства, хотя эта коррозия могла подготовить почву. В России гонения на христиан во много раз превзошли по численности гонения в Древнем Риме. В нацистской Германии случаи смерти за веру, как, например, Дитриха Бонхёффера, были довольно редки, и страна, номинально христианская, участвовала в преступлениях при поддержке либо без сопротивления христианского духовенства. Для многих евреев Катастрофа сегодня выглядит кульминацией антисемитизма, отличавшего христиан на протяжении многих веков, и устраиваемых ими погромов.

Несомненно, утрата влияния религии составляет только часть общих перемен. Тем не менее идеология марша вперед — тоталитарные движения любят военные метафоры — берет свое начало в научной мысли XIX века, в ее идее борьбы между особями, выживания самых приспособленных, и борьбы между сообществами, будь то классы или народы. Дарвин и Маркс были современниками. Порой марксизм приобретал дарвинистскую окраску, в то время как национал-социализм, вскормленный на брошюрах научно-популярного дарвинизма, охотно пользовался социалистической риторикой. Как коммунизм, так и национал-социализм знаменуют те моменты, когда научное мировоззрение покидает лаборатории ученых и начинает воздействовать на массы, среди которых некогда господствовала религия.

Мне кажется, пора подвергнуть пересмотру суждения об известного рода словесности, которую называют старосветской, наивной и религиозной, так как ее авторы, пораженные разложением веры и нравов дорогих им предков, всякое зло объясняли максимой: «Если Бога нет, все позволено». Примеры в первую очередь поставляют французские писатели, такие как Поль Бурже, который в романе «Ученик» («Le disciple») доказывал, что утрата веры неизбежно ведет к преступлению. Грубо упрощая, он пытался поднять тему Достоевского. Книги такого рода заслуживают внимания не как произведения искусства, что невозможно, а лишь как попытки воспротивиться наступающему отливу религии.

Я утверждаю, что религия ничего не приобретет, уклоняясь от осознания кризиса, который не всегда очевиден. Некоторые вероисповедания так сильно укоренены в обычаях того или иного национального сообщества, что трудно отделить религиозный элемент от чувства национальной связи. В качестве примера могу привести католичество в Польше и Ирландии; пожалуй, то же самое в известной степени применимо к буддизму в Японии. Однако и вера, и неверие принадлежат отдельной человеческой душе, созревают в четырех стенах, хотя вере способствует участие в литургическом обряде. Быть может, поэтому литература такой католической страны, как Польша, не отличается особой привязанностью к Церкви. Как и в других странах, это литература агностическая или атеистическая, а если говорить о нравственных мотивировках — стоическая.

Каждый, кто относится к религии серьезно, должен стараться как можно сильнее заострить ее конфликт с образом мира, навязанным победоносной наукой и технологией, вместо того чтобы заделывать трещины и сохранять для внешнего и даже для внутреннего употребления утверждение, что они не представляют опасности. Быть может, правы те, кто считает, что существует аналогия между нынешним временем и началом нашей эры в Риме, когда люди предчувствовали, и не без причины, радикальный переворот.

Начиная с эпохи Просвещения, религия пытается применять защитную тактику, однако постепенно, с течением времени она вынуждена отказаться от языка науки, области ее соперницы. Сегодня никто, за исключением маньяков, не работает над математическим доказательством бытия Божия. Вместо этого основной тактикой стала демифологизация, то есть распродажа владений религии, в надежде, что тогда удастся сохранить господство на уменьшенной территории. К этому стоит добавить превращение, если можно так выразиться, религии вертикальной в горизонтальную. Это можно считать и тактикой отступления, однако прежде всего здесь действует воображение. Воображение перестает быть открытым к трансцендентному, так что священники и верующие обращаются к отношениям между людьми, проявляя редкое прежде усердие в защите угнетенных. Оставляя в стороне оценку этих несомненно ценных начинаний, следует отметить новизну такой перемены, так как христианство в целом не занималось поисками исключительно справедливого общества.

Воспитанный как римский католик, выбравший профессию писателя, я разделяю внутренние трудности многих моих коллег, живущих в разных странах и сознающих свою дихотомию. Сегодня искусство и литература принадлежат тому, что называется миром в противоположность сакральной сфере религии. Религиозная вера нашего детства должна склонять нас к занятиям сакральным искусством, но это почти невозможно, ибо сами требования художественной техники, так сказать, перетягивают нас на сторону мира. Похоже, чтобы получить признание в качестве современного художника, необходимо заплатить утратой веры или даже заключением договора с дьяволом, как описывает это Томас Манн в «Докторе Фаустусе». Лишь в исключительных случаях, после долгой борьбы, удается совместить собственную веру с искусством, и тогда мы получаем «Четыре квартета» Т.С.Элиота. Великолепное собрание современной живописи в Ватикане — доказательство терпимости Церкви и понимания ею трудностей, испытываемых художниками, так как в этом собрании сравнительно немного полотен на религиозные темы.

Когда я пишу, я принужден к конфронтации с самим собой и к неустанному поиску ускользающей гармонии, чтобы примирить свои противоречия. Sacrum и profanum соперничают друг с другом не только вокруг меня, но и во мне самом. Когда конфликт ощущается во всей его остроте, это приносит ту выгоду, что исчезает образ крепости, в которой скрываются верующие, осажденные язычниками. Как я уже сказал, воображение людей нашего столетия, формируемое наукой и технологией, — одно и то же, будь то люди, находящиеся вне вероисповеданий, или лишь номинальные члены Церкви, или верующие, исполняющие религиозные обряды. Те, кто ходит в церковь, кажется, способны прежде всего проявлять волю к вере, но в то же время можно сомневаться, отличается ли радикально их мысль от мыслей тех, кто никогда не переступает церковного порога. Иными словами, мир призывает как верующих, так и неверующих платить ему дань, хотя и те и другие, только не в равной степени, чувствуют его неполноту.

Книга, наилучшим образом представляющая состояние человека в конце этого столетия, — «Если Бога нет» Лешека Колаковского. Может быть, не случайно то, что написана она экс-марксистским философом из Польши, то есть из страны, где конфронтация мировоззрений имеет не только риторическое значение. Это диспут, который мог бы быть расписан на голоса и показан в качестве дидактического спектакля в университете. Его главные герои — с одной стороны, представитель эмпирического мышления, необходимого в науке, с другой — защитник религии. Первый последовательно опровергает доказательства бытия Божия, используемые богословами, начиная с онтологического доказательства Ансельма. В его критике сжато изложены усилившиеся после эпохи Просвещения нападки на тезис Церкви о том, что естественного света разума достаточно, чтобы убедить нас в существовании абсолюта как основы бытия. Выслушав его аргументы, каждый должен согласиться с тем, что притязания религии отмечены внутренним противоречием. Кажется, что победитель остается на ринге один, спокойно объявляя о своем триумфе, — однако дело обстоит иначе. Оказывается, в распоряжении защитника религии — отравленный кинжал и непробиваемый щит. Отравленный кинжал — это вопрос об основаниях какого бы то ни было суждения о мире, вопрос о самой правомочности эмпирического разума. Если, обратившись вспять — к первым предпосылкам, мы наталкиваемся там на возможность выбора, тогда само понятие истины повисает в воздухе. Брошенный во вселенную, где каждое утверждение о том, что истинно, а что ложно, что — зло, а что — добро, безосновательно, так как нет никакого объективного критерия, человек должен признать, что сам он эманация небытия и что небытие поглотит все ученые построения его разума. Гносеологический нигилизм, воспринятый трагически и героически, характеризует произведения, которые наш век признал своими, будь то Ницше, Кафка, Сартр или Камю.

Защитник религии заслоняется здесь щитом, утверждая, что рациональное познание — не единственный вид познания, что вся обширная сфера сакральности доступна иным мыслительным способностям. Если, переходя на сторону этого другого рода знания, мы подвергаемся упреку в безапелляционности, то религия по крайней мере гарантирует мир, одаренный смыслом. Так и заканчивается диспут — с небольшим преимуществом защитника религии. Главной целью Колаковского, как представляется, было подорвать уверенность в себе тех, кто выбирает позитивистскую мысль и светский гуманизм, — доказывая, что они становятся жертвой собственного метода, обрекающего их на скептическую позицию.

Я вспомнил о «Бесах» Достоевского, книге, которая, хоть и написана сто с лишним лет назад, попадает в самую сердцевину наших дилемм. В «Бесах» описаны три силы, действующие в России и в Европе. Первая — светская философия научного разума, преобразованная в несколько туманные либеральные политические идеи. Местом развития этих идей были Франция и Германия, но и в России их восприняло поколение интеллигенции, молодость которого пришлась на бурную «весну народов» 1848 года. Представитель этой интеллигенции — Верховенский-отец. Вторая сила возникла как следствие критики, которой молодежь подвергла своих старших учителей за их общие фразы, за то, что по отношению к общественным конфликтам они вели себя так, будто хотели и съесть пирожок, и сохранить пирожок: признавали авторитет науки, но старались сохранить кое-что из христианства, хотя и в разбавленном виде. В своей политической и общественной риторике они любили призывать к равенству и справедливости либо к платоновскому добру и красоте. Их ученики и в то же время враги, основавшие революционную партию под руководством молодого Верховенского, старались извлечь логические выводы из научной или псевдонаучной мысли старших и доказать, что флирту с религией и морализированию больше нет места. Научные предпосылки, по их мнению, логично приводят к нигилизму - благодаря этому человек впервые в истории обретает свободу действий, подобно Прометею, без оглядки на добро или зло.

Третья сила в «Бесах» — христианство русских крестьян. Стоит заметить, что интеллигенция относится к нему с презрением, хотя некоторые к нему возвращаются (Шатов), приправляя его националистической илеологией.

История нашего столетия дописала комментарий к «Бесам». Достоевский хотел скомпрометировать нигилистов-революционеров, строя свое повествование вокруг совершённого ими убийства, но миллионам убийств предстояло намного эффективнее скомпрометировать коммунистическую утопию молодого Верховенского. Что касается светского гуманизма Верховенского-старшего, то осмеянный, пусть и снисходительно, он по-прежнему процветает в западной части света, хотя боится заглядывать в свои предпосылки. Выручают его в этом литература и искусство, показывая, что предпосылки эти ведут в тупик.

Христианство в течение последних двухсот лет испытало много поражений. Вероятно, противники Достоевского были правы, утверждая, что обожаемый им русский крестьянин — «стихийный атеист». Однако даже если Достоевский ошибался, ища духовного спасения в крестьянских массах, то в образе мыслей интеллигенции он точно распознал знамения ближайшего будущего России.

Считая себя христианином, я делаю выбор, и я должен выбирать, если прижат к стене. Может, было бы иначе, если бы я не служил поэзии и искусству, области, в которой вера или отсутствие веры явно проявляют себя как сама techne. Полагаю, что нашим покровителем должен быть первый философ, который совершенно сознательно поднял перчатку, брошенную наукой, — Паскаль. Он не скрывал своих сомнений, но и не верил, что есть лекарство, способное от сомнений полностью излечить. Ведь это он сказал: «Отрицать, верить и во всем сомневаться — это для человека то же самое, что бег для лошади».

Тогдашним скептикам Паскаль предлагал пари, свое знаменитое пари, нам несколько чуждое, но, может, по-прежнему актуальное в новом варианте. Его пари звучало так: либо я выбираю веру и устраиваю свою жизнь в согласии с предписаниями религии, укрощая свои желания, и тогда даже если я заблуждаюсь, то ничего не теряю, так как, отказываясь от земных удовольствий, отказываюсь от того, что и ломаного гроша не стоит; либо я выбираю неверие и тогда теряю всё — как ничего не стоящую бренность, так и вечность.

Скептики времен Паскаля были вольнодумцами, то есть, сомневаясь в посмертном наказании или награде, гарантировали человеку свободу в погоне за земными удовольствиями. Наверное, эти удовольствия не стойки, но кроме них у человека нет ничего. Таким образом, за принципом пари просматриваются очертания неба или ада. Представленное в таком виде пари кажется не очень убедительным людям, которых мало заботит небо или ад. Пожалуй, это-то и происходит в нашем случае — в конце концов, на это указывает характер нынешних проповедей: проповедники оставили привычку страшить грешников адским пламенем, некогда повсеместную.

Однако мы тоже можем воспользоваться пари, вынося за скобки вопрос вины и Страшного суда и ограничиваясь земными проблемами. Тогда это можно представить так: либо я верю в абсолют как основу бытия, и это кого-то, воспитанного по-христиански, по необходимости приводит к вере в Богочеловека, и бытие мира и человека получает обоснование; либо я отвергаю какую бы то ни было

основу и веру и тем самым вынужден признать случайность и абсурд всего, так что мир распадается на моих глазах и я сам распадаюсь вместе с ним. Предположим, что моя вера — иллюзия, тогда я по крайней мере обретаю направление и право на поиски смысла, который, как я принимаю, существует, хотя и скрыт от меня завесой. Во всяком случае, упрек в самообмане теряет силу, ибо если бы я только делал вид, что верую, то само различие между ложью и истиной лишилось бы основания. Зато, выступая за неверие, я вынужден заранее отвергать какую бы то ни было цельность картины мира и должен прийти к выводу, что меня ожидает то же небытие, что и верующего.

В течение многих столетий искусство и литература зависели от религиозного воображения. Потом все больше научных данных стало проникать в воображение, замутняя его гармонию и в то же время обогащая его новыми элементами, как, например, у метафизических поэтов в Англии XVII века. В конце концов человеческое воображение стало светским, и тем самым литература и искусство оказались в лагере науки. Протесты против этого, особенно протесты поэтов, доказывают, что поэзия — это голос глубочайших человеческих потребностей, одна из которых — мифотворческие поиски смысла. И потому поэзия — естественный союзник религии и лишь неохотно соглашается толковать мир как чистую случайность.

Не исключено, что воображение людей XX вска в первую очередь формируют идеи, заложенные в эпоху наших прадедов, идеи, взятые у Дарвина, Маркса, Фрейда и по-прежнему из ньютоновской физики. Известно явление запаздывания в распространении новых понятий. Послеэйнштейновская физика и теория квантов несомненно возымсют последствия, но мы не знаем, какого рода.

Кажется, новые предложения науки способствуют одной особой разновидности воображения, разновидности, культивируемой мистиками, которые никогда не были склонны рассказывать нам о своих переживаниях, потому что язык не давал им для этого адекватных средств. В своих сочинениях они иногда размышляли над относительностью времени и пространства, так что открытия Эйнштейна как будто выходят навстречу их интуиции. Никогда не соглашались они и с механистическим пониманием материи, всегда представлявшейся им конденсацией Божественной энергии. Стоит подчеркнуть, что, в то время как «классическая физика» дает себя объяснить на уровне воображения, новая физика до такой степени идет наперекор привычкам нашего разума, что даже если мы пытаемся что-либо себе представить, то не способны перевести это на язык слов. Неожиданная глубина, удивительность, странность мира — все это подтверждает жалобы мистиков на недостаточность языка.

Должны ли мы видеть в этом предзнаменование новой эры, которая воплотит мечты о союзе между религией, наукой и искусством? До сих пор ничто не предвещает ослабления трезвого, эмпирически эффективного разума, создавшего науку и технику. Тем самым дихотомия, как в книге Колаковского, по-прежнему остается в силе. Таким образом, позиция атеиста не подорвана. Противоположная позиция приобретает, однако, уважение, о чем мы можем судить по некоторым внешним признакам, например, по меньшей агрессивности светского мировоззрения или по поискам религии вне вероисповеданий, даже если они находят свое выражение в восточном эзотеризме полуобразованных людей.

Как поэт я всем обязан годам медитации, которую могу назвать религиозной, даже мистической, и которая немногим отличается от молитвы. Разве что ее объектом были время и пространство, совершенно отличные от тех, какими их понимали в XIX веке. Не могу ничего здесь ясно представить, хотя плоды этой медитации содержатся в моих стихах, зачастую в трудной для описания форме. Стрелка моего компаса была направлена за пределы времени и пространства, и только таким образом я придавал действительности иерархический порядок. Предполагаю две возможности. Первая: благодаря своему католическому воспитанию я представлял линию сопротивления поэтике, разработанной последователями Малларме, то есть самовлюбленному искусству, именуемому «актом разума». Обратим внимание на то, что культ творения человеческих рук и разума как наивысшей и единственной ценности возможен только в мире, лишенном каких бы то ни было принципов и ценностей вследствие свержения Бога с престола. Вторая возможность: в ранней молодости мой религиозный темперамент натолкнулся на проблемы новой физики в мистических произведениях моего родственника Оскара Милоша, и я стал по-новому размышлять о конфликте между наукой и религией. Иными словами, вместо того чтобы защищать позицию дорогих предков, я стал бывать на территории, которая, как я полагаю, многое обещает поэтам завтрашнего дня.

Из сборника "О путешествиях во времени», Znak, Kraków 2004

Эмиль Лайне

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Не люблю кровяную колбасу

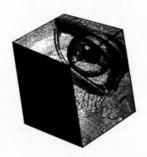
Я не помню имён всех членов моей семьи хотя в Библии есть их реестр Предпочитаю любить встречных незнакомцев это могут оказаться родственники да и родня Каина уже совсем не опасна после стольких перемещений по такой истории Мы едим кровяную колбасу истории Кто дал для неё крупу а кто кровь Давали все Поэтому я не люблю историю.

В апреле 1976 года

Моим знакомым грезится Великая Гармония с толпой людей наделённых скромным Когито и тревожным самосознанием, благодаря которому наши розовые прозекторские, наши ухоженные газоны и парки обретут более зелёный, то есть натуральный, оттенок. Я готов был бы помечтать вместе с ними, но думаю о другом — как раздобыть сорок тысяч злотых на то, чтоб вытащить тело десятилетнего мальчика, который утонул в декабре, а сейчас апрель. Я хочу помочь похоронить незнакомого ребёнка, время не терпит.

Ныне

Немного мест последует за мной в изменившийся смысл дороги. Немного воздуха повторю я ртом, раскрытым от изумления двойственностью — отсутствием и присутствием, памятью и сном. Я тяну свою версию сквозь ячейки слов, сквозь влажные камни солнца и перезрело-зрячие улицы смыслов.

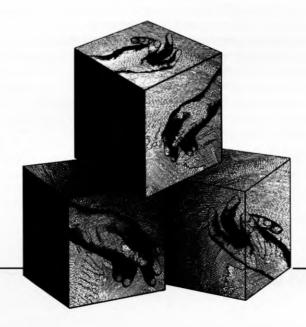
Очищаясь от ракушек и водорослей, начинаю тонуть в них. Очевидность поглощает, лижет золотыми языками, превращается в лицо той женщины, что слушает меня.

Где-то в предместьях ночи, стоящей рядом, горят золотые книги. Надеялся я прочесть, что же будет дальше, хотел приблизить к глазам то, что было вчера.

(Чтение пепла, переполнившего мои глаза и ладони, ведёт только к узкой расселине тишины со скромной неоновой надписью:

«Альфа и Омега»).

Но ведь где-то есть ливни яркого света? Между Всем и Ничем должна же быть бесконечная и осязаемая галактика нашего Ныне.

Красна кровь жертв и кровь виновных. Лопаются трубы в крашенных суриком мостах. Предложения — говорит друг — должны вонзаться одно в другое, в местах пересечений будет полно лилий-убийц.

Солнце стоит над западным берегом, если б не мост, мне пришлось бы остаться по ту сторону ночи, с кровью, в которой кружит взгляд, пока сердце блуждает по коже.

Граница

Границы неизменны, их нет среди тяжёлых шатров номадов, кочующих во тьме, населённой логикой и безвременьем сна. Границы изменчивы, об этом говорит пульсирующая между нами веточка крови, что блестит солью и гаснет в прозрачных ампулах, в охраняемых холодильниках.

Я могу поделиться с тобой кровью, хлебом, солью.

Могу отказаться от жизни, чтоб отдать тебе своё механическое сердце.

Больше я ничего тебе дать не могу.

Тонкая струйка дождя стекает по стене.

Красота невозможна.

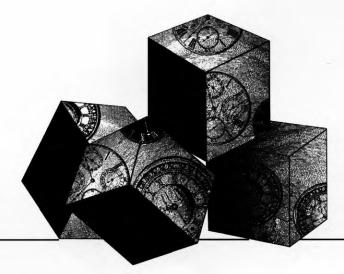
Я не могу отдать тебе себя, не перестав быть собой.

Сколько добра и сходства в нашей отчужденности?

Не зажигай свет — в темноте легче.

Зажги свет — между нами ночь.

Нам дано только это — стать на мгновенье чужими, идущими вглубь себя.

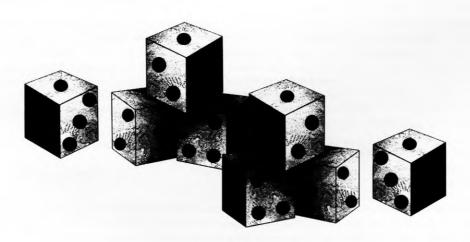

Многодух в пустоте, в едином мегавопле, раздирающем бесконечность, которая так непостижима, что умирает время, когда я пытаюсь телом вглядеться в неё.

Есть просветы — через них касаешься сокровенного и замираешь не то от ужаса, не то от боли. Потрясение пронизывает все килограммы плоти, уже несущей в себе бактерии распада, а над головами рождение и смерть обнялись, как песок и корень. Нас нет.

Распылены голоса, повторяющие одно и то же на разном удалении от Эха. Есть Эхо, повторяющее голос отражением лица, мглой, в которой я читаю, что удвоить — значит пережить. Пережить — значит войти в шум. Великий шум раковины, где балансируют холодные вселенные звёзд.

Позади, в тёмной комнате, слышится плач ребёнка.

Кристина Курчаб-Редлих

возвращение эмика ластика

Так бывает, когда живешь уже довольно долго: вдруг явится кто-нибудь из далекого прошлого — из тумана памяти, встанет рядом и упрямо не покидает тебя, даже без приглашения. И оказывается, что это место никогда не было занято, что оно пустовало — ждало именно этого момента. Момента возврата.

Эмик Ластик появился в моей жизни во времена моего (и его) детства, потом вернулся, когда детство перетекало в юность, а теперь — уже навсегда — он рядом, в своих стихах. Я не литературный критик, стихи воспринимаю прежде всего как читатель, только, может быть, слегка «испорченный» собственными поэтическими пробами. И потому могу решиться лишь на «импрессии» на фоне его поэзии.

К этой поэзии — как ни странно — обращаются нынешние молодые. Они явно находят в ней свою тревогу, свой страх, свое несогласие сосуществовать с реальностью — царством глупости и материализма. Два пожелтевших сборника стихов Эмика («Стены соли», 1975, и «Под солнцем — отпуск», изданный уже после его смерти, в 1983-м) ожили теперь под одной обложкой, и, признаюсь честно, мне стало стыдно. Как могло случиться, что я не оценила эти стихи тогда, когда они возникали, когда — в силу близости и фактической, и временной — они должны

были стать частью моего опыта тех лет?

Ответ прост: тогда я не доросла до них, до их понимания. Не доросла до понимания необычайной чуткости, точнее — сверхчувствительности этого человека, сверхчувствительности, которую простые смертные воспринимают как чудачество. А еще было то, о чем писатель и философ Ян Спевак сказал на его похоронах: «Эмик всем помогал, мы относились к нему как к мудрецу, никому и в голову не приходило, что он наш ровесник и ему самому нужна помощь».

И вот теперь, через четверть века после тех похорон, известный литературовед Кароль Малишевский пишет: «Сегодня я вновь читаю эти стихи, и меня поражает их масштаб, их богатство. Видно, я был слеп или ужасно неопытен, из-за чего от меня укрылась их весомость и их особость». Это слова из предисловия к прекрасно изданному краковским издательством «Зеленая сова» сборнику стихотворений Эмиля Лайне (Эммануэля Ластика) «Под солнцем — отпуск и другие стихотворения». Добавим, что книга издана под эгидой Литературно-художественной студии при Институте полонистики Ягеллонского университета.

Наши встречи в молодости — это прежде всего письма. В течение нескольких лет они частенько курсировали между Краковом и Варшавой. Было в тех письмах что-то неуловимое, дразнящее, немного чужое. Тогда казалось — экзальтированное. Я уж точно была, как и Кароль Малишевский, «ужасно неопытной», но, добавим, достаточно чуткой, так что переписка имела смысл, но была я настолько толстокожей, что сверхчувствительность друга казалась мне экзальтацией. Он переживал повседневность как счет, предъявленный ему самому за вину перед людьми, птицами, даже перед музыкой, которую, возможно, он слушал недостаточно внимательно, — это было слишком сложно для девочки-подростка. Несчастье сверхчувствительных людей в том, что они выглядят так же, как все, как мы, люди из крови и плоти, но все, что у них есть, — обнаженное сердце, ибо:

...тело так красиво обволакивает сердце, чтоб его защитить... однако не защищает.

Это была чувствительность человека «без кожи», стихи стали его крестным путем сквозь боль существования. Он уже тогда, в свои 16-17 лет, пропускал прозу повседневности «через кровоток» и «кружил вокруг белого сердца одиночества». Эмик был зрелым человеком, хоть это и не была зрелость личного опыта.

Это была зрелость военных и послевоенных поколений, хотя тогда мы еще не отдавали себе отчета в том, насколько глубоки незаживающие раны, нанесенные недавно завершившейся трагедией. А дым, который, как лейтмотив, проходит через стихи Эммануила Ластика, — это дым, уносящий в небо военные поколения. Не к ним ли относятся эти строки:

...осыпающийся холм звериных аксессуаров
— возвышенная сцена, увенчанная дымом.
Эта картина одинаково напоминает сахарный завод и фабрику смерти.
Не осталось и следа, если что-либо оставляет след, от тех строений, которые они тащили за собой...

Это не была боль Катастрофы — в те времена мы оба имели весьма смутное представление о своем еврействе, чувствовали себя чистокровными поляками. А потом Эмик ощутил себя финном — это перешло к нему по наследству от матери-финки. Он походил на нее во всем — и внешностью, и молчаливым характером, и суровым представлением о чести, свойственным людям Севера. Еврейство обрушилось на него нежданно, в 1968 году. В университете о нем не давали забыть. Он не мог издать стихи под своей фамилией, потому что его отец Соломон Ластик составил антологию еврейской поэзии вместе с Арнольдом Слуцким, который после 1968-го эмигрировал из Польши.

Конечно, у каждого своя мера чувствительности, но стихи Эмика — словно тонкий покров, которым можно окутать каждого. Читатель, не наделенный такой, как Ластик, чувствительностью, будет проецировать его поэзию на свои переживания. Он писал и для меня, и для всех после 68-го года, и для тех, времен войны:

…Я вслушиваюсь в призрачные перроны, где бледные эмигранты Не плачут, а истекают кровью — из глаз, сквозь кожу. Прощайте! Так уже было когда-то, в каком-то дымящем завтра, В каком-то Никогда. И все-таки руки холодные. Руки дышат подземными жестами. Остались только лица без ртов и густая мимика перенаселенной пустоты.

Возможно, это дерзкое истолкование, но, по-моему, фон этой поэзии — и освенцимская платформа, и пустой перрон, к которому подкатил эшелон с моими дедом и бабушкой, вернувшимися из Сибири, и варшавские перроны после марта 68-го, с которых многие наши друзья-евреи отправлялись в вынужденную эмиграцию.

Без того военно-послевоенного опыта наверняка не родилось бы одно из лучших его стихотворений — «Не люблю кровяную колбасу»:

Мы едим кровяную колбасу истории Кто дал для неё крупу а кто кровь Давали все Поэтому я не люблю историю.

На нас сыплется пепел, гарь, песок — всё это поэтика бесконечного отчаяния. Отчаяния, привитого к психике автора, как дополнительный ген.

...лампы оплёванные кровью среди листвы револьверов последней кампании по затыканию ртов... Декорация с камнем в глазу...

А без войны, оставившей след в нашем поколении, можно ли было написать такое:

От умерших морей —
Только сугробы соли.
От иссохшего неба —
Только шелест звёзд.
Тень дрожащая
Между слоями
Дымящиеся ярусы процессий...

Погружаясь в мир поэзии Лайне-Ластика, пожалуй, все же не следует впадать в чрезмерный буквализм. Она - как абстрактная живопись, хотя сильно проникнута чувственностью:

...быстрое, влажное от ожидания дерево наших порывов готовится к пляске святого Вита...
Плавное, творящее движение сладостно, таково, каким и должно быть, отсюда и туда, как я хотел, как мы хотели...

У тех, кто требует от слова буквального смысла, могут возникнуть трудности с истолкованием этой поэзии. Те, кто относится к слову, как к знаку кистью на произвольном фоне, почувствуют в ней себя привычно, среди близких значений. Наверное, потому-то в ту поэтическую эпоху, когда эти стихи рождались, они и затерялись гдето между ящиками письменных столов, которые дежурные критики заполняли дежурными в тот момент именами. А может быть, этот поэт, с его обнаженной чувствительностью, становится нам ближе только теперь, во времена все же более спокойные, когда мы сбрасываем очередные слои своей толстой кожи?

Любовь приходит. И уходит. В стихотворении «Большая комната» есть уже и «закрытые рты», и «выметенный воздух, чистый туннель между лицами»...

...В этой квартире больше нет дома есть только откосы уходов и белая нитка на полу
— знак, что кто-то сюда вернётся...

Он не вернулся. Следующее стихотворение — уже только констатация:

Нет дома Нет спокойного разговора о том что Бога нет

Нет сомнений

D C

Ребенок жена работа...

Мы встречаемся за бутылкой водки чтобы возненавидеть

Эти блестящие орудия — собственные глаза...

...Приложите мой дом к этому расставанию...

Расставанию, с которым Эмик не мог справиться, хотя — как он пишет:

...Сердце начинает медленно лопаться, предчувствовать смерть,

— которой он и не желал, и не планировал.

Я умру — значит, я существую...

Я знаю о том, что пребываю среди живых и умерших...

...я спокойно уйду от всех слов, обещаю умолкнуть сердцем...

Зажги свет — между нами ночь...

...Сколько любовей блуждает вслепую цепляясь за наши руки и сны? Почему каждым движением мы их отталкиваем?

А если так, то снова вопрос — утверждение:

...Разве я могу уйти меня уже столько раз не было Или глядеть в огонь И стынуть как вода в сенях...

Похоже, что окончательность, предчувствуемая сверхчувствительностью, в подсознании поэта набирает скорость:

- ...Мой пепел огнеупорен...
- ...Мои слёзы водонепроницаемы...
- ...Вот и всё что есть у меня я умру чужой смертью...

В какой-то момент чувствуется, что Эмик перестал бороться, потерял желание играть с жизнью. Почему? Действительно ли было так, как он писал в стихотворении «Она»?

…Я рассыпала свой пепел в твоих тканях ты носишь меня в разрыве дня в снежных глазах обещаний Ты это я и будешь мной — геном ухода. Не из камня или лучшего ожидания Никаких благородств с никелированной ручкой Не требуется... Надо уйти в жёлтый простор С пайкой собачье-небесной Встретят тебя в белизне не молча и не говоря...

Есть такая поговорка: «мы не поэты, мы бываем поэтами». Трудность (моя, а может, не только моя) состояла в том, что Эмик общался при помощи поэзии, говорил ею повседневно, она была основой его мышления, даже в вопросах простых и обыденных. Поэзия, понимаемая как обостренное чувство, чувствительность человека, безоружного перед реальностью, чувствительность, жить с которой невозможно. Чувствительность пожирающая. Бурса, Стахура, Воячек, Высоцкий, Маяковский... Пушкин, Лермонтов, Рембо... Ведь не все они намеревались свести счеты с жизнью. Но так случилось...

Если можно говорить о том, что когда-то называли вдохновением, то таких, как они, вдохновение не покидает. Разрушительная стихия, не оставляющая времени трудолюбиво катать слова из угла в угол рабочего кабинета. Мучительное чувство непричастности к тому, что вокруг. Чувство постоянного удивления. Усталости.

Стрелец в декабре подстрелил меня Я упал на чужие слова Средь чертополоха степей и войны А вернулся в огонь и горечь Я сам чертополох крапива и фальшь Смысл слюны на устах дурака

Конечно, если б мы не жили в разных городах, у меня был бы случай задать ему вопрос. Набраться отваги и спросить: что ты имеешь в виду, что ты под этим понимаешь... Но наши встречи были всё реже и короче. То, что он говорил, — не констатация фактов, а сжатые впечатления без «развития темы». Я обещала себе, что в следующий раз мы поговорим подольше... Всегда кажется, что еще будет этот «следующий раз», завтра, потому что сегодня еще столько дел...

Когда — стоя на балконе — он увидел, что я иду по улице, он крикнул, чтобы я зашла. Немедленно. Не приглашал, требовал. Но я спешила на поезд...

Это было за несколько недель до того, как — нечаянно — с какого-то балкона он улетел в небытие.

Теперь, когда все поезда ушли, — он вернулся. Вернулся, когда зрелость дала горечь понимания. То есть — вовремя.

Лешек Шаруга

выписки из культурной периодики

Политикой я сыт по горло — читать о ней не собираюсь, комментировать — тем более, а ее нынешний язык вызывает у меня зубную боль. Просматривая сегодня прессу, я по привычке, приобретенной во времена, когда занимался журналистикой, оставил включенным телевизор с программой последних известий и из уст свободно говорящего по-польски американского профессора услышал, что в России достаточно отъехать на 50 километров от Москвы или Петербурга, чтобы оказаться в XVII веке. Я чуть с тахты не свалился. Что поделаешь: если эти американцы больше ничего о России сказать не могут, то пора с ними кончать. Я во всяком случае отъехал от обоих названных городов куда дальше, оказался в сибирской глуши и должен сказать, что хотя стать на колени это меня не заставило (кроме природы: взять хотя бы окрестности Байкала), тем не менее невозможно не заметить темпов и размаха модернизации. Никто мне мозгов не прочищал, смотрел я на все непредубежденным взглядом и уверен в одном: те города, что я видел, перестраиваются, а если говорить об образе жизни сибирских горожан, то он не отличается от варшавских образцов. Конечно, есть нужда, это правда, но есть и бросающееся в глаза богатство. Да где уж мне равняться своими наблюдениями с американским профессором!

Но не я один путешествую. Путешествует, например, писатель Анджей Стасюк, прозу которого мы недавно представляли на страницах «Новой Польши». После книги «По дороге в Бабадаг» он недавно издал новую — «Фадо». Обширную статью (что в последнее время вышло у нас из обыкновения) посвятил ей Михал Павел Марковский на страницах «Европы» (2006, №36), отличного субботнего приложения к газете «Дзенник». Статья называется «Судьба, воображение, одиночество». Автор пишет:

«Фадо по-португальски значит судьба. Но прежде всего это слово означает меланхолическую песню, родившуюся в XIX веке в рабочих переулках Лиссабона и воспевающую печаль по безвозвратно утраченному. Это ощущение тоски по прошлому португальцы называют "саудаде», и песню еще сегодня можно услышать под аккомпанемент испанской и португальской, десяти- или 12-струнной гитары. Фадо — это португальский вариант блюза, исполняет его, как пишет Стасюк, "голос певицы, полный напряженной печали». В новой книге Анджея Стасюка фадо появляется только раз, мимолетно, почти случайно, но атмосфера этой песни пронизывает все содержащиеся в книге тексты. Ибо герой этого небольшого сборника — человеческая судьба, переживаемая с одной-единственной точки зрения: с точки зрения Анджея Стасюка.

"Я хорошо устроился в собственной судьбе, потому что вижу в ней непрерывность», — пишет Стасюк. Но пишет он и другое: "Из этого состоит жизнь, когда мы пытаемся представить ее себе как некоторое целое, — из разорванных отрывков, которые запали в память. Их не соединяет никакая логика, никакой смысл, кроме того, что случились они со мной». Об этом-то и написана книга: о том, что все в нашей жизни случается только с нами. (...)

Небытие у Стасюка! В современной польской литературе мало кто мерится с ним силами, потому что сегодня мало писателей по-настоящему метафизических. (...) Уже много лет Стасюк стремится преодолеть нигилизм, который всегда устраивает засаду там, где отчаявшийся человек задает себе вопрос: "Почему ничего больше, чем чего-то?» В "Бабадаге» он писал о своей "влюбленности в распад», об отклеивании слов от мира, о "прекрасном небытии», которое порой лишь ищет свою форму в видимом мире. В "Фадо» точка зрения меняется радикально. Разумеется, и здесь появляется небытие (иначе и быть не может), однако на этот раз писатель ничего о нем не говорит — он говорит о его преодолении. Когда все то, что отжило, "постепенно обращается в ничто», единственное спасение — память и воображение. Так и происходит у Стасюка. (...)

Откуда эта похвала памяти? Откуда похвала воображению, такая анахроничная сегодня, когда писатели задумываются только над тем, какой бы сколотить репортаж о действительности или как совершенно по особому соединить глагол с дополнением? Ответ ясен: из метафизической одержимости, которая велит заполнять пустоту формами, фигурами, вещами, перенося ее тем самым в вечную длительность. (...) То, что есть, ненадежно и слишком хрупко, чтобы дать гарантию прочного существования. То, что запомнилось, имеет возможность выжить и стать частицей единичной судьбы.

Стасюк вовсе не, как когда-то говорили, "литературный натурщик», который берет действительность за горло и швыряет ее на бумагу. Зато он великий апологет посредничества, оберегающего от слишком опасной действительности. Именно поэтому он такой защитник воображения. Быть может, самый крупный в современной польской литературе».

На мой взгляд краковский критик немного заговорился: он совершенно явно хочет ограничить литературу только прозой, а это в высшей степени несправедливо. В поэзии тоже хватает защиты воображения. И, думаю, в отношении поэзии тоже имеют силу слова Марковского, сказанные о прозе Стасюка:

«Это прежде всего мир, творящийся вне вездесущего обмена, мир, в котором мы можем найти себя и получить в собственность вещи и пространство. (...) Вроде бы это банально, но о такой банальности не следует забывать, ибо за ней стоит отдельный человек. Стасюк как раз и напоминает нам неустанно о такой не подлежащей обмену единичности, о том, что существует мир за пределами экономики, мир "чудесного транжирства», "бескорыстной траты». Тот мир, который нельзя обменять ни на что, — это еще и мир непредсказуемый, не написанный по сценарию, ход которого легко предугадать. (...)

Стасюк — метафизик, который (...) вообще не хочет принимать во внимание тот факт, что настала современность. Веря в воображение, он в то же время ясно говорит: мир существует, и воображение — только инструмент, благодаря которому он может продолжать существовать даже тогда, когда его уже нет. Да, Стасюк анахроничен, нет сомнения, но стоит спросить: а метафизика как таковая случайно не анахронична? Разумеется, да, и анахроничны были великие метафизики польской литературы — Лесьмян, Шульц, Виткаций. Анахроничен, но по-своему, был и Бялошевский, анахроничен был Ват. Стасюк принадлежит к самым анахроничным писателям среднего поколения — может быть, он из них самый анахроничный, что следует расценивать как похвалу. Литература, которая спешит идти в ногу со временем, не может быть хорошей литературой».

Это относится не только к литературе. О столкновении так понимаемой анахроничности с «современностью» и «модернизмом» говорится в статье Моники Куц «Непокорные идут своим путем», напечатанной в газете «Жечпосполита» (2006, №211) и посвященной искусству фотографа Адама Буяка:

«— Коллеги по Академии [художеств] и Союзу фотографов в Кракове смеялись надо мной, — рассказывает Адам Буяк. — Мы тут, насмехались они, занимаемся современной, творческой фотографией — девушки, обнаженная натура, а сумасшедший Буяк за какими-то набожными бабами и пустынниками по святым местам бегает... Кому это нужно?

Оказалось, что это было и осталось нужно миру, который теряет метафизические точки отсчета. Потому-то Буяк трудится, познавая тайны мистерий:

— Религиозные зрелища, посвященные Страстям Господним, я снимаю со времен своей молодости. В Кальварии-Зебжидовской, в Италии, Испании, Иерусалиме... В Торонто я был свидетелем мистерии посреди небоскребов. Через огромный современный город, в котором полностью прекратилось автомобильное движение, шла неисчислимая толпа — тысячи молодых людей, так как это было во время Всемирных дней молодежи с участием Иоанна Павла II в 2002 году. Тишина звучала в ушах».

Это тишина одиночества и встречи, и Моника Куц продолжает:

«Одни, желая приблизиться к Богу, нуждаются в богатстве религиозного театра или участии в массовых паломничествах. Другие предпочитают общаться с Ним в одиночестве. Буяку одинокий путь созидания духовности, может быть, даже ближе. Он много раз посещал скиты отшельников и закрытые для посторонних монастыри. (...) Четыре года он работал над альбомом "Тайны камальдулов», посвященным жизни краковских "белых братьев» из обители Серебряной Горы на Белянах. (...) Для альбома "Сокровища монастырей» он делал фотографии в нескольких краковских женских монастырях, закрытых для посторонних. (...) Молитва и созерцание — вот смысл призвания монашества, но монахи обязаны еще и заработать на жизнь. На снимках Буяка можно увидеть длиннобородого брата Херубина на тракторе, сестер-монахинь — на телеге, запряженной осликом, или пекущими хлеб в средневековой печи. В 70-е годы Буяк неоднократно побывал на святой горе Афон, куда нужно получать специальный пропуск от монашеской общины. Но он до сих пор не выпустил альбома из сделанных там снимков. (...)

Буяк еще в брежневские времена очень хотел документировать жизнь православной Церкви в России. Прилагал старания получить разрешение из Москвы. В конце концов Збигнев Подгужец, переводчик Достоевского, который ему помогал, посоветовал ему не питать иллюзий: его имя зарегистрировали в КГБ, и стоит ему пересечь границу, как он будет арестован по обвинению в религиозной пропаганде. В 1988 г., когда праздновалось тысячелетие Крещения Руси, уже шла перестройка, и на этот раз Буяку удалось получить аккредитацию. Он поехал в Москву на юбилейные торжества в Даниловском монастыре. Там фотограф познакомился со всеми иерархами Русской Православной Церкви, и эти контакты открыли двери его новым поездкам. За четыре года, начиная с 1992-го, он побывал в России несколько десятков раз. Проехал 60 тысяч километров, добираясь до самых отдаленных уголков страны. В Омск он полетел самолетом, хотя в аэропортах люди кочевали по две недели, чтоб попасть на рейс. (...) По Иртышу Буяк плыл вместе с паломниками на корабле, на борту которого везли икону Божией Матери Абласской в

новооткрываемый Софийский собор в Тобольске. Фотографировал он и внесение иконы в собор. Внутри собора все было в развалинах, иконостас порублен топорами. Когда чудотворную икону поставили посреди этих руин, владыка Феодосий упал перед ней, рыдая.

Многие советские лагеря помещались в бывших монастырях. В Даниловском в Москве был детприемник. То же самое — в Валаамском на Ладожском озере, который некогда считался земным раем, вторым Афоном. В Оптиной пустыни с осени 1939-го держали польских офицеров, и оттуда их увозили в Катынь на расстрел. Когда СССР начал приближаться к распаду, эти места начали отдавать Церкви.

Буяк видел возрождавшиеся храмы и собиравшихся туда людей. Одним из самых необычных проявлений этого религиозного возрождения были церкви, высеченные верующими изо льда на Иртыше. Когда лед трогался, они дрейфовали по реке и таяли. (...)

Когда Буяк приехал на Соловки, монастырь только что вернули Церкви; еще оставались глазки в дверях бывших камер. Интерьеры были полностью разрушены, но издали монастырь — величиной с замок в Мальборке — выглядел нетронутым.

В Омск Буяк ехал с особым волнением. Его мать была сибирячка — она родилась в землянке в Омске в 1918 году. Ее семье удалось бежать оттуда в начале 1920-х и вернуться в Польшу. Буяк поехал посмотреть отстраивающийся собор в колонии №8 — бывшем лагере недалеко от границы с Казахстаном. (...)

Все, что Буяк увидел, он показал в альбоме "Русь. Тысяча лет христианства». В России альбом так и не дождался издания».

Но это, разумеется, не единственный из путей, по которым ходил польский фотограф:

«В Японию Буяк поехал в 1996 г. по приглашению французского Национального центра фотографии. В то время как других европейских фотографов увлекали в Японии новейшие технологии и жизнь кварталов XXI века, Буяк странствовал по храмам и предназначенным для созерцания садам дзен. Из этих снимков возник альбом "Очарованные Японией», к которому Анджей Вайда присоединил свои японские рисунки, Чеслав Милош — переводы хокку, а Вислава Шимборская — стихотворение "Люди на мосту», написанное под впечатлением гравюры на дереве Хиросиге Утагавы.

— Я был в буддийских, синтоистских и католических храмах, — вспоминает Буяк. — В церквях сидела неподвижная толпа с руками на коленях, в какой-то созерцательной сосредоточенности. А в буддийские и синтоистские храмы люди не ходят все вместе — только поодиночке... В той культуре всё смешивается, но в силу этого легче почувствовать, что Бог один. Может, это прозвучит странно, но фотография ради фотографии меня не интересует. Она лишь довесок к моей жизни. Настолько важный, что открыла мне путь. Благодаря этому я мог объехать целый свет и так много увидеть. И в этом мое богатство, которое позволяет мне ответить на множество жизненно важных вопросов».

Если призадуматься, то ясно видно, как в творчестве Стасюка и Буяка соединяются два мотива: первый — та самая «анахроничность», о которой говорит Марковский; второй — «метафизическая одержимость», обретение метафизического аспекта человеческой судьбы — судьбы единичного, неповторимого человека. Мир существует в стольких вариантах, сколько есть переживающих его людей. Поэтому, вероятно, прав Марковский, утверждая:

«Если все-таки одиночество лишает нас самих себя, осуждая на отсутствие других, — тогда оно разрушительно. Одиночество, поддержанное воображением, становится творческим. Одиночество без памяти — это смертный приговор. Последняя книга Стасюка распята между двумя полюсами одиночества. Между счастливым детством и тревожной зрелостью. (...) В "Фадо» Стасюк принимается отчетливо и откровенно говорить: трудно человеку после сорока лет поклоняться небытию как таковому. Однако трудно и отвернуться от него, делая вид, что его не существует. Поэтому нужно все время писать одну и ту же похвалу воображению, одну и ту же апологию памяти, ибо судьба человека такова же, как и судьба писателя. Эта судьба — заклинать безжалостный рок, печально петь фадо».

Откровенность позволяет избегать фальши — ибо откровенность не то же самое, что правда.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Политикой сегодня занимаются в Сейме и на телеканале ТВН-24. Раз у Сейма сейчас каникулы, то политикам остается только ТВН-24. Куда бы они делись, если бы пять лет назад не появился этот канал?» — пишет Ярослав Муравский в очерке, посвященном польскому информационному телеканалу. Этот телеканал, отмечающий как раз свой пятый день рождения, стал сегодня важнейшим средством массовой информации, формирующим общественное мнение в области политики. Несмотря на то что его аудитория составляет лишь около 2%, это как раз те зрители, которые вызывают зависть любого конкурента, это активный средний класс, самый динамичный и заинтересованный в развитии страны. Когда в 2001 г. Мариуш Вальтер, глава группы ИТИ, владельца частного телеканала ТВН, приступил к осуществлению проекта информационного телеканала, вещающего круглые сутки, немпогие аналитики рынка СМИ верили в успех этого дела. Всего лишь месяц спустя после открытия канала угнанные террористами самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке... «Может быть, это прозвучит цинично, - говорит Анджей Зарембский (в то время секретарь Всепольского совета по телевидению и радиовещанию), — но им с этим 11 сентября здорово повезло». ТВН-24 привлекает все больше и больше известных личностей, и, наверное, уже нет ни одного политика, который не хотел бы появиться у них на экране...

• «Обычное телевидение рано или поздно перестанет существовать, — говорит Камиль Пшеленцкий, глава фирмы, занимающейся дистрибуцией фильмов в Интернете, — поэтому нам надо искать клиентов по-новому. Для начала в интернетпрокате "Нетино» можно будет найти несколько десятков художественных фильмов, в том числе и польских». Но ассортимент предлагаемых товаров будет расширяться, а сами организаторы хотят пустить в прокат еще и образовательные материалы. Да и у конкурентов зубы становятся всё острее».
• «Центр положительных СМИ» — так планируется назвать учреждение, которое, согласно внесенному в Сейм законопроекту о добрых

правах СМИ, должно оценивать, какой кинофильм, какая газета и т.п. грешат против добрых правов или страдают чрезмерной жестокостью. Своим контролем он охватит и игры в Интернете, и, разумеется, телепередачи.

• «О том, кого можно называть настоящим поляком, будет решать не кто попало. Это понятие связано с патриотизмом, а патриотизм — это не только развевающиеся флаги и звуки национального гимна. Это и повседневное честное отношение к своим близким, к остальному обществу, тактичное и деликатное отношение к недостаткам других людей. Патриот не падает духом от возможных неудач и постоянно надеется на лучшее», — сказал в интервью газете «Жечпосполита» Густав Холоубек, один из самых известных польских актеров театра и кино, директор варшавского театра «Атенеум».

• «Превосходно сыгранная камерная семейная драма. Действие происходит в гнетущей атмосфере клаустрофобии, которая царит в маленькой квартире в центре Варшавы. В кинофильме "Площадь Спасителя» похвалы заслуживает буквально всё: и дышащие подлинностью диалоги, и психологическая достоверность, и до мелочей продуманные постановочные задачи, и, наконец, замечательный актерский состав. Не говоря уже о смелом намерении замахнуться на одно из важнейших польских табу — на семью», - пишет Магдалена Садовская о новом фильме Кшиштофа и Иоанны Краузе («Долг», «Мой Никифор»). «Из этого сюжета, — написал Тадеуш Соболевский, — можно было сделать трогательную, слезливую мелодраму, после которой мы могли бы без особого труда почувствовать, что мы-то лучше, умнее, нравственнее. Или же, скажем, фильм-обвинение о трудном старте молодых, о нездоровой атмосфере в обществе, мышиной возне, безработице и коррупции... Но в фильме "Площадь Спасителя» у нас по одну сторону — детерминизм причин и следствий, неизбежные последствия событий, а по другую свобода. Всегда существующая возможность быть свободным, остановить поток зла, поверпуть его вспять».

• Жюри литературной премии «Нике» выбрало семь книг, одна из которых будет лауреатом нынешнего года. В числе этих семи — два сборника стихотворений и пять романов. В области поэзии это «Двоеточие», новая книга лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской, о которой Рышард Матушевский писал: «Двоеточие — это просто знак препинания, говорящий о том, что далее что-то последует. (...) И хотя мы блуждаем среди вопросительных знаков, ничто не кончается, всё продолжается в ожидании: а вдруг мы узнаем нечто сверх того, что уже знаем. (...) В ожидании без всякой уверенности, что узнаем всё, скорее с надеждой, что какая-то частица знаний о мире будет нам дарована». Автор книги стихов «Эта туча возвращается» — Петр Матывецкий. О его поэзии Малгожата Барановская написала так: «Говорят, что это городская поэзия. Матывецкий лучше чувствует себя в застроенном пространстве — ограниченном четкой формой, созданной руками человека. (...) Но поэту не чуждо и верное земле небо, и солнце, создающее пространство, и туча, которую никто не замечает. (...) ...во всем чувствуется меланхолическое, печальное ощущение утраты. Это ощущение вроде бы относится к городу и его трагическому прошлому, но в действительности просто к жизни». О «Павлине королевы», произведении, которое по замыслу должно напоминать рэп, говорит его автор Дорота Масловская: «Поп-культура — это целый мир, параллельный настоящему, где всё упрощено и сокращено, где в программе телепередачи можно прочесть сжатое изложение кинофильма "Гамлет». Я сама пережила такое сжатие (...) и уж, пожалуйста, не говорите мне, что этот опыт ничего не стоит». В романе «Все языки мира» Збигнев Менцель «красочно описывает реалии ПНР... Этот роман — записки о времени взросления (...) а также трактат о слове, языке и возможностях выразить самые важные мысли и вопросы». «Условие» Эустахия Рыльского — это «классический роман в костюмах наполеоновских времен, фоном которому служит поражение Наполеона в 1812 году, — пишет Марек Радзивон. — Тут есть все атрибуты эффектного романа... Но Рыльский предлагает картину истории, полемизирующую с классическим представлением о героических уланах». О книге Мариуша Вилька «Волок» писал Пшемыслав Чаплинский: «Вильк хочет нас убедить в том, что Россия — не монолит, что в ее истории есть такие традиции, к которым и мы могли бы обратиться, и что понять русского человека трудно, но не невозможно». Автор уже многие годы живет на севере России и культуре этих мест посвящает свои лирические отступления, которые он формулирует с помощью довольно странных конструкций искусственного языка. И, наконец, «Любево» Михала Витковского — своеобразный реверанс жюри в сторону нетрадиционного поведения, а само по себе произведение — «довольно неоднозначное и весьма неожиданное описание мира гомосексуалистов».

• А новейшие бестселлеры, кажется, всё еще пребывают в летней ауре — здесь на первом месте оказался сборник «Рассказы по-летнему теплые и даже горячие», куда вошли двадцать произведений известных польских писателей, которые пишут о «чувствах деликатно и беспощадно, нежно и цинично». В первую десятку попал и другой сборник: «Пикантности. Любовные рассказы», или, как пишет Анджей Ростоцкий, «эротические истории, описанные столь многочисленными перьями, да еще какими. (...) Любовь и вожделение — всегда благодатная тема для писателей, ибо что касается этой материи, то у большинства из них имеется некоторый опыт». Радует, что в категории документальной литературы присутствует последний сборник эссе Станислава Лема «Порода хищников. Последние тексты». Добавим лишь, что на первом месте по итогам полугодия оказалась Иоанна Хмелевская с ее последним романом «Бледная спирохета».

• «Фестунг Бреслау» — так называется очередной, последний в цикле вроцлавских детективов роман Марека Краевского. Его герой — помощник детектива Эберхард Мокк, который «на этот раз расследует в 1945 г. во Вроцлаве загадочную историю изнасилованной со смертельным исходом молодой немки, — пишет Яцек Щерба. — Кто-то может задать вопрос, стоит ли заниматься одним трупом, если каждый миг их возникает вокруг значительно больше? Однако Мокк видит в этом смысл, он подходит к делу честно, защищая этический порядок». А сам автор так говорит о причинах своего интереса к Вроцлаву того времени: «Речь шла скорее о том, чтобы преодолеть табу, которое долгие годы было связано с немецкой историей Вроцлава. Из тех книг, что я читал в юности, следовало, что это всего лишь небольшой эпизод в истории города. Я ощущал хаос в восприятии окружающего мира: во время прогулок с отцом я везде видел следы немецкого Вроцлава».

• В этом году исполнилось 50 лет Международному фестивалю джазовой музыки в Сопоте, положившему начало двум мероприятиям — варшавскому «Jazz Jamboree» и Международному

фестивалю песни в Сопоте. И хотя за прошедшие полвека сопотский фестиваль пережил много перемен, а в нынешнем году состоялся «Сопот-Фестиваль» с Элтоном Джоном в роли главной звезды, тем не менее стоит напомнить, как это всё начиналось. «Джаз, — пишет Павел Ивицкий, должен был служить тем клапаном, через который можно было выпускать пар, создавая видимость демократии в области легкой музыки... Тысячные аудитории, парад джазменов — это было своеобразной демонстрацией неприятия музыки, звучавшей в официальном радиоэфире, и вместе с тем это был апофеоз свободы. (...) Замечательные концерты секстета Комеды, Курылевича, Тшасковского, Милиана, "Меломанов» принесли фестивалю успех и с художественной точки зрения». Праздник джаза («Jazz Jamboree») впоследствии перенесли в Варшаву, а Сопот со временем стал местом проведения концертов, где с триумфом принимались шлягеры, презираемые участниками первых встреч. Сегодня от той бунтарской атмосферы в Сопоте мало что осталось, разве что счесть знаком протеста выступление со сцены Элтона Джона в защиту якобы унижаемых польскими властями гомосексуалистов.

- «Замечательная идея, пишет Дорота Ярецкая в рецензии на выставку «В Польше, то есть где?», открывшуюся в Центре современного искусства, дать определение Польше не с помощью портрета или карикатуры на поляка, но отображая то, как поляк видит и как он называет увиденное вокруг себя». Эта выставка завершает цикл экспозиций, посвященных новейшему польскому искусству и проходивших в ЦСИ в течение целого года. «Ответы на поставленный в заголовке вопрос, пишет далее Ярецкая, весьма различны, и находятся они в диапазоне от малого реализма до великой мечты».
- Знаменитая выставка фотографий польских евреев, объехав за десять лет весь мир, верпулась в варшавскую галерею искусств «Захента». Ее вернисаж положил начало фестивалю «Варшава Зингера», организованному фондом «Шалом». «Мы хотели воссоздать атмосферу довоенной Варшавы, чтобы в этот период на улицах столицы царил иной ритм», говорила Голда Тенцер, инициатор фестиваля. Программа этого фестиваля включает также выступления выдающихся музыкантов, художественные проекты, клезмерские концерты, общие гуляния и... совместное угощение. И всё это будет происходить на Пружной, с надеждой на то, что в этот квартал можно будет действительно снова вдохнуть

жизнь, о чем говорится вот уже много лет, но, пожалуй, только теперь, с приходом два года назад фестиваля Зингера дело сдвинулось с мертвой точки.

- «Орлы» Карского премию, учрежденную в честь курьера из Варшавы, который во время II Мировой войны представил Западу правду об уничтожении польских евреев, — получили Адам Михник за то, что он «делает Польшу лучше», а также Абрахам Х. Фоксман, директор Антидиффамационной лиги, за «несгибаемую волю в борьбе против диффамации и смелость, с которой он говорит ненависти: "Никогда больше»».
- Пятый Фестиваль четырех культур, который уже стал неотъемлемой частью пейзажа много-культурной Лодзи, привлек в этот единственный в своем роде польский город многих интересных мастеров. В этом году фестиваль был посвящен культуре России зрители получили возможность увидеть давно уже не бывавший в Польше Театр на Таганке, который привез спектакль «Высоцкий», услышать сочинения Софьи Губайдулиной в исполнении оркестра «Ауксо» и посмотреть русское и советское немое кино, в том числе «Стачку» Сергея Эйзенштейна.
- К сожалению, обещанные министерством образования дешевые учебники не попали на организованную перед началом нового учебного года Ярмарку образовательной книги. Но зато все, кто хотел, могли посетить конкурировавшее с этой ярмаркой мероприятие организованный «Мобильной академией» «Черный рынок полезных знаний и невежества», на котором можно было узнать про духов, вампиров, призраков и про места их обитания, а также о других нетрадиционных способах отношения к действительности. Билет на ярмарку стоил всего один злотый.
- «Я сожалею (...) благодарю за доверие» написал в письме жителям Гданьска почетный граждании этого города, родившийся здесь немецкий писатель Гюнтер Грасс в ответ на письмо городских депутатов, написанное после того, как лауреат Нобелевской премии признался, что служил-таки в «Ваффен-СС». «Прочитав слова Грасса, я испытал удовлетворение, — отметил бывший президент Польши Лех Валенса. — Признаюсь, у меня было подозрение, что он пытается использовать эту историю, чтобы сделать рекламу своей книге. Однако я понял, что его признание (...) — это исповедь. (...) Я его прощаю. Я довольно резко нападал на него за прошлое, но сейчас важнее то, чем он руководствуется теперь».

польско-русское кино эмоций

Беседа с Кишитофом Копчинским, продюсером кинофильмов, снятых в рамках проекта «Польша—Россия: новый взгляд»

- Начнем со слов Кшиштофа Кеслёвского, поставленных эпиграфом к проекту: «Замысел берется из всего, с чем мы соприкоснулись в жизни».
- Два года назад мы («Эрика Медиа») сняли для польского телевидения и телевидения «Арте» фильмы «Варшава взгляд с Востока» Дмитрия Кабакова и «Моя Варшава» Марии Змаж-Кочанович. Эти два фильма были включены в тематический вечер, транслировавшийся по каналу «Арте» сразу после вступления Польши в Евросоюз. Позже мы устроили просмотр, пригласили Матеуша Вернера из Института им. Адама Мицкевича, и он, посмотрев, сказал, что задумал некий проект в рамках «Сезона России в Польше и Польши в России»: провести творческие мастерские, в результате которых польские студенты снимут фильм в России, а русские в Польше. Институт решил финансировать эти мастерские, и благодаря этому несколько молодых выпускников сняли свои первые картины впрочем, называть их «молодыми» довольно спорно.
  - По каким критериям отбирали режиссеров и их художественных опекунов?
- Мы пользовались советами вузовских преподавателей в данном случае Силезского университета, из которого с нами тесно сотрудничал кинодокументалист Анджей Фидык. От Мастерской школы кинорежиссуры Анджея Вайды с нами сотрудничал Матеуш Вернер, который выбрал кандидатов, пользуясь советами Войцеха Марчевского. Мы руководствовались тем, что уже сделал студент каждый должен был показать образцы своей работы, а кроме того тем, как он представил свой проект и как его охарактеризовали преподаватели. Русские студенты были к нам направлены из ВГИКа и Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. А московские Высшие курсы документальной режиссуры представили слишком большое число кандидатур, поэтому я посмотрел их работы, побеседовал с ними и выбрал двух девушек.

Режиссерам была дана полная свобода, темы были их собственные.

- Но ими каким-то образом руководили, им помогали?
- Да. Все это было включено в рамки трех мастерских, между занятиями в мастерских им тоже, разумеется, пришлось работать: собирали документацию, писали сценарии, консультировались прежде всего с нами, но и с преподавателями тоже, как с поляками, так и с русскими.
- Как вы думаете, есть ли надежда, что эти фильмы, показанные 9 марта в варшавском кинотеатре «Культура», на международных фестивалях, в том числе на Краковском, пробытся на экран Польского телевидения?
- Они уже были показаны по ТВ «Культура», которое действует в рамках ТВП. Это первый тематический канал, создать который решилось Польское телевидение. А шесть фильмов будут показаны по первой программе.
  - Какие фильмы были выбраны для передачи?
- Их выбирали на основе сценариев, Первая программа сама выбрала «Sacrum», «Электричку», «Семена», «7 раз Москва», «Загуж конечная станция».
  - А как прошел вечер 9 марта в кинотеатре «Культура»? Какая собралась публика? Как она реагировала?
- Очень хорошо, публика была довольна, зал переполнен, многим не хватило мест. Так было с самого начала, хотя просмотр начался в полчетвертого. В это время в кино никто не ходит, залы стоят пустые.
- Зрители хотели говорить об этих фильмах, были ими взволнованы? Думаете ли вы, что эти фильмы могут положить начало дискуссии?
- Говорить всегда кто-нибудь хочет. Я разговаривал с разными людьми и в Польше, и в России. И со студентами из других стран Португалии, Англии, азиатских стран. Войцех Касперский, который был на фестивале в Беверли-Хиллз, разговаривал с американцами, а кроме того был на конференции на Тайване. Там собрались люди с общественного телевидения со всех концов мира, и редакторы потребовали дополнительного просмотра «Семян», так как на первом просмотре фильм стал сенсацией. Этот фильм пользовался самым большим успехом среди представителей всех крупнейших общественных телекомпаний мира. Для студента это особое отли-

чие. Разговаривал я и с людьми на фестивале в Бельгии, где дал интервью российскому телевидению и встретился с очень живым откликом публики. В Москве мы показывали «Семена» дважды, а остальные фильмы — по одному разу. Второй раз «Семена» шли в прошлом году в Доме кино, на просмотре документальных фильмов стран ЕС в Москве. Мы дали на этот просмотр «Семена» и картину Мацея Дрыгаса «Один день в ПНР» — и после сеансов опять-таки прошла интересная дискуссия, что нас тоже радует.

- Из того, что я прочитала, видно, что главной целью проекта было анализировать отношения между Россией и Польшей, поляками и русскими и понять, как действуют мифы, механизмы стереотипов, как работает мысль над представлениями о соседе. А вышло, мне кажется, глубоко личное кино, по сути дело изъятое из истории.
- Думаю, что этих людей коммунизм не волнует. Анализируя этот опыт, могу сказать, что они создали особый язык общения. Русские не знали польского, а поляки русского. Попробовали объясняться друг с другом по-английски, но оказалось, что почти никто из них по-английски толком не говорит. Есть, конечно, исключения. Войцех Касперский хорошо говорит по-английски, но по-русски не говорит. Каролина Белявская то же самое. То есть некоторые говорят, но английский не стал языком общения. А как-то объясняться надо было. Через некоторое время они создали свой польско-русский язык. Поляки говорили по-польски, прибавляя немножко русского, а русские утверждали, что по-польски все понимают. Это важно, потому что съемочная площадка место особое, тут надо со всеми тонкостями понимать друг друга, иначе можно упустить случай что-то снять. Вот и пришлось им договариваться ради сотрудничества. Но не думаю, что их интересует политика, а если даже то в малой степени.
  - Разговаривали ли они как-то о своих картинах, объясняли, обсуждали их?
- О картинах, о жизни, о кино вообще. Они интересуются кино в целом, это их профессия, и они обсуждали это, как умели. Я бы тут не переоценивал интеллектуальный фактор, это скорее было кино эмоций. Трудно было бы доискиваться здесь каких-то глубоких знаний.
  - В таком случае что нового говорят эти картины о Польше и России?
- У нас, пожалуй, не было погони за новизной была попытка открыть что-то такое, что другие, может быть, уже давно открыли, или переоткрыть. Думаю, что в мире уже давно все открыто, так что если у когонибудь такого рода амбиции, то это не всегда выглядит порядочно. Но для самих участников проекта это было открытием: никто из поляков раньше не был в России, а из русских в Польше разве что проездом, а это не дает знания страны. Они открывали обычаи, открывали место работы. Все они испытывали сильную потребность узнать побольше о другой стране, вообще о мире, потому что, например, фильм «Семена» не о России, это общечеловеческий документ. Эта история могла случиться где угодно. А вот «Электричка» больше о России, картина, выдержанная в литературных традициях: Ерофеев, Солженицын... Но ни у кого не было систематизированных знаний о стране, о которой им пришлось рассказывать. Теперь мы начали второй цикл проекта и попросили Адама Поморского, чтобы он на открытии прочел вступительную лекцию о польско-русских культурных отношениях в XX веке. Это был очень сильный импульс, но в работе он нам не очень помог. Это не их область.

Открытия, как мне казалось, состояли также в том, чтобы сказать русским что-то новое о России — у русских уже было несколько таких фильмов. Один из них, «Электричка», — называется так же, как наш, — был снят в России несколько лет назад. Но нам хотелось, чтобы о России рассказал человек из-за границы. Человек, свежесть взгляда которого состоит в том, что он пришел из другого пространства. Пространства не в самом простом понимании, но еще и в метафизическом.

Все эти фильмы многим обязаны замечательным преподавателям. В них внесли свой вклад выдающиеся кинодокументалисты. Например, преподаватель документального кино и режиссуры ВГИКа и Высших курсов Владимир Фенченко. Он стал предметом поклонения, в Варшаве все его знают, так же как много лет назад, когда все знали, что он друг Занусси. Его очень высоко ценил Кеслёвский — да и трудно его не ценить, — но теперь он оказал огромное влияние на то, что снимали наши студенты.

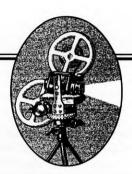
- Меня поразило, что эти фильмы вступают между собой в диалог как те, что делали русские о Польше, так и те, что снимали поляки о России. «Электричка» с «Моим Кеслёвским», то же самое и «Загуж конечная станция». Это мне особенно понравилось, это придавало фильмам более человечный и общечеловеческий характер... А что вы можете рассказать о втором цикле проекта? В нем участвуют те же самые люди? Когда мы увидим какие-то результаты?
- Мы сражаемся с материалом. Пока что у нас 15 студентов. Теперь нам легче, потому что успех первого набора облегчил старт второго. Легче достать деньги, обеспечить себе сотрудничество разных учреждений, которые могут помочь в выпуске фильмов. Все готовы помогать.

- И в Польше?
- Да, и в Польше.
- То есть первый цикл проекта помог как-то консолидировать среду польских кинематографистов?
- Не стал бы преувеличивать. Я, собственно, мало что знаю о среде польских кинематографистов, мы действуем как бы на обочине, но мы уже получили финансирование из Института им. Адама Мицкевича, получили киностудию это для нас очень много значит. Наша работа была весьма рискованной, из этого могло ничего не выйти. Благодаря упорству коллег, а особенно вследствие эффективных действий института, прекрасного партнера, в первый раз все прошло успешно.
- А что делают польские участники первого цикла проекта? Получили они какие-то предложения работы или сосредоточились на том, чтобы идти своим путем? Примут ли они участие во втором цикле?
- Нет, мы решили набирать во второй раз тех, кто не участвовал в первом проекте. Но есть одно исключение Мартин Сацер: в прошлый раз он был оператором картины «Электричка», а теперь будет режиссером. Не знаю, может, еще прибавится оператор пока мы не говорим об самих съемках, мы на этапе сбора документации.
  - Открыл ли дорогу авторам фильмов успех первой части проекта?
- Думаю, да. Некоторые были известны еще до работы с нами: Мацей Цуске, Петр Стасик, но, например, Войцех Касперский нет. Получают ли они предложения? Не знаю, ничего не могу сказать. Но у них заведомо есть свои планы, которые они пробуют осуществить. Проект помог в том смысле, что, во-первых, они стали известнее, а во-вторых, научились работать в коллективе, научились работать с преподавателями как нашими польскими, так и иностранными.
  - А какой из фильмов произвел на вас лично самое большое впечатление?
- На этот вопрос я не отвечу, это дело крайне личное. Не знаю, сумел бы я указать... Я испытывал глубокое уважение ко многим режиссерам, которые работали тяжело и упорно, что с их старшими коллегами редко случается. Работали они в очень тяжелых условиях. Войцех Касперский с Шимоном Ленковским месяц провели на Алтае. Это была нелегкая экспедиция, она могла плохо кончиться. Я разговаривал с Ленковским через неделю после их возвращения, и он сказал мне, что всю эту неделю думал, как так случилось, что им удалось вернуться. Они поехали снимать незаурядный фильм.
  - А получили ли русские режиссеры какие-то предложения после успеха проекта?
- Этого я, к сожалению, не знаю. Но знаю, например, что картину Алены Полуниной «Sacrum» показывали на фестивале в Лагове. Взяли ее и на фестиваль «Новые горизонты» во Вроцлаве, а также фильм о Загуже. Фестиваль в Лагове пригласил Алену, приехал Владимир Фенченко, был Кабаков создаются какие-то связи, очень крепкие. И все-таки... Московский Дом кино, где мы устроили премьеру, собрал четыреста зрителей. Это в России на показе документальных фильмов, да еще и студенческих, бывает редко.
  - После второй части проекта вы планируете его продолжать?
- Не знаю, посмотрим, как она пройдет. Не знаю, будем ли проводить третью. Был еще вы наверное слышали подобный польско-немецкий проект, назывался «Reflections», идея принадлежала Анджею Вайде, только принцип был другой: немцы снимали фильмы о Германии, поляки о Польше.

Беседу вела Александра Вейна

Кшиштоф Копчинский — кинопродюсер и сценарист, владелец фирмы «Эрика Медиа», член объединения «Новые горизонты», Всепольской палаты аудиовизуальных продюсеров, «European Documentary Network», председатель международного объединения «Будущее СМИ». Преподает в Варшавском университете литературу, кино и СМИ. Автор трех книг и более сорока статей на темы польской культуры XIX века и современной, а также СМИ. Снял около ста документальных фильмов и телепередач, ставя в центр внимания польскую культуру (съемки в Западной Европе, России, Индии, Афганистане и США).

Александра Вейна

ГЛАЗОМ КАМЕРЫ ГЛЯДЯ ДРУГ НА ДРУГА

Хотя молодые кинематографисты были свободны в выборе темы, они остались внутри трех категорий: места («7 раз Москва», «Загуж — конечная станция», «Белинского, 6», «Следы»), люди («Мой Кеслёвский», «Московская жена», «О правде») и метафизика («Sacrum», «Семена», «Электричка»). И что поражает: ни один из этих документальных фильмов не останавливается в своей категории — одна плавно перетекает в другую, чтобы преобразоваться в третью и вернуться к первой.

Деять картин, десять разных взглядов. Каролина Белявская в «Белинского, 6» предложила портрет жителей петербургской коммуналки. Герои разного возраста и профессий: 26-летний Владимир, бизнесмен, который начинает день упражнениями на кустарных силовых снарядах, зато в окружении фирменных шмоток — «Нике», «Адидас», «Дизель»; 24-летний Дмитрий и его 19-летняя жена Радия; Виктор, петербургский поэт и композитор; Паша, который хочет потрясти мир искусством; Ольга, эмоциональная художница, временно работает в общепите. Вместе они составляют красочную коммуну людей, которые не ждут пассивно лучшего будущего. Владимир занимается каким-то неопределенным бизнесом, представляет собой тип современного российского второразрядного «мачо»: мобильник, кожа и ботинки с задранными носами. Когда его спрашивают, чего он хочет, отвечает: чтобы фирма развивалась. Он постоянно в движении, а на вопрос, что хотел бы делать в жизни, отвечает, что это глупый вопрос; на вопрос же о мечте отвечает красноречивым молчанием.

Чутким глазом камеры вглядывается режиссер в молодую семью Дмитрия и Радии. Они производят впечатление изъятых из времени: время проводят, играя в карты, движутся в ритме русского техно, переключают телевизор с программы на программу. На вопрос, чего она желает, Радия отвечает: чтобы муж был счастлив. Есть некоторая дихотомия в этом утверждении: с одной стороны, оно комично — для нас, циников XXI века; с другой — дышит глубокой простотой чувства. Когда Радия мягко просит Дмитрия пойти на работу, он откликается смехом и словами: «Ты что, с ума сошла?! Я — на работу?!» — и потом объясняет: нет такой работы, в которой он мог бы помогать людям, нет такой, как он хотел бы. Когда его спрашивают о мечте — говорит, что не мечтает: живет со дня на день.

Ольга и Паша, страстно преданные искусству, пытаются уберечь свои желания (Ольга: «Лишь бы только любимый всегда был со мной»); отчетливо это прозвучало в сцене, когда Паша стоит на каком-то из невских мостов и пытается продать сфинксов собственного производства. Днем мимо него проходит пара молодоженов, еще тепленьких со свадьбы, вечером Петербург стихает и под покровом ночи хорошеет. Паша говорит: «Искусство заставляет нас задуматься над своей жизнью, — а потом: — Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что мечты вредят. Вот я и не люблю мечтать: ничто не сбывается». Ольга, в фильме составляющая с Пашей дуэт художников, верящих в спасительную силу искусства и в более широком понимании вообще культуры, продолжает верить и мечтать. Из картины несмотря ни на что веет атмосферой, полной надежд на лучшее будущее, и это совершенно противоречит всему, что мы могли себе представить на тему современной российской молодежи.

«7 раз Москва» Петра Стасика — это эстетически изысканный коллаж семи впечатлений от столицы. Картину открывает статическая картинка одной из сталинских высоток в свете солнца. Вместился в кадр и свадебный стол, накрытый белой скатертью; кто-то делает снимки, проезжает ребенок на роликах. Есть место не только зрительному, но и сложному звуковому образу, который составляют звуки города, переплетающиеся со звуками, созданными специально для фильма.

Вторая картинка невольно ассоциируется с кадрами из американских или азиатских фильмов: пробки в уличном движении, огни автомобилей, рекламы над улицами. Странно знакомый вид, как и предыдущий и следующий — картинка эскалатора в метро. Здесь мы замечаем разнообразие человеческих лиц, кто-то читает газету, кто-то улыбается, у кого-то каменное выражение лица, а другие его передразнивают. Четвертая картинка снова обращает зрителя к памяти о любом большом городе, особенно о польской столице: вот в катящейся массе прохожих внимательный глаз камеры вылавливает красочного распространителя листовок в оранжевой шапке. Камера не останавливается на нем надолго — мы идем за ней в церковь, наблюдаем молитвы над теплыми огоньками свеч. Статическая камера регистрирует все, что войдет в ее глаз. В том числе и

печальную старость — героиню шестой картинки. В оранжевом свете, на Бог весть каком этаже блочного дома, лежит в постели старушка. Ее захватывает врасплох отключение электричества. Это маленький рассказ о мире как пространстве близкой смерти. Контрапунктом к нему становится последняя, финальная картинка: наезд камеры на молодоженов, подвергающихся утомительной, связанной с позированием фотосъемке. Видно, как они стараются исполнять нудную обязанность молодой пары: на время вспышки складывают усталые рты в круглые улыбки, берут в руки белых голубей, но глаза не обманут — только в них отражается ненужность, чуждость происходящего. Скобка закрывается.

О перспективах поляков сегодня говорит исполненный хорошего настроения документальный фильм Юлии Ишаковой «Загуж — конечная станция». Исходный пункт здесь — старые снимки городка, последней железнодорожной станции на юго-востоке Польши. За ней начинаются уже только серпантины шоссейных дорог посреди пейзажа Бещад. Путеводной нитью картины стали образ почтальона и песня «Скальдов» «Размышления сельского почтальона», который ездит от дома к дому — а мы, идя за ним, знакомимся с местными жителями. О Загуже как самом безопасном районе Польши коротко рассказывает забавная женщина-полицейский из Верхней Силезии, а о жизни художников в глуши — они сами. В обстоятельствах важного события — матча — мы узнаём от молодой девушки, что она довольна, что живет в Загуже. На вопрос о развлечениях она называет концерт группы хип-хопа «Мезо». Такой же молодой паренек говорит, что «пиво-то доброе, а за работу платят слабо». Он музыкант и намерен предаваться своему увлечению. Для них это лишь начало, старт, а для 85-летней старушки, рассказывающей о смерти, о достоинствах жизни на окраинах страны («катаклизмы нас обходят»), — уже сумерки жизни. Ее рассказ трогает и надолго остается в памяти.

Героиня картины Николая Бортса «О правде» — Елена, русская, поселившаяся и работающая в Польше. Ее портрет показан через призму ее друзей. В этом фильме ощутимы энтузиазм, нерв, огонь, юношеское нетерпение, проявляющееся главным образом в цифровых съемках портативной камерой. Николай — авторрассказчик. Он излагает нам историю их знакомства (состоявшегося через Интернет после того как Николай прочел статью о Елене в «Варшавском курьере»). Когда смотришь фильм, возникает ощущение, что режиссер стремится сорвать маску со своей героини, которую всё радует, у которой улыбка не сходит с лица, а дружественные чувства проявляются тысячью способов. Зритель отдает себе отчет, что это своего рода защитная маска, и это подтверждает сцена, в которой Елена перед выступлением накладывает грим. Николай чувствует, что фильм от него ускользает, потому что обнажить истинное лицо героини так и не удается. Елена водит режиссера в разные места, знакомит его с множеством людей, приглашает на уроки русского для поляков. Но наступает родительская суббота, которую Бортс видит как фестиваль лотков, бубликов, сахарной ваты и радости, что противоречит внутреннему настроению Елены. На кладбище она прибирает чужие могилы, так как этим может совладать со своим одиночеством, тоской по родителям, особенно по матери. Слезы капают, маска спадает.

У поляков важнейшим режиссером последнего десятилетия минувшего века был Кшиштоф Кеслёвский. С почтением, которое они питают к автору «Декалога», попробовала померяться силами Ирина Волкова. И результат вышел прекрасным. Ее картина делится на две части: репортаж с фиктивного набора актеров на роли в новом варианте «Случая» и беседа с дочерью Кеслёвского Мартой Грыняк, снятая в черно-белом (набор актеров показан в цвете). Фильм Волковой открывается вопросами, обращенными к потенциальным актерам: что такое смерть? почему люди умирают? Кандидаты также делятся своими впечатлениям от фильмов Кеслёвского, мыслями о режиссере как о человеке. Из всего этого вырисовывается картина человеческого разнообразия и тех впечатлений, которые оставил сам Кеслёвский и его творчество. А Марта Грыняк, снятая крупным планом, делится воспоминаниями об отце, дает нам глубоко личный портрет Кеслёвского, который не успел стать дедом своих двух внучек, а так любил детей, и дети его любили. Она говорит: «Мы по-настоящему узнаём родителей, когда они стары, а не тогда, когда они были молоды», — и в этой одной фразе выражена вся ее тоска по покойному отцу. Кстати, Марта рассказывает, каким он был мужем и отцом с ее точки зрения; рассказывает, что он был внимательным и ее этому учил. В этот момент, на одно мгновение, мы видим в лице дочери проглядывающего в ней отца. Грыняк рассказывает о своем жизненном пути, о «Красном» — самом любимом из отцовских фильмов (фрагменты из него вклеены в картину Волковой, в частности тогда, когда героиня рассказывает свой сон судье) самом любимом, потому что самом оптимистическом. Камера проходит по семейным фотографиям Марты, старым и нынешним, а затем оказывается с героиней и ее дочками сначала в заснеженном парке, после — на кладбище Повонзки, где похоронен Кшиштоф Кеслёвский. Алая свечка напоминает зрителю об оптимизме «Красного». Мы видим надгробный памятник, людей, крестящихся над могилой, — и вновь оказываемся в исходной точке, у варшавской гостиницы «Европейская», где проходил набор актеров. На фронтоне здания натянут огромный транспарант с фотографией Кеслёвского, как всегда с сигаретой в руке. Группа несостоявшихся актеров

римейка «Случая» стоит под транспарантом, смотрит прямо в камеру и машет руками. Параллельность, с которой воздают честь режиссеру его почитатели, позволяет нам осознать, что память о Кеслёвском жива и перешла к следующим поколениям.

Барбара Бяловонс показала, как живут жены московских олигархов. У красавицы Виктории есть всё: дома, наполненные хрусталем, алые ногти прямо от маникюрши, шофер; она занимается йогой, консультируется с детским психологом, а в саду ее, как она утверждает, «запущенной дачи» стоят немые статисты — статуи. Режиссеру удалось вызвать мать и жену на откровенность: женщина рассказывает о себе, о любви, о сексе, то есть о своем пути к зрелости. В подтексте мы ощущаем чувствительность, которую она не дала в себе подавить. В Москве, которая предстает в фильме копией Лас-Вегаса, Виктория пытается инвестировать в себя самое. Она не хочет быть довеском к мужу, довеском, которому положено красиво выглядеть и молчать. Виктория хочет себя выражать: она верит в искусство как пространство, благодаря которому можно себя познать, жить всей полнотой жизни, — поэтому она борется за себя. Камера, до сих пор в свободном парении, останавливается, когда на кадре крупного плана раздается вопрос, счастлива ли Виктория. Она молчит, лицо слегка подрагивает, и в конце концов отвечает: «Скорее — нет».

Мацей Цуске, прирожденный кинематографист, поставил камеру в электричке, давшей название фильму, и составил реестр людей, которые каждый день ездят из Москвы в Петушки. Ему удалось неслыханное: возник фильм общечеловеческий, действие которого могло бы разыгрываться в варшавском пригородном поезде или токийском метро. Любитель подглядывать будет доволен: ему показана целая палитра человеческих типов, начиная с мужчины в тулупчике, спящих людей, пенсионеров, гармониста, солдата, элегантной дамы и до злящегося глухого и нежно целующихся парочек. Мы наблюдаем множество человеческих поступков и жестов: пьют, курят, целуются, едят мороженое, говорят по телефону, подкрашиваются, торгуют; флирт, отцовская любовь. Какофония звуков и красок, целые гаммы настроений и человеческих типов — эти крайне любопытные черты фильма моментами приобретают комизм. Мелодии, песни, звуки иногда носят характер, подводящий итоги жизни этих людей.

Самый лучший кинофильм — по-видимому, «Семена» Войцеха Касперского. Картина рассказывает о судьбе семьи, живущей в предгорьях Алтая. Пятеро детей, самый младший болен эпилепсией, и родители: отец, пытающийся удержать семью на плаву, и душевнобольная мать, с которой практически ни о чем не договоришься. Мнимые парадоксы окружающей их действительности быстро перестают забавлять — они принимают ее смертельно серьезно. О том, почему семью изгнали из сельского общества, мы узнаём только в конце, ибо картина построена по принципу шкатулки. Прекрасные съемки Шимона Ленковского только подчеркивают трагизм положения, суровость пейзажа и, парадоксально, извлекают из рассказа лиризм.

«Sacrum» без сакрума Алены Полуниной обнажил лживость и лицемерие польской религиозности. Рассказчиком служит будущий кандидат в священники: вместе с ним мы странствуем по городку Лихень, где построен самый большой в Польше костел, по отчизне пластмассовой Богоматери с отвинчивающейся головой, куда налита свяченая вода, — по местам китча и коммерции. Ощущается вера автора в хороший конец, но в ушах вместо тишины, подчеркнутой музыкой, остается кваканье лягушек, несущееся из громкоговорителей.

Освенцим и Аушвиц в картине Гали Красноборовой и Гоши Молодствова — два разных места. Мы смотрим на них глазами жителей города, работающих в музее. Они рассказывают об экскурсиях, туристах, тысячи которых проходят через территорию бывшего лагеря. Комментируют эмоции, которые у них самих в некотором смысле уже выдохлись...

Документальные фильмы, снятые в рамках польско-русского проекта, доказывают, что у нас, то есть у России и Польши, больше такого, что соединяет, чем того, что разделяет. Если искать эти общие точки, то ими окажутся: необходимость спасаться искусством и культурой, традициями; всеобщая потребность труда, которая сплачивает людей, а не разделяет; внимание к другому человеку. В фильмах польских режиссеров мы видим преобразующуюся Россию, где много еще надо сделать, но что-то уже переменилось. То же самое и с Польшей — мы находимся в одном и том же историческом моменте, но действуем по-разному. Можно наблюдать также общую нам жажду деятельности. Результатов второго цикла проекта «Новый взгляд» подождем до будущего года.

ЛЮДИ ПЛЮЮТСЯ ЖЕМЧУГОМ

Беседа с Доротой Масловской

23-летняя Дорота Масловская, только что ставшая лауреатом главной польской литературной премии «Нике», уже успела вызвать у читающей публики и восторг, и неприятие. В 19 лет она выпустила известный русским читателям роман «Польско-русская война под бело-красным флагом», написанный языком улицы и отражающий ментальность «дресов»!. Ее второй роман «Павлин королевы» (2005) — литературный аналог песенок хип-хоп. Дорота училась на психологическом факультете Гданьского университета, бросила, теперь изучает культурологию в Варшавском.

— Как вам экивется в варшавской Праге²?

- Замечательно. Теперь уже без восторгов. Это удивительная мешанина: с одной стороны — рост, современность, замкнутые анклавы, с другой — распад: вот этот дом за окном ждет сноса 30 лет. На его фасаде — следы от пуль, со времен войны дом ни разу не ремонтировали. Жить здесь постепенно становится в тягость: когда из окна такой вид, то в один прекрасный день хочется выйти на улицу и заорать: «Немедленно приведите дом в порядок!» Впрочем, недавно я была у мамы в Вейгерове, а когда вернулась, всё здесь показалось мне таким живым. Люди ходят, торгуют овощами. А там можно полдня глазеть в окно — ни одного прохожего. Для молодежи маленький городок — это ад, в деревне и то лучше. Общество такого городка достаточно многочисленно, чтобы чего-то от тебя требовать, но не настолько, чтобы ты мог затеряться в толпе. Все друг за другом присматривают. Каждый должен одеваться как другие, иметь в доме такую же обстановку. Заглянув в окно, заранее знаешь, что там увидишь, вплоть до мелочей, потому что все квартиры одинаковые. Никому не приходит в голову хотя бы иначе расставить мебель. Мне всегда хотелось оттуда сбежать, и последняя поездка напомнила мне, почему. В Праге я живу третий год...
- Вы думали, что на правом берегу Вислы жизнь более настоящая?
- Я и сейчас так думаю. Более настоящая, но и более тяжкая. Писателю лучше, когда не всё хорошо, когда он не живет в изоляции, в отрыве от земли. Пускай мучится, беспокоится сразу будет о чем писать. Благополучный литератор становится бесплодным. Он отправляется на банкет или выступление, ест кусок торта, внимая похвалам, и отвечает на поздравительные письма. Когда жизнь не бросает ему вызовов он попросту угасает. Не хотела бы я, чтобы моя жизнь дрейфовала в эту сторону.
  - Сейчас вы купаетесь в лучах славы...
- C этим заласкиванием надо быть невероятно бдительной. Похвалы еще не означают, что тебя действительно ценят и понимают.

² Район Варшавы на правом берегу Вислы. — Пер.

¹ Дресы (польск.) — спортивный костюм. Вместе с бурно развившейся в Польше модой на «дресы» слово стало нередко обозначать и принципиальных носителей спортивных костюмов. Судя по русскому Интернету, в этом значении слово уже заимствовано сегодняшним русским языком или, если угодно, молодежным жаргоном (так, например, одним духом говорится «скины и дресы» как описание разных группировок молодежи). — Ред.

- Но среди похвал звучали и голоса серьезных критиков, вас выдвинули на премию «Нике». Голова не закружилась?
- Мне часто приходится слышать, какой я молодец, что не зазналась и осталась такой, как была. Это не совсем правда. Думаю, я получила травму, был у меня даже эпизод невменяемости. То, что со мной случилось после выхода «Польско-русской войны», в возрасте 19 лет, было как заговор темных сил, чтобы превратить меня в психиатрический случай. Я была к этому совершенно не готова девчонка из маленького города, еще прыщавая. Варшава была для меня чем-то невообразимым, мифическим за конечной станцией электрички, а то и дальше. Большая, вся в огнях, за горами, за лесами. И вдруг я оказалась в какой-то тотальной психологической камере: восторги, аплодисменты, поздравления. Но если бы меня только хвалили, я могла бы предаться самовлюбленности, и было бы приятней. Нет, за этими бурными аплодисментами всегда начинают бурно освистывать и по-польски поливать грязью. Я не знала никого, кто сказал бы мне, что это норма. И долго не могла отмыться от чувства грязи и унижения, позора при всем честном народе. Но вообще-то я говорю об этом без эмоций, написала про это свою вторую книгу, и всё прошло. Я чувствую себя ветераном, пенсионером и инвалидом.
- Во второй книге вы язвительно описали артистический мирок. Вы себя относите к нему или от него отмежевываетесь?
- Я и наблюдатель, и участник. Я часть этого мира, но меня спасает склонность к двойному наблюдению: за тем, что творится вокруг меня, и за тем, что творится во мне. Я испытываю массу гнусных чувств, поддаюсь низким инстинктам, но делаю это сознательно, чтобы наблюдать, как функционирует человек.
- Шум вокруг вас привел к тому, что ваша частная жизнь была выставлена на публичное обозрение.
- Это очень нехорошо, и с этим я, пожалуй, никогда не смирюсь. Хотя в повседневной жизни я об этом не думаю, у меня и так много простых, приземленных занятий. На улице меня редко узнают по крайней мере, хочется думать. А если уж что-нибудь подобное случится, я всегда удивляюсь: «Я??? Да почему?» Когда я иду за картошкой, я же не думаю, что я какая-то там писательница и что у меня на полке стоят какие-то статуэтки.
  - Вы не пытаетесь формировать свой образ в СМИ?
- Предпочитаю от него «отклеиваться». Правда, наученная горьким опытом, стараюсь контролировать его. Очень разборчиво подхожу к предложениям, которые получаю от журналистов. Соглашаюсь только на те, которые выглядят творческими, из которых что-то вытекает. Но получаю и множество таких, которые служат только взбиванию пены и раскручиванию популярности. Мне это и не нужно, и удовольствия не доставляет. Я сосредотачиваюсь на работе это мне важно, это меня заряжает. Терпеть не могу болтать языком, это растрата энергии, и не желаю распространяться о себе: это ничего не дает. Я человек не эффектный, сыпать поговорками, цитатами и забавными случаями из жизни не умею.
  - Выпустив две такие разные книги, считаете ли вы себя зрелым писателем?
- Я об этом не задумывалась. Как показывает опыт, каждый раз, когда я в чем-то уверена, все потом сложится так, чтобы доказать мне, что я ошибаюсь. Что, собственно говоря, это значит: зрелый писатель? Книги для меня отчасти как снимки, писать как фотографировать мозг. Это интересно своей мимолетностью и несовершенством, а не тем, что ты-де являешь некое откровение. Мое дело скорее задавать вопросы и тревожить, а не умничать. А готовые истины, они в пословицах.
- Вам наверняка не раз задавали вопрос: что может сказать такая юная особа о мире и о жизни? Возможно, ее заслуга только в формальных экспериментах?
- Такие вопросы повергают меня в отчаяние. Как и упрек, что мне нечего сказать, что написано, конечно, интересно, но и только. Одна журналистка сказала недавно о моих книгах, что если бы я их написала обычным языком, то от них ничего бы не осталось. Это полная нелепость. Форма неотделима от содержания, это один организм. А кроме того никогда не знаешь, от кого услышишь самые важные в твоей жизни слова. От ребенка, старика или прочитаешь у Хайдеггера.

— Что такое для вас язык?

- Это моя жертва. Лишь недавно я осознала, с какой опасной материей работаю. Это же взрывчатка! Главное вещество, из которого сотворен мир. Я начала об этом размышлять после занятий по логике у профессора Тересы Холувки. Мы обсуждали проблему абортов и говорили, насколько этот дискурс стал объектом манипуляций: можно говорить об удалении зародыша, а можно об убийстве человека. Тогда я впервые подумала о том, как речь конструирует действительность.
  - До этого вы полагались на интуицию?
- Да. Когда я писала «Польско-русской войну», я ни о чем таком не имела понятия. Я инстинктивно строила мир через язык. Там нигде не написано: «Сильный носил дресы» эти дресы содержатся в языке.
  - Вы задумывались над причиной своего успеха?
  - Просто я способная.
  - Способных людей много, и никто о них никогда не слышал.
  - Но я очень способная.
  - А может, вам помогла молодость?
- Молодость скорее загнала меня в категорию диковинок природы. Часть моей ложной, раздутой популярности порождена атмосферой сенсации: люди ходили за мной толпами, потому что Роберт Лещинский упомянул обо мне в какой-то там передаче. Это не было верхом моих мечтаний, скорее унижало. Сенсацией оказалась и грубость «Польско-русской войны», и то, что эту книгу написала женщина. Но то, что книга была грубой, не значит, что в грубости ее сила.
  - A в чем?
- То, что я пишу, это как кровоизлияние, наводнение, катастрофа в мыслях. Бьет изнутри, не обуздать. Не умею сказать, как это происходит. Когда я пишу, то не считаю, не рассчитываю: «А вот теперь затрону тему безработицы». Я знаю, многие читают мои книги с ощущением, что каждый мог бы такое написать: это же, мол, не литературный язык, а она так пишет, потому что иначе не умеет. Но с моей стороны это же умственное актерство. Тот, кто в жизни говорит: «Не ложьте сюда», написал бы: «Дерево росло в саду, а осенние листья шелестели».
- В «Павлине королевы» вы бросили вызов дутым, ложным кумирам. Вы что же, как и правящая партия, объявляете войну «лжеэлитам»?
- Тут другое. Их попытка сорвать маски со лжи прямо подчинена их взглядам. Лжец это каждый, кто думает не так, как они, его нужно вывести на чистую воду и сурово наказать. А я разоблачаю иначе, разоблачаю и себя, свои механизмы мышления, всё дурацкое. И обхожусь без программных заявлений. В этом кардинальное отличие. Я не сажусь писать книгу с предпосылкой и взглядами из этого может выйти только полное фуфло. Я сажусь с предпосылкой, что действительности надо дать через себя протечь, прокатиться.
- Теперь многие молодые авторы стилизуются под Масловскую. Это литература интенсивная, стилистически заразительная, с энергичной фразировкой. В ее тональность впадают с опасной легкостью. Считаете ли вы это своим писательским успехом?
- Я рада, что моя литература заразительна. Я сама люблю читать книги, которые ввинчиваются в мозг, которые откладываешь с желанием написать такую же точно. Это же волшебство, если вирус книги переселяется в ум читателя. Но, может, мне подражают или подделываются под меня еще и потому, что мои книги стали модными, знаменитыми, что кто-то сказал: «Это хорошо»? Я читала несколько рецензий, авторы которых подделывали мой стиль, чтобы доказать, как это просто и пусто. Тут-то я торжествовала.
- Подражатели Масловской ищут, как и вы, темы, валяющиеся на улице. Но существует и другой подход к литературе. Например, Дубравка Угрешич считает, что источник литературы не в жизни, а в самой литературе. Это совершенно иной мир.
- Вряд ли можно указывать художнику, откуда ему черпать вдохновение. Когда я пишу, меня больше всего вдохновляют разговоры людей, а не то, что я читаю в книгах. Люди просто плюются жемчугом в заурядных разговорах. Они говорят такие невероятные вещи, простые и вытекающие из

повседневного понимания мира. Это мне кажется гораздо более творческим и новаторским, чем цитаты, эпиграфы и пословицы на все времена года. Предположение, что в 20 лет человеку нечего сказать о мире, не кажется мне умным.

- Вы нуждаетесь в каких-то литературных авторитетах?
- Я жертва литературы. Иногда я задумываюсь, как повлияло на мою личную жизнь чтение запоем. Это порождает психологию мадам Бовари, отрывает человека от реальности, и ты начинаешь считать, что все относительно, стилизуешь себя под положительного героя. Но период, когда я глотала книги и упивалась литературой, остался позади. Я объелась литературой и вступила в такую фазу, когда почти ничего не читаю. Мало какая книга способна меня взволновать сюжетом или формой. В данный момент более творческой мне кажется сама жизнь, реальный опыт. И мне любопытно, как перерыв в чтении влияет на образ мыслей, на способ формулирования мыслей.
  - Вы говорили, что находитесь в тупике. Творческом или читательском?
- Прежде всего читательском, но отчасти и творческом. Я всё еще переживаю послеродовой период: весной я произвела на свет пьесу «Двое румын, говорящих по-польски». Выжидаю, присматриваюсь, собираю материал. Нельзя писать слишком много. Но я все время так говорю, все время работаю и жалуюсь, что ничего не делаю.
  - Когда вы заканчиваете книгу, у вас появляется ощущение пустоты?
  - Конечно! Я чувствую себя ужасно, гнусно, впадаю в депрессию, становлюсь невыносимой.
  - Может, противоядием было бы начать новую?
  - Увы, это невозможно. Новая оказалась бы точно такой, как только что законченная.
  - Помогают ли вам работать друзья?
- Конечно, я от них в полной зависимости! Мне всегда нужно иметь свидетеля, по ходу дела давать прочитать написанное. Когда долго пишешь, теряешь контакт с текстом. Мне приходится у других узнавать, в чем смысл данного куска, о чем там говорится. Сама я этого не чувствую, потому что знаю текст чуть ли не наизусть. Еще я люблю слушать, что говорят друзья, какими словами описывают мир.
- Есть ли оратор, которого вы любите слушать? Какая-то известная личность, чей стиль высказываний вас вдохновляет?
- Я официальными речами не интересуюсь, предпочитаю неофициальные. А кроме того, я вообще не смотрю телевизор. Отвыкла. Уже через пятнадцать минут начинаю смертельно скучать. Неужели тратить подаренные мне жизнью обрывки свободного времени на глазение в ящик?
  - А воспитание дочери изменило ваше отношение к языку?
- Малина еще маленькая, сейчас она на этапе называния: это котик, это голая баба. А я с ней говорю инфантильно, в третьем лице: «Маме надо на минуточку выйти», и страшно неловко себя чувствую.
  - В Праге существует свой сленг, не тот, что на другом берегу Вислы. Вы говорите с туземцами?
  - Редко. Да и ни к чему мне их язык.
  - Так зачем вы тут живете?
- Мне хотелось гулять в домашних шлепанцах по улице. И чтобы никто не обращал на меня внимания. Чтобы соседи не знали, кто я. Они видят только, что мы какие-то чудные: не уходим к восьми утра на работу, а я езжу на велосипеде, причем не на горном, вот уж действительно ни в какие ворота. Бывает, я раздражаюсь: что за проклятое место, где в девять утра каждый второй прохожий уже пьян. Иногда ночью на улице разгорается скандал, тогда мы открываем окно и тоже орем. Но что делать надо жить.

Беседовали Моника Малковская и Паулина Вильк

***RZECZPOSPOLITA

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Хен: о Бое Желенском
К. Маслонь о польской прозе
О. Закиров: из воспоминаний
А. Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М. Выка о Станиславе Бжозовском
Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,
А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с В. Зинем, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

Лучшие писатели и қритиқи

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе. тел.: +48 (22) 627-15-52; men./факс: +48 (22) 628-95-07 e-mail: tworczosc@bn.org.pl www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году. тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71; men./факс: +48 (22) 608-28-72 e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl www.ruchmuzyczny.pl

представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической

гуманитарной мысли.

Польша и мир, история и возможное будущее.

тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16

e-mail: odra@odra.net.pl

NOW E

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы. тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35 e-mail: noweksiazki@wp.pl

na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

akcent

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли.

Выходит в Люблине с 1980 года. men./факс: +48 (81) 532-74-69 e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии. тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82 e-mail: dialog@bn.org.pl www.dialog.waw.pl

новая ПОЛЬША

о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских авторов.
Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95

тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.

мел. +48 (022) 692 88 19;

men./факс: +48 (022) 692 88 18

e-mail teatr@bn.org.pl

Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88 e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

